

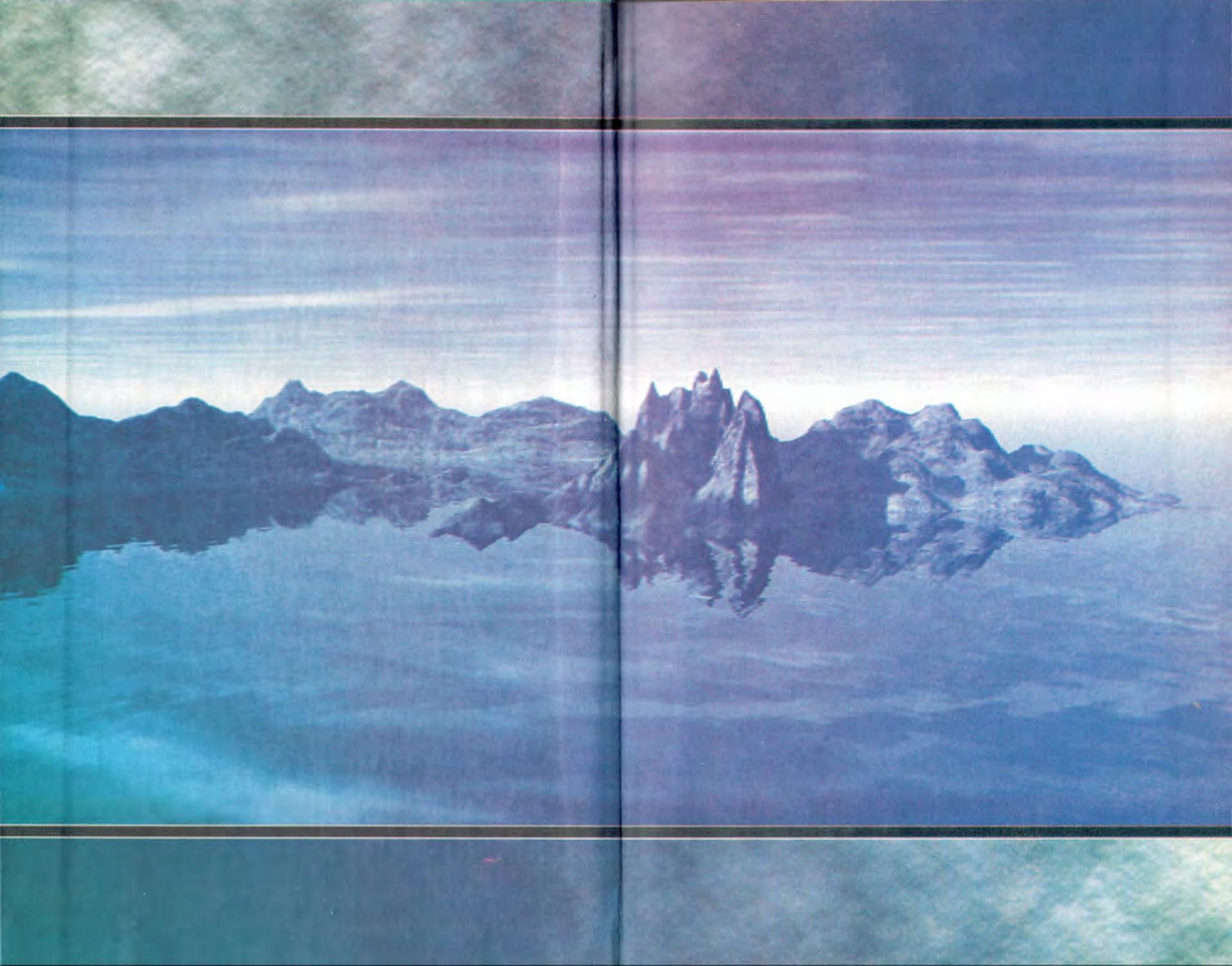
КИР
БУЛЫЧЕВ

лишний
близнец

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

А А Б И Р И Н Т

ЛАБИРИНТ

ЗВЕЗДНЫЙ

ЖИР
БУЛЫЧЕВ

лишний
близнец

ИЗДАТЕЛЬСТВО • МОСКВА • 1999

ББК 84 (2Рос-Рус) 6
Б90

Серия основана в 1997 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник М.Н. Калинкин

**Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
 правообладателя запрещается.**

Булычев К.

Б90 *Лишний близнец: Повести и рассказы.* – М.: ООО
“Фирма “Издательство АСТ”, 1999. – 448 с. – (Звезд-
ный лабиринт).

ISBN 5-237-02924-8

Добро пожаловать в город Веревкин и его окрестности!

Здесь не происходит ничего особенного. Все как всегда.

Обычный конец света, вполне ординарный...

Обычное убийство фантастом конкурента — и правильно. И
ничего было писать то же самое!..

Обычное совещание трудового коллектива по случаю получения
из преисподней заказа на самый средненький адский котел...

Добро пожаловать в искрометный, яркий, смешной мир Кира
Булычева — писателя, который удивляет читателей снова и снова...

© Текст. И.В. Можейко, 1999

© Оформление.

ООО “Фирма “Издательство АСТ”, 1999

**Фантастические истории,
имевшие место
в городе Веревкине
Тульской области
и его окрестностях**

СОДЕРЖАНИЕ

Лишний близнец	7
В когтях страсти	97
Киллер	161
Котел	193
Чума на ваше поле!	213
Будущее начинается сегодня	391
Показания Оли Н.	415

ЛИШНИЙ БЛИЗНЕЦ

НЕОКОНЧЕННЫЙ РОМАН...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. 1968 год

Некогда наш Веревкин был центром небольшого княжества, за которое боролись могучие соседи — рязанцы и туляки. Городище и сегодня можно различить за взорванным в тридцатые годы собором. Его взрывали, но не до конца, динамит кончился. За перерасход динамита, говорят, репрессировали командование саперной дивизии. Все может быть — времена стояли морозные.

Я патриот Веревкина. Мальчишкой я бегал по зеленому склону за улицей Льва Толстого к за-пруженной речке Веревке. Там мы купались, а в омуте жил сом гигантских размеров. Мы его иногда видели, он даже уток воровал. Но взрослые нам не верили до тех пор, пока в омуте не взорвалась в сорок первом немецкая бомба. И тогда сом погиб и выплыл светлым брюхом кверху, и был он размером с небольшую подводную лодку. Но всем было не до сома, потому что сначала через Веревкин прошли немецкие танки, а когда выпал снег и танки завязли, на них напала конница генерала Белова. К тому времени сом уже вмерз в лед, местные жители вырубали его изо льда ломтями, тем и жили до весны.

Простите, что я отвлекаюсь, но иногда хочется поговорить неспешно и передать кому-то память о вещах, никого теперь не интересующих. В войну я был мальчишкой, потом окончил пединститут, с тех пор работаю в школе №2. Школа №1 расположена по ту сторону рынка, где район пятиэтажек, а наша осталась в здании дореволюционной гимназии на улице Льва Толстого. На гимназии, вы наверное, обратили внимание, есть мемориальная доска о том, что там учился академик Соснихин, дважды герой Социалистического труда, создатель самоходных комбайнов.

В сквере у бывшего собора мы намеревались, как положено, поставить бюст на родине дважды героя, но оказалось, что ни одной фотографии нашего славного земляка не сохранилось. А когда инициативная группа во главе с нашим завучем Людмилой Африкановной ездила в область, то ей объяснили, что под комбайнами подразумевалось нечто совсем другое, из-за чего академик Соснихин был настолько засекречен, что было указание сжечь даже его школьные фотографии. И дом, в котором он родился, вместе со всеми свидетелями. Последнее, как вы понимаете, шутка. Дом, конечно, стоит на месте, хотя состояние его оставляет желать лучшего. Но родственников его нашим школьным следопытам отыскать не удалось. К тому же в последние годы выяснилось, что фамилия академика Соснихина совсем не Соснихин, но настоящая фамилия была вычеркнута из всех документов, школьных журналов и даже из книг ЗАГСа. Тем не менее мы

продолжаем гордиться нашим земляком и раньше устраивали пионерские сборы в его честь.

Я проживаю вместе с моей супругой Нианилой Федоровной в двухэтажном деревянном доме в переулке Урицкого рядом с бывшей часовней Аники Воина. Мы занимаем две комнаты на втором этаже, и так как у нас нет детей, то жилищные условия у нас более чем хорошие. Вторую квартиру из двух комнат занимают Стадницкие. Коля — мой бывший ученик, после службы в армии он стал работать в райпотребсоюзе, а его жена Клавдия, для нас просто Клава, приходится дальней родственницей моей супруге и мы считаем ее как бы нашей дочерью. Так что наш второй этаж живет дружно, мы посещаем праздники друг у друга. К сожалению, первый этаж нашего дома занят жестяной мастерской. Там выпрямляют жестяные или иные металлические предметы, которые по какой-то причине погнулись. К счастью, мастерская заканчивает работу в шесть часов вечера.

Вот так обстояла общая обстановка к моменту странных событий, а о состоянии Веревкина вы можете убедиться сами, стоит вам пройтись по городу. Надеюсь, вы не заблудитесь? Прямо, до собора, там налево до памятника Ленина. А за ним начинается колхозный рынок.

Стадницкие хотели ребенка. Мы тоже хотели, чтоб у них **родился** ребенок и дома стало бы оживленнее. Мы даже обещали молодым людям, что будем помогать им растить ребенка и сидеть с ним, если понадобится.

Клавдия, которая работала методистом в Доме культуры имени Клары Цеткин, взяла декретный

отпуск раньше срока, за свой счет. Мы были с ней согласны.

Коля Стадницкий хотел мальчика, а Клава хотела девочку, это обычный и понятный семейный конфликт. Наш доктор в женской консультации Дина Иосифовна внимательно относилась к будущей матери и уверяла, что беременность проходит нормально. Затем ребеночек начал двигаться и проявлять признаки жизни.

Сейчас я стараюсь вспомнить, когда же могло произойти то трагическое событие, которое и послужило толчком ко всему. Это событие было незаметным, оно должно было быть незаметным, и все же меня порой мучают мысли, что я мог бы остановить или хотя бы предупредить трагедию.

Мы не раз обсуждали с Нилой эту проблему и пришли к общему мнению, что все началось в консультации, когда Клава пришла к своему врачу Дине Иосифовне с опозданием на полчаса и никого в коридоре не было. Как она сама мне рассказывала, Клава постучала в дверь и вошла. Дина Иосифовна приняла ее с обычным вниманием, сделала укрепляющий укол и затем осмотрела с помощью аппарата, который сама называла портативным УЗИ — то есть аппаратом для ультразвукового исследования, которого раньше в нашей больнице и в помине не было. Клава ощущала какие-то щекотания во внутренней полости, но болезненных явлений не наблюдалось. Затем Дина Иосифовна сказала, что беременность протекает нормально и плод имеет благоприятные формы.

Клава в тот раз не заподозрила ничего неладного, если не считать того, что на следующий день

встретила на рынке Дину Иосифовну и та попросила у нее прощения за то, что вчера не смогла прийти в консультацию, потому что провожала в Рязань старушку-маму и ее неудачно сшиб проходивший мимо мужчина так, что она упала и чуть не получила сотрясение мозга, очнулась в зале ожидания, отчего пропустила автобус и пришла в консультацию только к концу приема.

— Как же так? — удивилась Клава. — Я же была у вас, и вы мне УЗИ сделали.

На что Дина Иосифовна засмеялась, полагая, что Клава шутит, но Клава не шутила и вечером рассказала моей жене Ниле как пример забывчивости докторши. Роды у Клавы произошли примерно на неделю раньше срока, по причине дня рождения ее свекрови, на котором было выпущано много разной пищи, в частности, роженица налегала на маринованные грибы, которые, как пишут канадские исследователи, в некоторых случаях ускоряют начало схваток, особенно если это бледные поганки.

Схватки у Клавы начались буквально после поганок, когда гости ждали чай с фирменным тортом. Клава, будучи любительницей торта, стала терпеть и не подавать знака, что рожает, однако малыш все настойчивее стремился покинуть лоно своей матери, и, не доев торт, Клава была вынуждена покинуть торжество. Так с куском торта в судорожно сжатой руке она рожала мальчика, порой, между приступами боли, облизывая пальцы и дожевывая бисквит.

Во время родов в больницу непрерывно звонили по межгороду и спрашивали, каково состояние больной Стадницкой, но ответа не выслу-

шивали, а кидали трубку. К концу был звонок из города Ганновера в Западной Германии, но говорили по-немецки, и пока медсестра бегала в школу за учительницей немецкого языка, линия уже разъединилась. Моя жена Нианила Федоровна утверждала, что слышала в тот день от достойного доверия жителя улицы 26 Бакинских комиссаров, что над родильным отделением нашей городской больницы в течение двух или трех часов висела летающая тарелка, но других свидетелей этому не нашлось, да и не могло найтись, как я понимаю, потому что шел проливной дождь, а если тарелка и была, то через пять дней после родов. С другой стороны, могла быть и тарелка. Хотя в таком случае ее должны были видеть и на соседней улице имени 28 Героев-панфиловцев.

Задним числом я беседовал на эту тему с руководителем ДОСААФ Артемом Груздем, почетным пионером и вождем бригады Красных следопытов. Он живет как раз на пересечении улиц имени 26 Бакинских комиссаров и 28 Героев-панфиловцев и обычно проводит дни в раздумьях о справедливости, глядя на небо. В тот день он тоже глядел на небо, но ничего, кроме дождя, не увидел. А если уж товарищ Груздь не увидел, то вернее всего тарелочки и не было. Ведь смог же Артем Артемович доказать на областном уровне, что среди 26 Бакинских комиссаров был один провокатор, который, не будучи комиссаром, затесался в ряды расстрелянных и погиб по заданию одной разведки. И ему же принадлежит открытие того, что из 28 Героев-панфиловцев двое были нерус-

ской национальности. С тех пор в нашем городе количество героев пересмотрено.

Простите меня за старческие отступления от темы, однако картина странных и пугающих событий в нашем Веревкине раскрывается во всей своей полноте лишь при внимательном отношении к деталям.

Сами роды проходили нормально, без деталей, кроме уже упомянутых, и, когда Клава облизала все пальцы, младенец появился на свет. Младенца отнесли в палату для новорожденных, а дежурная медсестра уверяет, что примерно через три часа, уже глубокой ночью, в родильное отделение пыталась проникнуть высокая худая рыжеволосая женщина, хромающая на правую ногу. Она требовала, чтобы ее провели к роженице или по крайней мере показали младенца. Получив отказ, она побежала, хромая, прочь по улице Мало-Советской с криком:

— Какой ужас! Я опоздала! Нет мне прощения!

Вот и все, что я могу рассказать о беременности и родах Клавдии Стадницкой.

Радостно и весело готовился наш дом к возвращению Клавы из роддома. Мы с женой, а также Коля Стадницкий встретили Клаву у порога, передали букет ранних тюльпанов, а Коля Стадницкий взял младенца на руки. Так мы и пошли пешком домой, благо городок невелик, и многие останавливались и поздравляли нас с прибавлением.

У входа в наш дом выстроились сотрудники мастерской. Жестянщики держали в руках стаканы и рюмки, а некоторые даже бутылки. При виде нас они стали петь разные песни и пить водку за здоровье малыша. Я постарался их обуздить, но,

к сожалению, Коля Стадницкий был вынужден выпить стакан водки под соленый огурец.

Мы уложили младенца в колыбельку, он был веселый, краснощекий, голубоглазый, и я даже прослезился от растроганности. Коля Стадницкий стал делать мальчику пальцами козу, но потерял равновесие, и мы оттащили его тело в другую комнату на кровать. Жестянщики побуянили на радостях внизу и возвратились к работе с энтузиазмом, отчего младенец даже захныкал, а я спустился вниз и предложил нашим соседям разойтись на сегодня по домам. Что они и выполнили. Наступила тишина.

Мы рано уединились в нашей квартире, чтобы не мешать Клаве и Коле привыкать к своей новой жизни. Вечер был приятным, теплым, по-хорошему весенним. Мы посмотрели по телевизору какой-то старый фильм с участием актера Рыбникова, но, к сожалению, я не помню, какой это был фильм. Я хотел было постучать к Стадницким и спросить, не нуждаются ли они в нашей помощи, но Нианила отговорила меня, уверив, что, если помочь понадобится, молодые люди сами к нам обратятся.

Первая ночь прошла спокойно, хотя должен сказать, что несколько раз я просыпался, потому что начинал плакать ребеночек. В ночной тишине каждый звук разносится на много метров, а когда твое сознание настроено на появление в соседней квартире младенца, отделенного от тебя деревянной стенкой, то естественно, что твоя нервная система работает с большой нагрузкой.

На следующий день была пятница, но наши жестянщики не вышли на работу, потому что

накануне перепили, и для всех нас наступил счастливый и спокойный день.

С утра мы ходили смотреть на младенца и спорили, как его назвать, потом заявила Клавина свекровь, женщина суровая, но была растрогана и принесла недоеденный на празднике торт. Клава как кормящая мать испытывала голод и готова была накинуться на торт, но моя супруга Нианила, благо что женщина маленького росточка, выхватила из ее рук торт и выбросила его лично в поганое ведро. В ответ на крики свекрови она заявила, что как советский человек не допустит, чтобы кормящую мать отравляли третегоднящим тортом, который кишмя кишит бактериями.

Скандал загасили, потому что на нашу сторону встал Коля, который давно подозревал, что его мама хочет отравить молодую жену. Достаточно вспомнить, что она в прошлом году принесла Клаве на день рождения коробку с итальянскими туфлями, а когда Клава, трепеща от предвкушения, развязала коробку, в ней оказалась гадюка. Коля, ожидавший каверзы, хотел эту гадюку тут же убить, но Клава схватила гадюку за хвост и стала гоняться за свекровью, крича:

— Мы еще посмотрим, кто кого ужалит!

Перепутанная свекровь поклялась, что не открывала коробку, и мы все сделали вид, что ей поверили. И отнесли гадюку в магазин.

Вы бы слышали, какой там начался скандал, когда гадюка искусала директора и бухгалтершу. Пострадавшие лежали в областной больнице, наши с итальянским правительством обменивались нотами протesta, а итальянский посол приезжал в

больницу и привозил пострадавшим цветы, дефицитные лекарства и невзрачного вида плоды киви, похожие на яйца зеленой курицы. Потом бухгалтерша заявила, что итальянский посол ее изнасиловал, пользуясь беспомощностью женщины и своим дипломатическим иммунитетом. Посла отозвали, и ему пришлось взять с собой бухгалтершу и ее двоих детей, прижитых вне брака. Теперь, говорят, он снимает ей квартиру в центре города Венеция с видом на канал, бухгалтерша сидит целыми днями у окна и плюет в канал шелуху семечек, которые ей присылают родственники. Посол давно уже повесился, и квартиру оплачивает итальянское правительство. Вот такая у Клавы свекровь, Лилия Юлиановна.

Когда моя Нилочка выкинула наверняка отправленный торт в поганое ведро, свекровь ушла, потому что ее заговор провалился. И мы остались одни.

Клава училась пеленать младенца, и младенец начал писать и какать. А я как человек склонный к изобретательству, представил себе, что когда-нибудь, может быть, в двадцать втором веке, люди изобретут такие прокладки для младенцев, которые ты подкладываешь в штанишки или подгузники, и они впитывают все, что младенец наделал. Он всегда сухой, а ты лишь два раза в день меняешь ему эти штучки... В ответ на мое изобретение Нианила Федоровна сказала, что лучше бы эти штучки придумать для женщин, у которых наступают менструации. И женщинам будет приятно ничего не опасаться и ходить в сухости. Мы стали придумывать названия для таких прокладок, но так и не сговорились. Потом, когда

Иницила села распускать мой старый свитер, она лицруг засмеялась и сказала:

— А представляешь, что когда-нибудь по телевизору скажут: «Дорогие женщины, покупайте для себя подгузники!»

— Нет, — засмеялся я, — лучше пускай на экране возникнет такая красавица, как Любовь Орлова, и скажет: «Раньше я в Такие дни просто истекала, а теперь хожу сухая...»

— Перестань хамить! — обиделась моя любимая жена. — Такого, к счастью, быть не может.

Мы помирились, но через четверть века оказалось, что в нас тогда бурлил дух предвидения. Вы меня понимаете?

Молока у Клавы было достаточно, и она кормила ребеночка сама.

Мы любовались ею, как богородицей, и Клава совсем не стеснялась, хоть своего мужа Колю стеснялась и гнала.

Часов в шесть вечера случился странный визит.

Перед нашим домом остановился грязный, помятый, я бы сказал, несчастный автомобиль, он был похож на большого породистого пса, скажем, ньюфаундленда, покинутого хозяевами и прибившегося к стае бродячих дворняжек.

Из автомобиля вышел широкий бритоголовый негр в белой майке с надписью по-английски, которую я понял: «Висконсинский университет». Он намеревался войти в наш подъезд, но увидел меня у окна и знаком приказал мне открыть окно. Не знаю почему, но я подчинился его жесту, и негр спросил меня:

— Здесь проживает госпожа Стадницкая и ее семейство?

— А что вам нужно? — осторожно спросил я. Хотя в те дни, тридцать лет назад, преступность была куда ниже уровнем и в нашем городе она ограничивалась пьяными драками, все же в негре я чувствовал нечто тревожное.

— Мне нужно иметь беседу и предупредить об опасности, — сказал негр.

— Сообщите через меня, — сказал я. — Я передам.

— Я должен сделать это лично, доннерветер! — возразил негр.

Не знаю, что за озорство напало на меня, но клянусь, что оно никак не указывает на мои расистские склонности.

— Скажите, а какой марки ваш автомобиль? — спросил я.

Негр опешил от моего вопроса и сказал:

— Это «роллс-ройс», любой нормальный человек поймет это с первого взгляда.

— Стыдно, молодой человек, — сказал я, — такую ценную вещь следует содержать в порядке. И если вы не можете помыть такую ценную машину, как я могу доверять вам в других вопросах?

— Вы категорически неправы, — возразил негр, — вы не представляете, по каким буеракам я вынужден был добираться до этого дома.

— Эй! — донесся до нас женский крик. Негр резко обернулся.

— Годдам! — воскликнул он, прыгнул в машину, которая не сразу завелась, тогда как по улице, прихрамывая, к нам бежала высокая худая

рыжая женщина, размахивая полосатой милицейской дубинкой.

Наконец машина завелась и рванула с места. Женщина встала на ее пути, милицейским жестом подняв жезл, чтобы остановить движение, но негр не послушался женщину, а поехал прямо на нее.

И в этот момент вся эта картинка растворилась перед моими глазами, будто все это привиделось.

— Ты их видела? — спросил я Нианилу.

— Кого видела? — спросила Нианила, которая накрывала на стол.

— А может, ты их слышала? — спросил я.

— Закрой окно, — сказал моя жена.

Если она не видела и не слышала этого конфликта, подумал я, то нет смысла пересказывать его содержание. Она же все равно не поверит.

Больше никаких событий до самой ночи не происходило.

Мы легли спать как обычно, и сначала я крепко заснул, ибо не жаловался в те годы на бессонницу, будучи мужчиной в самом соку жизни. Это теперь, уйдя на пенсию, я провожу ночи без сна и в тревогах.

Ночью мне слышались всевозможные стуки и перезвон, более того, мне снилось, а может, мешкалось сквозь дремоту, как звезды говорят друг с другом, передавая зашифрованные сообщения.

Я проснулся утром ровно в семь тридцать от шума.

Обычно именно в это время начинают работу жестяники этажом ниже, но так как была суббота, то шума не должно было быть. Что меня и

разбудило. То есть мой организм не ждал шума, но шум был, хотя другого типа, нежели обычно.

Шум доносился из-за стены, от соседей, в нем можно было различить человеческие крики различного тембра, удары, звон посуды — мы с женой вскочили. В окно лилось утреннее солнце, разноголосо верещали и свиристели птички, на деревьях распускались листочки, и среди этих приятных сердцу звуков и пения резким диссонансом выделялись крики от соседей.

— Семен, — сказала Нианила, — мы должны спешить на помощь.

— Ты полагаешь, что наша помощь нужна? — спросил я.

— Они кричат трагическими голосами, — сказала моя жена. — Может быть, случилось... Нет, я не могу произнести!

— Случилось несчастье с ребеночком?

— Замолчи! Немедленно замолчи!

Кое-как накинув халаты, мы побежали на лестничную площадку, затем, улучив паузу в криках и грохоте, позвонили в дверь.

Нам долго не открывали.

Наконец я стал звонить настойчиво, не отнимая пальца от звонка, и через минуту дверь дрогнула и приоткрылась на узкую щель.

В щели я угадал профиль Коли Стадницкого.

— Коля, — сказал я, — доброе утро. Скажи, что произошло?

— Ничего не произошло! — резко ответил молодой человек.

И захлопнул дверь.

Мы остались на лестнице.

— Если мы сейчас не зайдем в какую-нибудь квартиру, — сказала Нианила, — то мы обязательно простудимся.

— Тогда лучше идти к нам, — предложил я. — Хоть мне и грустно сознавать, что появление ребенка ведет к конфликтам в семье Стадницких, я не чувствую себя вправе делать им замечания.

Мы двинулись было к нашей двери, но тут дверь к соседям снова приоткрылась и Стадницкий сказал нам вслед:

— И вообще вас это не касается! Не смейте совать носы в нашу личную жизнь!

— Мы и не суем, — с достоинством ответила Нианила, и мы ушли к себе.

Но недолго мы оставались одни.

Мы не успели запереть дверь, как услышали легкие шаги Клавы.

Она ворвалась следом за нами в нашу квартиру и шепотом закричала:

— Спасите меня! Он весь пошел в свою мамашу!

— Неужели он хочет отравить вас? — спросила Нианила.

— Хуже!

— Он поднял руку на ребенка?

— Ах, я сама не знаю, что говорю, — откликнулась Клава.

Тут же в дверь втиснулся Коля.

— Возвращайся домой, продажная развратная тварь, — сказал он, — не смей общаться с порядочными людьми.

— Коля, прекрати немедленно! — сказала Нианила. — Я тебя выставлю за дверь. Ты что хулиганишь?

— Я? Хулиганю! Да на моем месте другой давно бы ее задушил! Отелло своих жен за меньшие штучки на тот свет отправлял.

Мы замолчали, переваривая страшную информацию. И как назло моя любознательность опять нас подвела.

— Простите, — заинтересовался я, — а сколько жен задушил Отелло?

Тут Клава зарыдала, а Коля ответил:

— Всех, которые были... как моя!

— Ну ладно уж, — сказал я. — Что плохого могла сделать тебе жена, которая принесла тебе два дня назад из роддома чудесного сынишку?

— Вот именно, — сказал Коля.

— Но ведь я не виновата! — закричала Клава.

— Ах, ты не виновата? Не виновата — так не бойся, покажи соседям свое артистическое мастерство.

— И покажу, — ответила Клава. — Мне нечего скрывать.

— Нечего?

— Нечего! — И Клава обратилась к нам. — Пошли посмотрите, и вы меня реабилитируете.

Все вчетвером мы вновь пересекли лестничную площадку и вошли в квартиру Стадницких, из которой доносился детский плач, сопровождаемый эхом.

Надо сказать, что я вступал в квартиру Стадницких с тяжелым предчувствием того, что вступаю в опасную и, может быть, трагическую эру моей жизни. Казалось бы, что такого: ну плачет младенец, ну негры ездят по нашему Веревкину в иностранных автомобилях. Меня, скромного

школьного учителя русского языка и литературы, не должно касаться...

— Нас это коснется, — прошептала моя золотоволосая супруга. — Ой как коснется!.

Как и положено верной спутнице жизни, Нила порой читала мои мысли.

Молодые люди впустили нас в комнату, которая служила спальней им и младенцу, и подвели к кроватке с деревянными барьерчиками по бокам, купленную на вырост.

В этой кроватке лежали два младенца и пускали слюни.

Я прошу вас, уважаемый читатель, остановиться на этом месте повествования и попытаться встать на мое место.

Повторяю: мы вошли в комнату, где пахло детской мочой, присыпкой, счастливым и скромным бытом. Мы посмотрели на кроватку. В ней лежали рядышком два младенца и пускали слюни.

Вы поняли?

Мы ничего не поняли.

Мы переглянулись, потом посмотрели на родителей.

После тяжелой паузы раздался голос Коли Стадницкого.

— Видите?

Нила кивнула.

— А я так надеялся, — вздохнул Коля Стадницкий, — я так еще надеялся, что у меня ночной кошмар и галлюцинации. А бывают коллективные галлюцинации.

— Коллективные галлюцинации! — воскликнула оскорблением голосом его молодая супруга. —

А кто в меня кастрюлей кидал, убить хотел? Кто осыпал меня оскорблениями и рукоприкладством?

— А что мне оставалось делать? — ответил плачущим голосом Коля. Он уступал жене в размерах, но был жилистым и крепким человеком, так что всегда мог одолеть пышную, белую, мягко-грудную Клавдию.

— Простите, Коля, — спросил я, с трудом оторвав взгляд от кошмарного зрелица. — Но за что вы рассердились на свою жену?

— Как за что? За измену, вот за что! — откликнулся Коля.

— Да не рожала я его! — взмолилась Клава. — Христом Богом клянусь, не рожала. Я одного рожала и одного домой принесла. Неужели бы я не заметила, когда второго рожала?

— Вряд ли это возможно, — поддержал я Клаву.

— А я говорю — это заговор! — настаивал Коля. — Ты одного от меня родила, а второго потом, специально, потому что не мой он ребенок, а плод измены.

— Так это с кем я тебе, дурак, изменяла?

Молодые супруги вновь начали сражение, но убежать с поля боя мы с Нилой не могли, потому что присутствовали при странной загадке мироздания, а загадки требуют разрешения.

— Всем известно с кем! — кричал Коля. — С Гасаном из вашей конторы.

— Это чтобы я — с Гасаном!

— Такие, как ты, только с Гасаном и могут!

— Да ты посмотри, глаза твои слепые! — возмутилась окончательно Клава. — Гасан — черный?

— Еще какой черный!

— И глаза у него черные?
— Ну и что?
— И кожа смуглая?
— Ни у что?
— И нос как дыня?
— Ну и что? Что? Что?!
— А то, что младенцы одинаковые и оба в тебя, подонок! Ты посмотри — глаза серые, носы курносые, губы наружу и уши вертикально!

— Клава права! — быстро произнесла моя жена, чтоб Коля не успел придумать какую-нибудь другую глупую версию. Нила, как и я, понимала, что дело куда сложнее, чем простая супружеская измена. При простой супружеской измене близнецы не рождаются с промежутком в пять дней. Не знает такого мировая наука.

— Ясно, — сказал Коля. — Я понял. Это не Гасан, а Пупенченко из Гортопа! И курносый, и глаза серые.

— А уши? — спросила Клава. — Уши у него прижатые, а вертикальные уши только у тебя и отросли, урод лопоухий!

Коля пощупал свои уши. Они и в самом деле выдавались вертикально к поверхности головы.

— Это ничего не значит, — сказал он. — В детстве у меня другие уши были.

— Что же это, я тебя с детства не знаю, что ли?

— И я твой характер с детства освоил! — произнес Коля.

Младенец справа заплакал. Он сучил ножками.

Мы все смотрели на него. Второй младенец повернул головку и тоже посмотрел на него. Господи, они были абсолютно похожи!

Но Коля сделал иной вывод.

— Вот, — сказал он, — правый — это мой. Я чувствую. Он плачет и страдает от твоей, Клавка, подлой измены!

И тут, как бы подслушав обвинения Коли, второй малыш зарыдал так, что правый перестал плакать и воззрился на брата.

И правда — я уже не мог называть их иначе как братьями, близнецами, хотя этого и быть не могло.

— Послушай, Коля, — сказала моя супруга, — ты можешь шуметь и бить посуду, как тебе хочется, но твоя жена здесь не виновата. Она в себе носила только одного младенца, это может Дина Иосифовна подтвердить. И я сама Клаву у роддома встречала, и ты сам младенца на руках нес. И он был один.

— Сначала был один, — ответил Коля, — а сегодня ночью она еще одного родила. Тайком от меня, потому что это не мой ребенок!

— Ясно. — Я вмешался в этот пустой разговор. — И какой же из них твой, а какой чужой?

— Совершенно очевидно, — ответил Коля. — Справа мой, а слева чужой.

— И почему?

— Разве неясно? — спросил Коля. — Справа мой, а слева ихний.

— И как же ты их различаешь? — спросила моя жена Нианила.

— У него мой голос проклеивается.

Клава наклонилась к кроватке, взяла того младенца, который плакал пронзительнее, обнажила полную грудь и дала ее мальчику. Тот сразу замолчал и зачмокал.

Второй заплакал еще громче.

— Прекрати кормить узурпатора! — закричал Коля. — Корми моего ребенка.

Он даже протянул руку к жене, чтобы оторвать младенца от ее груди, но Нианила встала между ним и кормящей материю и сказала:

— А ну-ка погляди на кроватку. Разве ты не видишь, что она правого взяла, того самого, которого ты за своего держишь.

— Разве? — Коля находился в шоке. Руки его тряслись и взор блуждал. — Вы так думаете, тетя Нила?

— Я уверена, — сказала моя жена. — И думаю, что хватит устраивать здесь базар. У тебя родились два близнеца, ты их различить не можешь, оба — точная твоя копия, а ты смеешь кричать на жену!

— Это точно... — Коля потерял боевой пыл, но окончательно не сдался. — А когда же... где он вчера был?

— Вчера он из нее еще не вышел, — сказал я. — В медицине такие случаи известны.

Я лгал, но лгал во спасение. Я понимал, что младенцы не виноваты. И Клава не виновата, и Коля не виноват. Тут действует какая-то внешняя сила.

Коля стоял посреди комнаты и думал.

Клава, которая уже смирилась со своим положением, откормила первого близнеца и взяла из кроватки второго.

— Нет, — вдруг согласился Коля. — Мне их не отличить.

— У них даже родинок нету, — сообщила Клава умиротворенным голосом кормящей матери. Коля подумал и вновь огорчился.

— Но ведь тогда, значит, одного нам подкинули?

— А кто-нибудь заходил? — спросил я.

— Ну если бы кто-то к ним заходил, — вмешалась моя супруга, — то мы бы услышали. Наша лестница скрипит сильно.

— Скрипит, — согласился Коля. Он посмотрел на меня испытующе. Его глаза были красными от недосыпа и огорчения. — Значит, бывают случаи, что второго недосмотрели и он с опозданием родился?

— Мы принимаем это как рабочую гипотезу, — сказала моя жена голосом секретаря обкома.

И как-то все сразу согласились.

Мы сидели на стульях в комнате, смотрели на младенцев, которые заснули, и говорили вполголоса, чтобы их не потревожить.

Никто из нас не верил, что второй младенец родился с опозданием на пять дней, а Клава этого не заметила. Она сама признавала: «Если бы во сне, все равно бы схватки были, без боли не бывает».

Ну ладно, размышлял я, допустим, кто-то подбросил младенца, ловко подбросил, незаметно. Но почему точно такого же? Где он его раздобыл?

— А что, если... — сказал я. Потом осекся. Но все уже смотрели на меня. Пришлось продолжать. — А что, если ты его, Клава, сразу родила. С самого начала их двое было. Но потом его отнесли в палату, где новорожденных держат, а отдать забыли. Вот теперь спохватились — видят; лежит лишний ребеночек. Они стали проверять — получается, что твой, Клава. Вот они с перепугу и подкинули его незаметно. Чтобы скандала не было. Ведь это страшный скандал — в младенцах обсчитаться, тут выговором

ис отделаешься. У нас каждый советский человек на честу.

— Не очень мне кажется твоя теория, — сказала Нианила. — Но другого пока нет.

— Есть, — вернулся к старой версии Коля. — Есть, если это плод супружеской измены.

— Ну, Коля! Ну не сходи с ума! Ну что ты иссешь! — Мы все накинулись на Колю, и он окончательно сдался. Казалось бы, дело утряслось. Нет, ничего подобного. Ведь мы живем не в вакууме, мы живем в человеческом коллективе. И коллектив уже приходил поздравлять Клаву с родами, коллектив убедился в том, что младенец родился в одиночестве. Ну как теперь убедишь свекровь и других родственников?

— Они потребуют документы, — сказала Клава. — Они же не лучше моего супруга, даже в некоторых отношениях хуже его. Они меня будут упрекать в супружеской измене, вот увидите.

— А мы им документ! — сказал я.

— Какой еще документ? — удивилась Нианила Федоровна. — Где ты найдешь документ о том, что младенцев было двое? Ведь младенец был один!

— Надо проникнуть, — сказал я, — проникнуть и подменить документ. С происхождением младенца мы сами разберемся: куда нам спешить? А вот что касается документации, то без нее не обойтись.

— И что же вы предлагаете, дядя Семен? — спросила Клава.

— Немедленно идти в больницу, в регистратуру родильного отделения, и изменить там число

младенцев, — сказал я. — Хорошо еще, что вы в ЗАГСе ему имя дать не успели.

— Тогда пошли, — сказал Коля. — А то стыда не оберешься. Как на службу вернусь, не представляю!

— Может, лучше дождемся ночи? — спросил я.

— Нет, — сказала Нианила, — сейчас вы открыто придетете, а ночью надо красться, как воры, и еще в милицию попадете.

Мы оделись и пошли в больницу. По дороге Колей овладела странная надежда, что мы сейчас поднимем документы и в них окажется, что у него с самого начала было два близнеца. И тогда не надо ревновать жену и оставаться на всю жизнь в неведении, ты ли отец одного из своих сыновей.

К счастью для Коли, он — существо ограниченное и приземленное. Так что за пределы земных и реалистических объяснений он не пускался. Я же, шагая рядом с ним, не мог отделаться от тягостных подозрений, что тайна лишнего близнеца не так проста, как может показаться, и вряд ли объясняется ошибкой в документах или неверностью жены. К тому же Коля надоел мне, стараясь выяснить, а нет ли в природе примеров, чтобы самка рожала близнецов порциями. Ну может, не у людей, а у кошек или морских свинок? На что я не мог ответить. Черт их знает, морских свинок!

В больницу мы пришли около девяти, народу было мало. Я взял разговоры на себя, и Коля был мне благодарен.

Пожилая регистраторша была мне знакома, она приходилась приятельницей моей покойной мамы, и поэтому я говорил с ней почти доверительно.

— Дорогая Даша! — обратился я к ней, сунув голову в полукруглое окошко. — Мы к тебе с несколько необычной просьбой.

Дарья Тихоновна высунула голову в окошко, ушила Колю и обрадовалась.

— Поздравляю тебя с первенцем! — сказала она. — Пускай растет богатырем на радость нашей Родине. Пускай им будет гордиться наш город, как новым Павликом Морозовым.

Дарья Тихоновна всю жизнь провела в пионерах. Сначала председателем совета дружины, потом пионервожатой, затем инструктором райкома комсомола по пионерским вопросам, а постепенно, через горено и совет ветеранов, превратилась в почетную пионерку нашего города. Поэтому ей были свойственны восторженность и громкий голос.

При упоминании об отце Павлика Морозова Коля сразу слинял, сгорбился, исчез, а я затолкал лбом обратно голову Дарьи и перешел на другой, понятный ей тон:

— Слушай, Даша, у нас проблема.

— Давай, дружок, слушаем, — ответила Дарья.

— Ты, наверное, слышала по телевизору, что начался отбор в школу передового пионерского опыта?

— А что? Где?

— В самой Москве, — ответил я. — Записывают с рождения, с первого дня.

— Ну уж они в Москве перегибают палку! — заявила Даша.

— Актив, — прошептал я. — В наши тяжелые времена актив надо готовить с пеленок. Ты же знаешь, какие проблемы с активом.

— Не актив; а сплошная пассивность, — согласилась со мной Даша. Она встряхнула головой, и коротко остриженные скобкой седые волосы рассыпались по лбу.

— Решено создать при центральном совете пионерской организации спешкулу. Отобранных детей фиксируют с момента рождения, а затем подвергают специальному облучению. Нет, не пугайся, все под контролем. Облученные развиваются лучше других детей...

— Какое еще облучение! — рявкнул за моей спиной Коля. — Не позволю моим детям делать облучение.

— Но вот, ты же понимаешь. — Я суроно нахмурился, и Даша послушно прикрыла глаза.

— Сейчас ты дашь нам историю болезни Клавы Стадницкой. Мы спишем все данные на ребенка. Ведь на него отдельную карточку еще не завели?

— Сейчас посмотрим, — сказала Даша. Конечно, у нас в больнице все попроще, чём в каком-нибудь московском родильном доме, но все документы подшиты как положено.

Коля жужжал мне в ухо:

— Какое еще облучение?

Даша сказала:

— Видно, история болезни еще в родильном отделении или в консультации у Дины Иосифовны. Ты там, Сеня, посмотри.

— А Дина Иосифовна пришла?

— По расписанию с девяты.

— Ну тогда — будь готов! — Я сделал ей ручкой пионерский салют, и старая пионерка серьезно сделала мне ручкой в ответ.

— Всегда готов!

Я велел Коле сидеть внизу и ждать, а сам пошел в родильное отделение. Там была только сестра, незнакомая, она сказала, что документов на рождениц они не держат. Мне ничего не оставалось, как отправиться к Дине Иосифовне.

Я постучал:

Дверь открылась, и из кабинета вышла высокая рыжая худая женщина. Она уколола меня зеленым взглядом и пошла, хромая, прочь по коридору.

— Простите, — спросил я. — Вы Дину Иосифовну не видели?

— Я теперь Дина Иосифовна, — сказала женщина.

— А у вас нет истории болезни Клавдии Стадницкой? — спросил я.

Не оборачиваясь, та женщина помахала тетрадкой, которую держала в руке, и сказала:

— Получите в регистратуре.

Я все-таки заглянул в кабинет. В кабинете было пусто.

Конечно, та женщина не была Диной Иосифовой, но, с другой стороны, она уже не первый раз претендовала на место Дины Иосифовны. И конечно, она была связана с тайной близнецами.

Размышляя, я спустился на первый этаж. Коля все еще сидел на стуле у гардероба.

— Ты никого не видел? — спросил я.

— А кого я должен был видеть? — спросил Коля. Я не успел ответить, как меня окликнула Дарья:

— Сеня! Дина Иосифовна вернула мне Клавкину историю болезни. Она тебе нужна?

Дарья протянула мне в окошко историю болезни.

Мы с Колей отошли к окну.

Я перелистал страницы — оказывается, Клава переболела свинкой, у нее была грыжа и некоторые неприятности с менструальным циклом, — но я не стал задерживаться на мелких деталях — я листал и листал, пока не дошел до последней записи: «25 апреля 1988 года родила двух близнецов мужского пола, вес идентичен — четыре кило двенадцать граммов, длина тела...

— Ну вот, — сказал Коля, который читал через мое плечо. — Я же говорил, что она родила их вместе.

Он вытер со лба выступивший пот.

— Спасен, — пробормотал он.

— Да, ты спасен, — сказал я без убеждения. Ведь я-то был уверен в том, что еще позавчера у нас был лишь один близнец. А второй появился с опозданием.

Я сел на стул и перелистал все данные о близнецах. При том я внимательно посмотрел, не были ли вырван лист и заменен другим. Но следов подмены я не обнаружил. Да и не ждал особенно. Ведь если они самого младенца смогли нам подкинуть — неужели они страницу не смогут сдвинуть чисто, как шпионский паспорт.

Я вернул историю болезни Даше, и она по моей просьбе выписала нам справку для ЗАГСа. Ведь нам надо получить на детей метрики.

Как мы вышли на улицу, Коля сразу отобрал у меня справки на близнецов. Он на глазах распух от гордости.

Смешная вешь — судьба. Она на моих глазах играла человеком.

Навстречу нам шли два мужика, в подпитии, они видно работали или учились вместе с Колей. Один из них сказал:

— Говорят, ты богатыря родил?

— Не богатыря, — ответил Коля искренне, — а двух богатырей.

— Неужели близнецы? — спросил приятель. Коля вытащил из бумажника справку, и они втроем начали ее читать.

— Это надо обмыть, — сказал другой приятель.

— Давай справку назад, — сказал Коля и неуверенно поглядел на меня.

— В свете обстоятельств я бы вернулся домой. Порадовал бы Клаву.

— А чего Клавку радовать? Она уж свое отравдалась, — сказал приятель. — Мы тебе, дядя Семен, парня не отдадим.

— Тогда отдай справку.

— А что же мы тогда обмывать будем? — удивился второй приятель.

— Коля! — сказал я строгим голосом. Коля раздумывал. Потом протянул мне справку и сказал:

— Дядя Семен, вы справку домой отнесите, а мы с ребятами пойдем по пиву шаражнем.

— По пиву шаражнем, — поддержали его друзья. — Бочковое привезли, «Бавария», рязанского розлива, не то что наша бурда.

Только мы Колю и видели.

А я принес справку и положил ее перед Клавой.

Конечно, ее беспокоило исчезновение Коли в такой день, но справка ее утешила.

Она стала допрашивать меня, как удалось ее добыть? Кого я подкупил?

— Никого я не подкупал и никого не обманывал, — ответил я. — В твоей истории болезни и в самом деле написано, что ты родила близнецов.

— Но ведь я второго не рожала, — сказала Клава, правда, не очень уверенно.

Вот так на глазах и создаются легенды.

— А в справке написано, что рожала, — сказал я.

— Может, во сне? — спросила Клава. — Может, был наркоз?

— Значит, одного ты родила без наркоза, — съязвила моя жена, — а второго через несколько минут под наркозом. Может, ты его и зачинала под наркозом?

— Нет, что вы, Нианила Федоровна! — покраснела Клава.

Клава всегда хранила верность Коле, впрочем, на ее верность никто и не посягал.

Малыши лежали в кроватке, они казались здоровыми мальчиками, крупными, розовыми, нормальными детьми.

— Но один из них ненормальный, — сказал я Нианиле Федоровне, когда мы остались одни и пили чай.

— И должно же быть этому объяснение, — сказала Нианила. — Скорее всего мистическое.

В этом и заключалось наше противоречие. Я оставался на точке зрения, что все события в природе имеют объективное и научное объяснение. Однако Нианила как более эмоциональная натура допускала существование в природе мистических сил и

ла же колдовства. И если я, идя по улице VI Съезда Комсомола, видел приkleенное к столбу объявление о том, что в Веревкине начинаются выступления Члена международной Академии черной и белой магии, излечивающей заговорами и взглядом от онкологических и гинекологических заболеваний, а также наводящей и снимающей порчу, всемирно почитаемой Марьяны Форсаж, я лишь скептически улыбался, а моя жена, хотя на сеансы не ходила, задумчиво замечала:

— Что-то в этом должно быть. Дыма без огня не бывает.

— Так рассуждали обыватели и палачи в тридцать седьмом году! — резко отвечал я, но Ниа-нила не вступала со мной в дискуссии, а принималась вязать мне очередной свитер.

— Надо понять, кому это выгодно, — сказал я.

— Вернее всего, дьяволу, — ответила моя супруга.

— Чепуха! — возмутился я. — Ты знаешь, что дьявола нет. Это научный факт.

— Научных фактов не существует, — отвечала Ниа-нила. — Они опровергаются высшими силами.

Таким образом наша дискуссия зашла в тупик.

— Я полагаю, — произнес я, бтступая на заранее подготовленные позиции, — что в этом деле может быть замешана американская разведка.

— Зачем ей замешиваться? — спросила Ниа-нила Федоровна.

— Чтобы внедрить своего агента, — ответил я.

— С такого-то возраста у них агентами работают? — засмеялась моя жена. — Что у них, по-взрослее нету?

— Они его будут растить, — сказал я. — И никто не заподозрит в советском ребенке враждебного элемента.

— А он вырастет у нас, пойдет в пионеры, в школу и под влиянием нашего воспитания забудет, что был агентом..

— А когда подойдет срок, — ответил я, — у него в мозгу включится приборчик. И он начнет действовать.

— Ты начитался каких-то детективов, — возразила моя жена. — Если бы они могли вставлять приборчики в мозги, то все наши туристы и командированные в иностранные государства уже работали бы на американскую разведку.

— Вот именно! — сказал я, скорее из упрямства, чем по убеждению — Есть мнение, что большинство наших туристов и загранработников уже работают на них.

— И каков результат?

— А таков результат, — сказал я, — что у нас сплошные провалы с народным хозяйством, что мы, несмотря на обещания партии и правительства, все еще не живем при коммунизме.

— Ну, Хрущев это обещал не на сегодня, а на нынешнее поколение.

— И кем оказался? — спросил я с горькой улыбкой.

— А что такого?

— А такого, — сказал я, — что в нем обнаружился волонтерист и авантюрист, и его пришлось снять с работы на пенсию.

— А ты в это поверил?

— Я стараюсь верить партии, — сказал я, — иначе жизнь теряет смысл.

Нианила была настроена мирно. Она не стала резко возражать, а наоборот, с некоторой задумчивостью произнесла:

— А представь себе, что это не американцы, а самый обыкновенный дьявол, враг рода человеческого.

— А дальше что?

— А дальше то, что вырастет дьявол в нашей среде, и мы его будем воспринимать как обычного человека, а он тем временем будет губить наши души.

— Души можно губить у тех, у кого они есть, — возразил я. — А если мы воспитаны атеистами, то душ у нас нет и поэтому дьяволу у нас нечем поживиться.

— Не шути так, Сеня, — сказала моя жена. — Даже если ты и получил атеистическое воспитание, что меня очень огорчает, то это не значит, что ты должен плевать в души тем людям, в которых души есть. Например, мне.

— Но ты же была комсомолкой!

— И ты был крещен! — отрезала Нианила.

— Я был крещен в раннем детстве, когда не соображал, что со мной делают.

— А если бы сейчас?

— Если бы сейчас, я бы отказался.

— Почему?

— Потому что меня поперли бы с работы! Как можно доверять воспитание детей в советской школе человеку, который пошел и крестился.

— Ох, дожить бы до такого времени, — вздохнула моя жена, — когда снова будет не стыдно верить в бога и когда будут восстанавливать соборы...

Тут мной овладел смех, и я сказал:

— А наш секретарь райкома пойдет в церковь, возьмет свечку и будет молиться! Ха-ха-ха!

— Ой, не спеши с выводами, — сказала моя жена. — Господь видит, да не скоро скажет.

Вот такие споры и беседы происходили в нашей семье по поводу второго близнеца. И конечно же, споры эти, как любой русский спор, ни к чему не приводили. Спорщики оставались на своих позициях, только с некоторой внутренней обидой друг на друга.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. 1988 год

Время несется быстро. Простите за такое банальное заявление, но если постараться понять, как прошли первые двадцать лет жизни наших близнецов, то покажется, словно только вчера мы принесли их из родильного отделения.

Наверное, вы заметили мою оговорку — я сказал «близнецы». А ведь, пожалуй, за исключением меня и — в некоторой степени — моей супруги Нинеты Федоровны никто не сомневается, что они появились на свет одновременно. Правда, я вспоминаю, какой скандал закатила двадцать лет назад мать Коли Стадницкого, которая испугалась, не появится ли у Клавы еще несколько близнецов, которых та вынашивает специально для того, чтобы претендовать на жилплощадь Стадницких-стар-

ших. Смешно? Нет, не так смешно, как кажется, ибо тот конфликт закончился трагически. Свекровь, которая умела водить автомобиль и возила на старой «победе» картошку из своего подверевкинского имения, угнала «КамАЗ» и спрятала его в переулок, мимо которого Клава проходила на рынок за свежими продуктами. Завидев невестку, она погналась за ней на «КамАЗе». Клава отскочила в сторону, а старуха не справилась с управлением и врезалась в полуразрушенную еще в тридцатые годы церковь Аники Воина. И погибла, погубив при этом чужой грузовик.

А опасение ее оказались напрасными. Клава больше не родила ни одного близнеца. Как их было двое почти с самого начала, так и осталось.

Когда похоронили ее свекровь, на свете не осталось сомневающихся. Могли бы сомневаться Дина Иосифовна, та самая, первая, черная, низенькая, но ее заменила в консультации другая Дина Иосифовна, высокая, хромая и рыжая. Самое удивительное то, что, кроме меня, никто не увидал подмены. И даже Клава, которая носила к ней близнецов на проверку их здоровья и прибавки в весе. Я полагал, что она и есть резидент ЦРУ в нашем Веревкине, но доказать ничего не смог. Как-то на киносеансе я встретил нашего начальника районного ГБ и спросил, что он думает о докторе Дине Иосифовне. Больше я сказать не мог, потому что никогда не числил себя в доносчиках. Фомичев сказал «проверим», но больше со мной не заговаривал, а хромая продолжала работать в нашей больнице и никто не принимал мер. Ну скажите, как можно не заметить разни-

цы между столь различными женщинами? И куда делась первая? Никто не дал мне ответа. А я полагал, что его следует искать в архивах ЦРУ.

Сначала я побаивался, не попытаются ли американцы похитить или даже уничтожить первого, настоящего близнеца. Но потом решил, что это не входит в их интересы. Наоборот, они будут стараться, чтобы оба близнеца выросли и тогда их шпион будет меньше заметен, как меньше заметен любой человек в толпе.

А раз так, то лже-Дина Иосифовна, без сомнения, сделает все, чтобы дети росли здоровыми. Даже если для этого понадобятся импортные лекарства.

Так и было.

Отражая общее стремление в обществе к русификации имен, близнецам дали имена исконно русские, не то что Эдики и Олёги моего поколения. Одного звали Кириллом, второго — Мефодием. А в просторечье — Кирюшей и Митей.

Мальчики были совершенно неразличимы. Даже мать отказывалась отыскать различие. А ведь вы знаете, что любая мать обладает инстинктом и различает всех своих детей.

Клава говорила мне:

— Поймите, Семен Семенович, я их отлично различаю. Они кое в чем разные. Но, к сожалению, я не знаю, к кому из них эти отличия относятся. Так что я их зову и смотрю, кто откликнется. Если на зов «Митя» прибежит Мефодий, я его сразу отличаю от Кирюши.

Коля гордился тем, что у него двойня. Да еще неразличимая. Правда, порой, особенно если

выпьет, в его душе поднимались сомнения и даже страх. А мне он говорил так:

— Это, конечно, предмет для гордости, вы меня понимаете? Но в один прекрасный день он меня задушит.

— Кто? — спрашивал я, делая вид, что не понимаю.

— Тот самый, — отвечал он.

Но так случалось редко. Для всех окружающих лучше отца, чем Николай, не сыскать. И с Клавой они жили слаженно — не то чтобы в любви или согласии, но без скандалов.

Быстро прокочило беззаботное детство.

Митя и Кирюша пошли в школу. Учились они в школе № 2, то есть я имел возможность наблюдать за ними практически каждый день. А от того, что мы жили с мальчиками на одном этаже и они с детства проводили в нашей квартирке немало времени, так как родители оставляли их на наше попечение, им трудно было называть меня Семеном Семеновичем, и бывали, особенно в младших классах, забавные случаи, когда они называли меня дядей Сеней.

Мальчики сидели за одной партой и порой пользовались своим идеальным сходством для каверз или к своей выгоде. Один из них учил, к примеру, литературу, а другой делал математику. И если вызывали к доске Митю, то в случае необходимости выходил Кирюша.

Но постепенно, по крайней мере для меня, различие между близнецами стало сказываться все очевиднее. Уже к третьему классу обнаружилось, что Кирюша умнее, живее, непоседливее своего

близнеца. Митя был скромнее, тише, аккуратнее и больше похож на своего обыкновенного папу.

Но попервоначалу это было очевидно лишь для меня и Клавы, с которой мы обсуждали эту проблему. Остальные видели только двух близнецов, а не двух индивидуумов.

Когда дети учились в третьем классе, случилось событие, для людей заметное, а для судеб человечества очень важное.

Однажды, когда я, закончив урок, который был, кстати, последним, вышел в коридор, я увидел высокого худого молодого человека, которого с некоторой натяжкой можно было бы назвать альбиносом. У него были светло-желтые волосы, белые ресницы, светлые глаза и розовая кожа. Нос выдавался вперед словно клюв пресноводной птицы, а подбородка почти не было — он был срезан, как у выродившихся королей Австро-Венгрии или Франции.

— Семен Семенович? — спросил он меня. Вроде бы спросил обыкновенно, но в движении туловища, в повороте головы что-то от заговорщика.

— К вашим услугам, — ответил я.

— Мне нужно поговорить с вами по конфиденциальному поводу, — сказал молодой человек.

Он говорил с акцентом, но правильно.

Я разумеется, удивился, но виду не подал и сказал, что можно и поговорить.

— Где здесь у вас есть уютное и тихое кафе, — спросил он, — где за чашкой кофе мы можем побеседовать инкогнито?

— Кафе у нас одно, — ответил я. — Называется оно «Кафе-шашлычная» и расположено на

рынке. Но там дают пиво, и поэтому я не назвал бы его ни тихим, ни уютным.

— Что же делать? — спросил молодой человек, почесывая убегающий подбородок.

— Давайте пройдем в парк, погуляем там, — предложил я. С самого начала он показался мне серьезным человеком и его дело — не пустяковым. Молодой человек согласился, и мы пошли в городской парк, который начинается за спиной памятника Двадцати шести Бакинским комиссарам и тянется до статуи Геркулеса с веслом.

Мы гуляли с молодым человеком, которого звали, как оказалось, Милан Свазеки, а прилетел он к нам из Чехословакии.

Он был представителем редкой науки — космической биологии, и прежде чем подойти ко мне, заглянул уже в женскую консультацию, где, на его счастье, познакомился с Дашей-пионеркой. Милана интересовала проблема, не зафиксировано ли в нашем городе необычных рождений десять лет назад, в конце апреля.

В ином случае Даша отправила бы Милана к заведующей, и та на всякий случай скрыла бы от Милана всю информацию. Хоть он был из социалистического лагеря, все же оставался подозрительным иностранцем. И несмотря на то что все документы, включая командировку из Пражской Академии наук и разрешение на посещение нашего Веревкина из Московской Академии наук, у Милана были в порядке, уехал бы он от нас несолено-хлебавши. Потому что не любят в нашем городе любопытствующих иностранцев.

Правда, до приезда Милана таковых в нашем городе не наблюдалось.

Но Даша, добрая душа, была уже настолько глуховата и подслеповата, что, когда Милан показал ей командировочное удостоверение, она спутала его с Генеральным секретарем Комсомола товарищем Косаревым, репрессированным в конце тридцатых годов, потому что он был любимцем молодежи.

Вот и сказала ему Даша, что если кто и сможет рассказать о близнецах Стадницких, о которых она помнила, то это я — Семен Семенович, их сосед и учитель. А к Дине Иосифовне, врачу, ходить не надо, так как она ведьма, летает на метле и оскорбляет тетю Дашу грубыми словами.

Милан решил воспользоваться советом пионерки Даши и отыскал меня.

И вот мы гуляли с ним по аллее нашего небольшого городского парка, с деревьев падали золотые и бурые листья, ветер был еще не очень холодным — стоял октябрь. Бабье лето уже завершилось, но неприятная осень еще не началась.

— Я буду с вами совершенно откровенен, — говорил Милан. — Меня интересует конкретная научная проблема, ответа на которую я еще не получил. Давайте сядем на лавочку, и я вам что-то покажу.

Мы сели на лавочку.

Он вынул из своего портфеля карту Западного полушария Земли, по которой была проведена широкая полоса наискосок. Словно полушарие было лицом, а полоса — пиратской повязкой через глаз.

— Мне пришлось столкнуться в моих исследованиях со странным феноменом, — сказал Ми-

лан. — В апреле 1968 года Земля была охвачена поясом неизвестного космического газа, лишенного цвета и запаха, однако замеченного в обсерватории моего папы, у которого был лучший спектроскоп во всей Восточной Европе. Мой папа рассказал о странном феномене ряду своих коллег, но оказалось, что, кроме него, никто эту полосу не заметил. Ваш есть скучно?

— Мне есть очень интересно, — ответил я. Туманные подозрения начали шевелиться в моей душе.

— Мой папа написал статью и предложил ее для публикации в журнале «Космическая спектрография». Однако за день до публикации журнала здание типографии сгорело, и весь тираж номера исчез. У нас дома побывали воры и утащили все папины наблюдения. Папа же попал под машину.

— И погиб?

— Да, профессор Свазек погиб...

— Черный «мерседес»? — спросил я. — За рулем бритый негр?

— Нет, — сказал Милан. — Это была «шкода», а за рулем рыжая женщина с зелеными глазами.

— Может быть, — согласился я. — Может быть, и Дина Иосифовна.

— Что вы сказали?

— Продолжайте, продолжайте, — попросил я.

— Я тогда был небольшим ребенком, — сказал Милан. — Моя мама увезла меня в деревню. Мы жили простой жизнью. Рядом в доме жила несчастная женщина. Она была одинокая, без мужчины, совершенно невинная. Но незадолго до нашего приезда в деревню и смерти моего дорогого папы эта женщина Божена неожиданно

дала рождение одному ребенку. Вы меня понимаете?

— Родила то есть?

— Да, она не была замужем, она не ~~была~~ беременная, но сделала рождение ребенка. Доктор сказал, что так не бывает, однако другие люди не сомневались. И женщина Божена была очень несчастливая. А когда я учился в Карловом университете, то я подружился с одной девушкой, которая рассказала мне о подобном случае в Брюсселе. Однако там ребенка нашли в поле возле дороги, и он был уменьшенной копией совершившего холостого секретаря госхоза.

— И вы предположили козни ЦРУ? — спросил я.

— Какие еще козни? — не понял Милан.

— Американская разведка засыпает в социалистический лагерь шпионов, чтобы они с грудного возраста внедрялись в нашу жизнь.

— Почему вы думаете такую чушь? — спросил мой чехословацкий знакомый.

— Но как вы это объясните?

— Я никак не объяснял, пока однажды в подполе не нашел сундук с дневником ~~моего отца~~, который случайно не сгорел. Мой отец писал, что его покачивает... нет... как это ~~но-русски~~? Потрясает состав газового пояса, который охватил Землю в те далекие апрельские дни. Он нес в себе чуждые хромосомы, и это выразилось...

— Я понимаю. Они убрали вашего отца!

— Но нет, не американцы! Американцы не умеют делать дети в небеременных женщинах!

— Но кто же?

— И я начал путешествие по этой полосе... — Милан провел длинным худым пальцем по лицу Земли. — И везде, где проходил этот пояс, на свет появились странные дети... и в некоторых случаях детей подменяли...

— Но зачем? — спросил я, все еще не в силах поверить, но в то же время уже готовый поверить, потому что несколько лет ломал себе голову, почему же в нашем доме появился лишний близнец?

— Я сейчас все объясню, — сказал Милан. — Я провел исследование и сравнил относительное положение ряда звезд и кометы Пунктуа-Горрэ...

Закончить фразу Милан не успел.

Все было решено в долю секунды.

Только что рядом со мной сидел молодой человек аристократической внешности, а в следующее мгновение на его месте я увидел метровую глыбу льда, которая рухнула с неба, раздробив в щепки скамейку, отбросив меня на несколько метров в сторону и полностью размозжив попавшего под нее Милана Свавека.

Только ноги и пальцы рук торчали из-под глыбы льда. Я не сразу поднялся на ноги — я был контужен. Я пытался закричать, позвать на помощь, но голос меня не слушался. И прошло несколько минут, прежде чем сбежались люди и стали стараться сдвинуть с тела чешского ученого ледяную глыбу.

— Что это? — спрашивали люди. — Откуда это?

— С неба, — говорили другие.

Наконец я нашел в себе силы, чтобы произнести нужные слова:

— Это ледяной метеорит. И это не просто ледяной метеорит, а убийство человека, который проник в тайну звездных пришельцев.

Люди оборачивались ко мне и многие готовы были счесть меня сумасшедшим, но им мешало это сделать то, что я тридцать лет проработал в школе № 2, стал ее завучем и каждый второй в городке в то или иное время был моим учеником.

Кто-то побежал звать пожарную команду, которая располагалась как раз за углом, но пока бегали, откуда-то появилась ненавистная мне рыжая хромая Дина Иосифовна.

— Доктор идет! — закричали люди. — Доктор идет, расступитесь!

Дина Иосифовна поглядела на останки Милана и сказала:

— Никакой это не метеорит. Принюхайтесь.

Люди стали принюхиваться, и многие, в том числе и я, поняли, что от тающей глыбы пахнет мочой. И вернее всего, она не могла быть ледяным метеоритом из космоса.

— Разве вы не видите, — продолжала женщина-врач, — что это упало из туалета пролетающего мимо самолета.

— Такого размера из самолета? — крикнул я. — Постыдитесь, Дина Иосифовна!

Тут прибежали пожарные и с помощью ломов откатили глыбу льда в сторону. Еще сильнее стало пахнуть мочой.

На Милана Свазека было страшно смотреть.

Милана положили на носилки и отнесли в морг больницы.

Пока его уносили, кто-то позвонил в часть ПВО, которая стоит за оврагом. Оттуда приехали специалисты, с кем-то связались по радио и сказали, чтобы люди не волновались и расходились. А так как командир роты в этой части Володя Бутт был отцом моего ученика, кстати, очень хорошего и способного мальчика, то он сказал мне по секрету, что ледяная глыба оторвалась от космической станции «Салют», а вовсе не от самолета. По расчетам, она должна была превратиться в пар, не долетев до Земли, но случилось что-то, не поддающееся расчетам, из-за чего она даже не растаяла и достигла Земли в виде куска ледяного аммиака.

Я понял, что правды я здесь не добьюсь, и не стал спорить с командиром роты. Схваченный печалью, я пошел домой. На углу нашей улицы меня догнала рыжая докторша.

— Что он успел тебе рассказать? — спросила она зловещим шепотом.

Я знал, что должен сохранить свою жизнь, — иначе не удастся разоблачить наших недругов.

— К сожалению, — сказал я, глядя ей прямо в зеленые бесстыжие глаза, — он не успел мне ничего рассказать.

Я ускорил шаги и быстро оторвался от хромоножки. За пазухой у меня была спрятана карта газового пояса, которую я успел вынуть из пальцев моего погибшего соратника. Я смею называть его соратником, ибо у нас была общая цель и если из наших рядов выпадает один боец, другой должен занять его место.

Ужасная трагическая история на этом не закончилась, так как через неделю я встретил моего

знакомого капитана Володю Бутта, и тот под особым секретом, под видом беседы об успехах его чада, сообщил мне, что ледяную глыбу, когда она растаяла, разлили по сосудам и отвезли на исследование в Звездный городок. Но по дороге спецгрузовик, который вез сосуды, попал в аварию...

— Понятно, — сказал я.

— Это была случайная авария, — возразил комроты, который не знал о предыдущих событиях и жертвах, если не считать смерти чешского гостя Милана Свазека, которую он тоже считал случайностью — ведь его убило глыбой льда, которая падала сама по себе, а не была направлена злодейской рукой. Рука руке рознь, хотел сказать я, но сдержался — все равно он мне не поверит.

— По счастливой случайности один из сосудов остался цел, — продолжал мой собеседник. — И его удалось отвезти в лабораторию. Так вот, оказалось...

— Оказалось, что никаких выбросов фекалиев со станции «Салют» не было и не могло быть, потому что она работает на замкнутом цикле, о чем знает каждый мальчишка, — твердо сказал я.

— Ну, Семен Семенович, вы прямо как в воду глядели! — заявил комроты. — Это была совершенно чуждая нам жидкость, и, вернее всего, это все же был метеорит, вечный странник в глубинах космоса, который случайно столкнулся с Землей.

— Чего и следовало ожидать, — сказал я удрученно. — Знаем мы эти случайности!

— Но вы не представляете, какая радость охватила весь наш научный мир! — продолжал радостно капитан Бутт. — Это означает, что мы не

одиноки во Вселенной. Где-то далеко у нас есть братья! Братья по разуму.

Кто-то вошел в учительскую, и комроты стал прощаться. Он приложил палец к губам, показывая, что информация, которую он мне передал, пока еще секретная. Я не стал спорить.

Хотя, надо признаться, мне хотелось выйти на площадь и закричать на всю нашу страну, на весь мир:

— Люди, будьте бдительны! На нас надвигается беда хуже американского империализма! Я должен принести мои извинения Центральному Разведывательному Управлению США, которое во всех его недостатках и подлостях не убивает невинных людей ледяными глыбами из космоса.

Но, конечно же, я не вышел на площадь. Я сделал иначе. Я решил посвятить свою жизнь борьбе с нашествием так называемых «братьев по разуму». Я отстою свободу нашей планеты! Но не открыто, так как мне никто, кроме жены, не поверит, а тайно, яки змей! Вы меня поняли? И пускай они думают, что никто их не раскусил! Кровь Милана Свазека вопиет об отмщении.

Я с того дня стал внимательнее приглядываться к близнецам Стадницким, потому что именно они и были слабым звеном в цепи вселенского заговора. Как только я определил, кто из них космический пришелец, а кто — обычновенный советский человек, я могу разорвать цепь.

И я, благо мог практически ни на минуту не выпускать из поля зрения близнецов, принялся контролировать все их шаги.

На что я надеялся? Ну, во-первых, контакты. Так называемая Дина Иосифовна может выйти на контакты с их засланцем, чтобы давать ему враждебные инструкции.

Во-вторых, я хотел углядеть в одном из близнецов отклонения от нормы в поведении. Ведь обыкновенный человек — сын своих родителей. А чужой ребенок неизбежно несет в себе чуждые нам гены.

Что я мог сказать на основе первых недель наблюдения?

Кирюша записался в кружок авиамоделизма. Так, сказал я себе. И стал ждать, что сделает Митя. Митя получил четверку за сочинение и уложился в нормы ГТО на стадионе. Кстати, Кирюша пробежать дистанцию пробежал, а вот гранату кинуть не смог. Кинул, но вверх, а не вперед и притом цинично хохотал. Может, это о чем-то говорило?

Я завел двойной журнал наблюдений. И день за днем фиксировал свои наблюдения.

В седьмом классе Кирюша записался еще в три кружка и потом все их бросил. Странным образом его тянуло узнать как можно больше о нашей маленькой и беззащитной планете, но он быстро менял темы увлечений.

Митя кое в чем обогнал своего брата. Ну я уж не говорю о чистописании и дисциплине, так что близнецов уже начали постепенно различать даже посторонние люди, так как Кирюша был неаккуратен в одежде, словно его мало интересовала человеческая оболочка, а вот Митя рано научился сам гладить себе брюки и стирать носки.

Меня встревожило то, что Кирюша в седьмом классе увлекся стрельбой и даже в составе районной команды выезжал на соревнования в область. Когда я спросил его:

— Зачем тебе нужно стрелять?

Он ответил:

— Дядя Сеня, я готовлю себя к борьбе. Помните, насколько враждебно наше окружение. Вы видели, как зареченские Тимофеева избили?

— Да, — признался я, — случай с Тимофеевым вызвал у меня негодование, но знаешь ли ты, что на беседе у директора Тимофеев признался, что упал с обрыва в колючий кустарник?

— Разумеется, — согласился со мной Кирюша. — Где же у нас растет под обрывом колючий кустарник?

На этот вопрос я не смог дать ответа. Оказывается, об этом слабом месте в показаниях Тимофеева наш учительский коллектив не подумал.

Но в следующем году Кирюша забросил и стрельбу, и собирание птичьих яиц, которыми некоторое время занимался, а начал играть на трубе, заглушая порой шум, который производили жестяники.

В школе Кирюша оказался на плохом счету. Хотя бы потому, что умел и любил задавать нетактичные вопросы или вопросы, на которые простой советский учитель не может ответить.

Учителя между собой называли его «шпионом» — именно из-за нетактичного поведения. Я сам слышал, как он спросил учителя истории Бибармакова: «Правда ли, что Ленин и его жена Надежда Константиновна прибыли из-за гра-

ницы в запечатанном вагоне на деньги немецкого генштаба?» Вопрос был задан в коридоре, почти без свидетелей, но я понимаю взволнованность Бибармакова, которому в следующем году идти на пенсию.

— Разумеется, это клевета, потому что Владимир Ильич возглавил борьбу советского народа против фашистской агрессии. Но как пионер и комсомолец ты должен ответить — кто рассказал тебе эту гадость?

И сам вытащил свою записную книжечку, которую я помню по заседаниям педсовета за последние двадцать лет. Из нее он черпал все возмутительные факты и слухи школьной жизни.

— Записывайте, — нагло ответил Кирюша, — я услышал об этом в передаче радио «Свобода».

Бибармаков замер с открытой книжкой в руке. Времена были сложные, как раз умер Леонид Ильич Брежнев и серьезно заболел наш следующий генеральный секретарь.

Я подошел к коллеге и сказал шепотом:

— Можно не записывать. И даже лучше не записывать. Нам дорога честь нашей школы.

— Вот именно, — прошелестел Бибармаков. **И не записал.**

Но если тот случай закончился ничем, то в других ситуациях действия и поступки Кирюши не оставались безнаказанными.

Митя меня беспокоил меньше, но я не спускал глаз с него, потому что допускал: они могут нарочно сделать своего агента незаметным и тихим. Что им наш патриотизм? Что им наши ценности? Братьев уже нетрудно было отличить, пото-

му что Кирюша отпустил длинные волосы, что недопустимо в городе Веревкине, тогда как Митя стригся под голубокс, носил белую сорочку и темные брюки без всяких там джинсов. Между братьями стали иногда возникать конфликты, и один из них поставил меня в тупик. Дело в том, что некогда, в сорок первом году, под Веревкиным шли тяжелые бои, в которых отличились многие части ополченцев, которые, к сожалению, были полностью уничтожены или взяты в плен гитлеровскими захватчиками. В нашем городе была создана дружина Красных следопытов, которые под руководством городского ДОСААФ искали места гибели ополченцев, а если находили, то складывали их в братскую могилу, а документы передавали в военкомат. Если же находили останки наших врагов, то их, конечно, оставляли на месте и поглубже затаптывали.

И вот у нас в школе идет комсомольское собрание. Было это в восемьдесят четвертом году, когда мои близнецы учились в девятом классе. Выступает отставной полковник Артем Груздь из ДОСААФ и произносит речь благодарности от имени Родины красным следопытам и их куратору от имени райкома комсомола Мефодию Стадницкому, который стал к тому времени, а я упустил этот момент, внештатным инструктором райкома ВЛКСМ.

Вручают грамоту Мите, а тут выходит на трибуну Кирюша, и его тоже встречают аплодисментами, полагая, что он скажет, как рад за своего брата. А наш Кирюша говорит примерно так:

— Я предлагаю сделать братскую могилу и для немцев. Зачем их затаптывать? Сорок лет про-

шло, у нас с Германией отношения нормальные. А разве немецкие простые солдаты были виноваты, что их на нас гнали? А у них тоже были матери и, может, дети. Ведь и ополченцев наших гнали в бой без винтовок.

Сначала зал промолчал, а потом поднялось такое возмущение! Вы должны были бы там оказаться, чтобы понять всю глубину народного недовольства, которое обрушилось на Кирюшу.

А он стоит, руки в карманах джинсов, волосы сзади в косицу завязаны, и раскачивается на носках и на пятках, словно на палубе пиратского корабля.

В общем, собрание приняло решение об исключении Кирюши из комсомола за крайний цинизм в адрес памяти народной войны. Правда, дали ему испытательный срок из-за того, что у него такой хороший брат.

Вечером я слышал, как братья разговаривали во дворе, как раз под моим окном. Они разговаривали тихо, но в осеннем воздухе под шепотом ленивого дождика мне было хорошо слышно каждое слово.

— Ты мне жизнь хочешь сорвать? — спрашивал Митя. — Почему ты это сделал? Ведь нарочно? Ты мне завидуешь?

— Я? Тебе?

— У тебя все наперекосяк. То на трубе не можешь научиться, то в баскет тебя из команды выбишают. Ты неудачник, Кирка!

— Разве в этом дело? — ответил Кирюша. — Дело в том, братан, что ты испугался за свою карьеру. А я, будь моя воля, и в самом деле ее бы тебе разрушил!

— Почему? Ну скажи, почему?

— А потому что ты себе делаешь жизнь как паровозик на рельсах. Катишься от председателя союза отряда и редактора стенгазеты к инструктору райкома, потом в профком попадешь и будешь всю жизнь по кабинетам бумажки носить. Тебя ведь на большее не хватит — ты всего боишься.

— Ну уж тебя по крайней мере я не боюсь!

— Потому что по утрам гантели поднимаешь шестьдесят четыре раза и отжимаешься двадцать один раз?

— И холодной водой обливаюсь.

— Митя, ты хочешь стать серой личностью. И даже твои обтирания взяты из арсенала ничтожеств. Ничтожество делает все по правилам.

— А ты кто? Наполеон?

— Не знаю, кто я такой.

— Пособник фашистов, вот кто ты такой!

— Дурак ты, Митяй. Я фашистов больше тебя ненавижу. Но и ваши игры в красных следопытов ненавижу. Вы на все это смотрите, как какие-то бухгалтеры.

— И товарищ полковник?

— И товарищ полковник в отставке. Кто-то там, наверху, получит за инициативу орден, кто-то пониже — медаль, а тебе дадут грамоту с портретом. Плевать вам на ополченцев, как и на немцев. Вы о своих делишках думаете.

— А ты хочешь над нами подняться? — спросил с иронией Митя. — Ты нас судишь, как какой-то инопланетный пришелец! Мы защищали Родину и поливали ее кровью...

— Да катись ты — не поливал ты ничего. Ты хочешь быть как все и кончить жизнь с лической пенсиеей.

— Я хочу строить счастливое общество для всех трудящихся!

— Жалко мне тебя, банальныи ты человек!

Тут Митя накинулся на Кирюшу, и они стали драться, а я хотел было крикнуть, но моя Ниания Федоровна опередила меня и опрокинула на них кастрюлю холодной воды.

Потом был случай с Зиной Ковалевой. Она к нам в школу перешла из первой, где была признанной школьной красавицей. И за ее чары бились славные наши молодцы — я искренне жалел, что в нашем учебном заведении появилась такая Шемаханская царица. Впрочем, на меня эта девица впечатления не производила, а мальчишек покоряла смесью хамства, рискованной манерой одеваться, высокой грудью и, надо признать, чудесными невинными глазищами, которые совершенно не соответствовали ее духовному миру.

Так как братья Стадницкие были первыми парнями в десятом классе, то всей школе было интересно узнать, чем закончится их поединок.

Сначала она отдавала предпочтение Мите, он был спортивным, подтянутым и пользовался авторитетом среди учителей, что странно, так как учился он посредственно — у него никогда не хватало времени на учебу: заедали комсомольские поручения и общественная работа, которой Митя отдавал все свое основное время.

А потом как-то я увидел, что Зину провожает домой после школы Кирюша. Я шел как раз до-

мой, они обогнали меня, не заметив, и я услышал фразу Зины:

— Он у тебя обыкновенный. Земной.

— А я возвышенный? — спросил Кирюша.

— Ты менее обыкновенный, — осторожно отвела Зина.

Роман Кирюши проходил сокрушительно и кончился крахом. Начиналась перестройка и докатилась до нашего городка. Некий Максудов взял в руки наш рынок. Кирюша в те дни совсем перестал учиться. И я не сразу, к сожалению, догадался, что причиной тому была Зина. Любовь Зины дорого стоила. И если Митя догадался об этом быстро и отступил, потому что в силу своего характера предпочитал всегда оставаться на земле, то Кирюша решил, что станет миллионером. Он пошел к Максудову и предложил свои услуги. Максудов старался укорениться в Веревкине и поставил Кирюшу охранником в пивном ларьке.

Вот это совершенно разрушило все мои теории и гипотезы. Если до этого момента у меня почти не оставалось сомнений в том, что Митя — это первый, земной близнец, весь в отца, а Кирюша ихний, то Кирюша-вышибала меня сбил с толку — разве такими бывают инопланетяне?

В первый же день работы, получив аванс, Кирюша повел Зину сначала в магазин «Французское бордо», чтобы купить ей туфли и платье, а потом в бывшее кафе-столовую «Юность», которая теперь стала рестораном «Эклеро». Они целовались с Зиной в парке, и все это видели, но на следующий день Зина переехала жить к Максудову, который познакомился с ней про-

шлым вечером в ресторане «Эклеро», которым тоже владел.

Киришу после этого окончательно выгнали из комсомола и из школы, прислужники Максудова искалели его прямо на площади, когда он хотел поговорить с шефом, а в счет аванса отобрали у него видик, которым владела семья Стадницких.

После этого в семье Стадницких был совет, некоторые слова и выражения которого донеслись к нам через стенку.

Среди них выделялись громкие слова типа: «бездельник!», «хулиган!», «Убийца собственной матери!»... Потом было слышно, как осуждающее, но успокаивающее лился голос Мити, как визжала Клава...

На следующий день Кириша исчез.

Я два дня терпел, а потом спросил Клаву — теперь уже весьма полную женщину средних лет, — куда же делся ее близнец.

— Не бойтесь, дядя Сеня, — сказала она, — не закопали мы его. Он сам выбрал свою судьбу.

И тут она зарыдала, потому что любила обоих сыновей и горести, которые доставил ей Кириша, подкосили добрую женщину.

Оказывается, Митя поставил вопрос ребром — или Кириша покидает отчий дом, либо он сам это сделает, потому что пребывание в одном городе с братом губит перспективы его работы. Кириша, подвергнутый резкой критике в семье, заявил, что и сам не намерен больше гнить в Веревкине. Он намерен путешествовать по всей Земле, осмотреть ее, так как мало о ней знает и еще не готов для таких дел, к которым его предназначает судьба.

Что долг за видик он семье отдаст, в материальной помощи не нуждается, а своего ничтожного брата он презирает, потому что тому суждено прожить жизнь робкого пингвина из стихотворения Максима Горького.

Все в доме думали, что Кирюша проспится, а утром все будут решать, что делать дальше.

Но, когда проснулись, сына уже не было.

Он оставил записку, которую мне показала Клава:

«До встречи. Гражданин Вселенной».

Клава плакала и повторяла:

— Ну что же, даже для матери ласкового слова не нашлось. Как будто подкидыши...

Тут она замерла с полуоткрытым ртом и долго смотрела на меня, а в глазах ее замер ужас понимания...

— Еще ничто не потеряно, — сказал я. Это были первые попавшиеся мне слова утешения, не самые удачные, но искренние.

Долгое время ничего не было слышно о Кирюше. След его потеряла даже Дина Иосифовна. Она подошла ко мне как-то в поликлинике, куда я пришел по поводу старческих заболеваний, и спросила:

— Я волнуюсь. Где мальчик Кирилл Стадницкий?

— А почему же вы волнуетесь? — спросил я.

— Ты знаешь, старый сморчок! — ответила грубо докторша и скрылась в своем кабинете.

Я приоткрыл дверь в этот кабинет и смело сказал:

— Вам еще отольются слезы родных Милана Свазека!

Весной Зине, которая тоже бросила школу, жила в Туле и оттуда наезжала к своим родителям в «девятке», порезали бритвой лицо. К сожалению, она никогда уже не будет красавицей. А Максудова и вовсе убили. Так проходил дележ собственности в нашем городе.

Зина устроилась на швейную фабрику.

Митя окончил школу почти экстерном. На два экзамена он пришел сам, а на остальных ему поставили твердые тройки. Явиться на них он не мог, так как представлял в Вологде передовиков-комсомольцев нашей области.

Только следующей осенью, когда Митя уже поступил в областную комсомольскую школу, пришла открытка от Кирюши. «Жизнь хороша, жить трудновато». К ней прилагался перевод на стоимость видика. Обратный адрес был — Памир. Хорог.

В областной школе Митя учился средне, но был исполнителен и дружил с сыном секретаря обкома. Так что на следующий год при распределении его отправили вторым секретарем райкома комсомола в Устье. Тогда же пришла телеграмма от Кирюши: КОСМОПОЛИТ — ГОРДОЕ СЛОВО. СПАСИБО ПАПА И МАМА ЗА ЖИЗНЕННЫЕ УРОКИ ПРИВЕТ МИТЕ НАДЕЮСЬ ОН УЖЕ В ПОЛИТБЮРО.

А отдельно пришло письмо нам с Нианилой, за что мы были благодарны Кирюше. Хоть он и оказался инопланетным пришельцем, нам он был не чужой. В письме он, в частности, писал:

«...Когда смотришь на мир с вершин Гималаев, понимаешь, что ты так мал во Вселенной и как мала Земля по сравнению с куполом звездного неба.

Я ощущаю в себе цель, задачу, она стучит во мне, как взволнованное сердце, я еще не могу сформулировать эту цель и иногда боюсь собственного предназначения...» Ниапила принялась плакать, а тут к нашему дому подъехал трейлер. Рабочие в униформе начали сгружать и вынимать из него иностранного вида коробки. Они заносили их в квартиру Стадницких, и оттуда доносились различные возгласы. Даже жестяники перестали стучать и стояли открыв рты. Когда через два часа трейлер, забрав пустые коробки, отбыл, Стадницкие позвали нас к себе, и мы увидели, что большая комната в их квартире заставлена видеооборудованием, включая телевизор с экраном в метр на полтора, различного вида плейеры и видео, а также факсы и неизвестные мне приборы.

Оказывается, все это прислано из Сингапура их сыном Кирюшой, который купил там небольшой корабль, на котором везет в Австралию кокосы.

Вечером из Устья приехал на персональном «газике» брат Митя. Он был очень расстроен, потому что понимал: кто-нибудь обязательно донесет в область, что брат второго секретаря райкома ведет капиталистический образ жизни в зарубежье.

Но Митя недолго расстраивался, потому что вовсю разворачивалась перестройка. Теперь он стал чаще заезжать к родителям и смотреть, какие вести пришли по факсу от брата. Митя покинул комсомол, и вместе со своим первым секретарем они открыли комсомольский кооператив по продаже женских прокладок. Он уже назывался кооператив «Сахара».

Но Кирюша недолго удержался во владельцах корабля, а разорился и отправился в джунгли острова Минданао на поиски племен каменного века. И вести по факсу перестали от него приходить. Правда, как-то показывали по телевизору, как катера «зеленых» пытались сорвать французское испытание атомной бомбы на атолле, и на катере я точно угадал Кирюшу.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. 1998 год

Я все же вышел на пенсию, хоть меня и уговаривали остаться, потому что у нас в Веревкине мало опытных преподавателей, которые соглашаются работать за незначительную плату. Но я устал и решил, что, пока есть силы, я продолжу заочную борьбу с космическими пришельцами, хотя я не знаю, чем они нам грозят. Но в одном я не сомневался — это существа безжалостные, которые мыслят категориями выгоды и своего господства. Да достаточно посмотреть на Дину Иосифовну. Нет, не на ту, которую они давно уже убили, а на подмененную, которая и обеспечивала успех операции «Близнецы» в нашем городке. Она уже седая стала, волосы кое-как красит в оранжевый цвет, хромает пуще прежнего, кошачьи глаза злой горят. Я как-то ее встретил и спрашиваю:

— Ну что, жизнь прошла впустую? Уж полночь близится, вторжения всё нет?

Она буквально затрепетала от злобы и отвечает:

— А ты чего добился, гуманитарный сморчок? Живешь на нищенскую пенсию и даже не знаешь, что тебя ждет.

— Так проговорись, Дина Иосифовна!

— Не на такую напал! — ответила мне гинекологичка.

— Так хоть скажи мне, что вы сделали с предыдущей Диной Иосифовной?

— Она даже ничего не заметила, — туманно ответила космическая злодейка.

— Ну тогда последний вопрос, — взмолился я. — Кто из них ваш, а кто из них наш? Правильно ли я угадал?

— Ты все равно не остановишь судьбы! — воскликнула докторица — Наши агенты носятся над Землей подобно смерчу. Ты хочешь знать правду? Так знай же...

В этот момент по асфальтированной улице Льва Толстого промчался весь побитый, грязный джип «чироки». Сидевший в нем пожилой бритый негр поднял пистолет и выпустил две пули. Одна пуля поразила хромую инопланетянку, а вторая пронеслась так близко от меня, что вырвала клок волос.

Негр захочотал, а я присел на корточки, и он не стал больше стрелять.

В парке у памятника Геркулесу с веслом было безлюдно. Труп худой женщины с оранжевыми сединой волосами начал растворяться и в течение минуты на моих изумленных глазах превратился в мятую пустую банку из-под кока-колы. Я протянул было руку, чтобы взять банку, полагая,

что когда-нибудь на суде народов она послужит вещественным доказательством, но меня так ударило током, что я поспешил уйти из парка.

В 1991 году была как бы запрещена компартия, что позволило некоторым ее деятельным членам перейти в администрацию, а другие занялись крупным бизнесом. Веревкин понемногу менялся, хотя, наверное, перемены в такой глухой провинции не столь очевидны, как в Москве.

Наш Митя работал в райцентре Устье, но уже не секретарем райкома комсомола, а вице-президентом районного коммерческого банка «Престоль». Он заезжал к своим постаревшим родителям на машине «ауди» с синим фонарем на макушке. Он немного раздобрел, причесывался на прямой пробор и носил пальто на три размера больше, чем нужно, ботинки сверкали даже в самую дурную погоду, рубашка была белоснежной, а галстук в синюю и красную полоску с булавкой, на которой было написано английскими буквами «Оксфорд». Митя объяснил мне, что он не окончивал этого английского университета, но был в делегации деловых людей. И там произошел обмен галстуками и булавками. Так что в Англии теперь можно встретить влиятельных людей в красных галстуках со значком нашей областной комсомольской школы.

— Организуем благотворительный фонд, — сказал вежливо Митя. — Будет называться «Дети — путешественники». Хотим, чтобы и лишенные средств родители могли отправить своих детишек посмотреть чудеса света.

Ставший за прошедшие годы циничным пьяницей Коля Стадницкий ввернул свой комментарий:

— Чтобы твоим дружкам под этим видом по заграницам поездить.

Но Митя не обиделся на отца.

— Ты неправ, папа, — сказал он, — сейчас в заграницу может поехать каждый мой дружок. Но мы хотим помочь и остальным. Под этим лозунгом меня выдвигают в парламент.

И он направился к своей машине. Его ботинки сияли так, что грязь, что как обычно летит возле нашего дома, расступалась, боясь до них дотронуться.

Из окошка машины он попрощался с нами и сказал, показав на грохочущую мастерскую жестянищиков:

— А это мы уберем. Я с Сидором Вениаминовичем поговорю.

После этого земной близнец уехал бороться за права детей, а космический близнец Кирюша прислал такую телеграмму:

УСТРОИЛСЯ НА КОСМИЧЕСКУЮ СТАНЦИЮ В СОВМЕСТНЫЙ ЭКИПАЖ. СЛЕДУЮЩАЯ СВЯЗЬ ЧЕРЕЗ ДВА МЕСЯЦА.

Я отнесся к этой телеграмме скептически, но потом прочел в газете, что американский «Челленджер» доставил на наш «Салют» новую смену в составе французского, мозамбикского и русского космонавтов. Фамилия русского К.Стадницкий.

Я обрадовался и хотел устроить в нашей школе вечер в честь первого космонавта из города Веревкина. Но в настоящее время космические путешествия настолько вышли из моды, что но-

вая директорша сказала мне: «Пускай поскромнее летает. У нас в школе крыша протекает». Я смирился, но подумал, что Митя нам поможет. Я раздобыл его телефон — только уже не в Устье, а в области. Секретарше с голосом фотомодели я представился и объяснил, что по личному делу. Митя откликнулся часа через два.

— Прости, дядя Сеня, — сказал он мне своим добрым голосом, — совещались по вопросам борьбы с демократией, которая очень надоела народу. А что у тебя за проблема?

Я рассказал про школу. Что она протекает.

— Я записал. Уже записал, — сказал он.

На следующий день к нашему дому подъехало несколько грузовиков. С них начали сгружать сверкающее иностранное оборудование. Его установили на первом этаже. Потом сменили вывеску. Вместо старой жестяной, на которой было так и написано «Жестяные работы», появилась новая, горящая неоновым светом: «Предприятие по обработке листовых металлов и золота акционерного общества «Малютка». Клава Стадницкая, старая кваша, встретила меня и сказала:

— Все-таки Митя у нас заботливый. Это он обещал, что уберет жестянщиков. Так и сделал.

А так как в школе крышу все не чинили, я снова связался с Митей. Он долго мне не отвечал, недели две, — все был занят выборами и дискуссиями, а потом я его увидел у нашего дома. Он осматривал жестянную мастерскую. Увидев меня, обрадовался, пожал мне руку и говорит:

— Ну вот видите, дядя Сеня, я выполняю свои обязательства перед народом.

— А как же школа? — спросил я.

— Школа — следующий этап, — ответил Митя. — Сейчас совершенно нет налички. Кризис. Все сюда пришлось вложить, чтобы спасти нас, дядя Сеня, и моих дорогих родителей, от шума и грохота.

Он с гордостью показал на жестяную мастерскую, которая и в самом деле не грохотала, а лишь посапывала, шипела, постукивала — вела себя пристойно.

— Видишь название? — спросил Митя.

— Какое название? — спросил я.

— «Малютка». Так все предприятия нашего фонда защиты детей называются. Эта мастерская теперь наша с тобой, дядя Сеня, народная, то есть моя.

И он уехал на машине «вольво», такой сверкающей, что даже грязь из-под колес не смела ее коснуться.

Жизнь человеческая пролетает незаметно. За последние годы многое изменилось в нашей стране и во всем мире. Но я, старея и мучаясь от болезней, продолжал находиться в ужасном ожидании, понимая, что так долго продолжаться не может. Теперь, когда даже Дина Иосифовна покинула наш мир, момент агрессии приближался.

Мои страхи усиливались от того, что прекратились известия от Кирюши. Он замышлял нечто тайное и потому вдвойне опасное. То ли дело Митя — Митя был обычным, понятным, и когда он приезжал к нам в гости и проверял, как работала жестяная мастерская «Малютка», он рассказывал мне по старой памяти о своих делах и успехах. В Думе он побывал некоторое время независимым кандидатом от национальных сил, потом стал губернатором в со-

седней с нами области, где обнаружилась вакансия. Теперь он приезжал к нам на трех машинах. Во второй ехали телохранители, одетые скромно, в черное, на третьей — секретари и машинистки. Он вынимал из кармана широкого пальто свой черный «бильян» и сразу начинал давать указания.

Я как-то не удержался и спросил:

— А как Кирюша? Нет от него вестей? Очень меня это беспокоит.

— Почему же? — спросил Митя.

Я понизил голос и произнес:

— Ты же понимаешь, что он на самом деле Оттуда. И это очень опасно для всего человечества.

— К сожалению, ты прав, стариk, — сказал Митя. — Ты прав.

— Так где же твой брат?

— В розыске, — ответил Митя. — Во всероссийском розыске. Он от нас не уйдет.

Он по-дружески положил мне на плечо мягкую ладонь.

— Времени терять нельзя, — подсказал я Мите.

— Ты прав, дядя Сеня, — ответил Митя и сел в свой «мерседес-650». — Вот проведем президентскую кампанию, изберет меня народ на высший пост, и мы его поймаем.

Ого, подумал я, Митя-то наш! Замахнулся куда! Впрочем, он всегда был тихим, настойчивым и близким к народу. Чувствует наш народ своего человека, плоть от плоти своей и кровь от крови! Кирюшу бы никогда не избрали даже в районную администрацию.

— Эй! — закричал я вслед Митиному кортежу. — Я буду голосовать за тебя, Митя!

Его родителей в тот момент не было. Он переселил их в Москву, купил себе там квартиру в несколько комнат, а отец с матерью берегли жилплощадь и все ждали, надеялись, когда Митя жениится и пойдут внуки. Но Митя все откладывал этот момент — дела, понимаете, дела! Так что пока суд да дело, Митя отправил их отдохнуть на Канарские острова.

Тем вечером я поздно возвращался домой с собрания ветеранов труда. Ниамила Федоровна на то собрание не пошла, потому что у нее разыгрался радикулит.

Я медленно шел через парк, и слова Мити: «Он в розыске», относящиеся к Кирюше, тревожили меня.

А успеют ли остановить его руку?

И тут я почувствовал неприятный запах. Почему? Откуда? Словно тлетворный аромат ада долетел до меня.

Я ступил на какую-то доску, лежавшую вдоль тропинки, и когда я дошел до середины доски, запах стал невыносим, и доска закачалась, треснула и сломалась пополам.... и я полетел вниз.

Я не успел даже сообразить и на успел никуда прилететь, как меня схватила на лету крепкая рука, вытащила за шиворот из ямы и посадила на землю.

— Зачем же так? — раздался голос. В тусклом свете далекого фонаря я увидел Кирюшу. Конечно же, это был Кирюша.

— Что случилось? — спросил я, стараясь перевести дух.

— А то случилось, — ответил Кирюша, — что вы, дядя Сеня, умудрились рухнуть в глубокую

яму, наполненную негашеной известью. И если бы я случайно не проходил мимо, то к утру от вас бы и косточки не осталось.

— Постой, постой! Откуда у нас в парке на дорожке яма, полная негашеной известью?

— А оттуда. Идти сможете?

— Смогу.

Поддерживая меня под локоть, потому что вскоре мои ноги ослабли и во всем теле началось колотье, Кирюша повел меня домой.

Когда ко мне вернулась способность говорить, я принял проклинать невнимательных рабочих, оставивших открытой яму с негашеной известью. Я находился в своего рода шоке — ибо меня не интересовало, почему Кирюша оказался рядом со мной в критический момент.

Видно, Кирюше надоело слушать мою злобную воркотню, потому что он прервал меня довольно нетерпеливо:

— Дядя Сеня, не важно, кто и зачем это сделал. Достаточно того, что эта яма была выкопана, чтобы уничтожить от вас все следы существования.

— Что ты говоришь! — воскликнул я. — У меня нет врагов!

— Кто сказал, что у вас есть враги, дядя Сеня?

— Кто же хотел меня убить?

— Мой родной брат, — ответил печально Кирюша.

— Митя?

— Он самый. Космический пришелец Митя.

— Кирюша, — сказал я учительским голосом, — не мели чепуху. Если кто из вас и пришелец, то ты, а не Митя. Именно сегодня я это заявил Мите.

- Вот и объяснение, — вздохнул Кирюша.
- Какое объяснение?
- Ты выдал себя; дядя Сеня, ты сказал, что догадался — один из нас пришелец.
- Но ведь не он!
- Сегодня не он, а завтра ты еще подумаешь и догадаешься, что он. Ведь для них человеческая жизнь — копейка.
- Погоди, Кирюша, погоди. А может, это твоя провокация?

Представьте себе такую картину: поздно вечером почти в полной темноте, при свете луны, на краю городского парка у статуи Геркулеса с веслом стоят два человека, старый маленький (это я) и крупный молодой (это Кирюша) и ругаются.

- Какая такая провокация? — спросил Кирюша.
- Ты хочешь меня убедить в том, что ты не космический пришелец со злобным заданием, поэтому сначала копаешь яму, а потом меня из нее вытаскиваешь.
- Агата Кристи! — закричал Кирюша. — Агата Кристи умирает от зависти к такому изысканному сюжету. Весь день копал яму, а потом...
- Нет, все равно не получается, — сказал я. — Сравни, пожалуйста, кто ты, а кто твой брат.
- Сравни, — согласился Кирюша.
- Митя — самый обычновенный предприниматель и политический деятель России, из комсомольских вождей, через кооператив вошел в парламент, а оттуда в губернаторы. Он наш, он плоть от плоти, кровь от крови. Если бы он баллотировался в нашей области, я бы за него голосовал. Он заботится о детях. Он проводит програм-

му «Малютка» — это целый фонд заботы... Это обыкновенный... Он даже звезд с неба не хватает!

— А теперь, — сказал Кирюша, закуривая трубку, при свете которой я увидел длинный шрам, пересекающий его щеку, и рано поседевшие волосы. — Теперь расскажи, как ты себе меня представляешь.

— Отрезанный ломоть, — твердо сказал я. — Человек, который не может нигде приткнуться, ему, видите ли, удобнее в Сингапуре или в смешанном экипаже на борту «Челленджера», чем в родном городе. В то время когда Митя ночей не спит для блага нашего государства, нашей национальной идеи, Кирюша даже и носа не кажет на Родину! Его мать и отец измаялись, не видавши его уже столько времени, глаза выплакали.

И тут послышался спокойный женский голос:

— Его отец и мать вторую неделю выплачивают глазки на Канарских островах. Перестань лицемерить, Семен!

— Тетя Нила! — обрадовался мой ночной собеседник, — как я рад вас видеть!

Они обнялись с моей женой.

— Он нам звонил, — сказала Ниапила Федоровна, — и я ему сказала, что ты пойдешь домой через парк. И тогда Кирюша сказал, чтобы я не беспокоилась, он тебя, в случае чего, спасет. Я, конечно, ему поверила, но теперь вот беспокоилась.

— Ничего плохого не случилось, — быстро сказал Кирюша и положил мне руку на плечо. А я его уже понял — зачем беспокоить мою Ниапилу, если у нее слабое сердце. И вот это движение Кирюши, его предупредительный жест все поста-

шил на свои места. Потому что ни один пришелец, ни один марсианин никогда не станет щадить нервы моей несчастной жены.

— Пошли домой, — сказала Нианила, — чайку попьем...

— Не стоит, — сказал Кирюша. — Они могут следить за домом.

— Их губит самомнение, — ответила моя жена, удивив меня до крайности. Никогда она еще не высказывала при мне таких умных мыслей о жителях других планет. — Они вырыли яму, наполнили ее негашеной известью и уже не сомневаются в том, что Сенечка погиб. И не будут они до утра проверять. Водку они пьют.

— Ну уж — инопланетяне и водку... — усомнился я.

— А ты загляни в казино «Золото инков» — все там!

— Кто все?

— Все хулиганы, — сказала Нианила. — Пошли домой, а то мой Сеня опять простудится.

И мы послушно последовали за Нианилой Федоровной.

Дома мы на всякий случай задернули шторы и пили чай вполголоса. Много интересного поведал нам Кирюша. Уж очень получалось нелогично: способности у него, можно сказать, ниже среднего, зато усидчивость такая, что в классе его не выносили ученики, зато любили все учителя. Никогда не шалит, а уж про драки и не думайте! Если же сделает что-то не так — утащит из шкафа конфету или кусок колбасы, всегда получает-

ся так, что виноватым оказывается Кирюша. Чем дальше — тем больше...

Впрочем, то, о чем рассказывал Кирюша, у меня было записано в тетрадках-дневниках. Только все, что Кирюше казалось ненормальным и подозрительным, мне представлялось образцовым и типичным для ребенка. Мне ведь и в голову не могло прийти, что маленький мальчик Митя притворяется именно затем, чтобы все считали его обычновенным земным существом. Делал ли он это сознательно, или в него были вставлены датчики — этого мы не знали.

Когда молодые люди подросли, Кирюша почувствовал опасность. Видно, кто-то сообразил, что при такой близости близнецов Кирюша обязательно разоблачит брата. И тут на Кирюшу начались покушения. И такие настойчивые, что ему пришлось покинуть дом и отправиться в путешествия.

Подобно мне, Кирюша долго не мог сообразить, кто же такой его близнец. Даже после того, как Клава призналась ему, что один из близнецов старше второго на пять дней. Ведь она не знала — какой из них настоящий.

Так вот, Кирюша решил, что он — настоящий, и посвятил свою жизнь разгадке тайн природы. Он многое узнал, но ему не хватало фактов.

Когда мы все выслушали, я сказал:

— Как жалко, что ты, Кирюша, если ты, конечно, не крайне хитрый инопланетянин, не обратился ко мне за помощью раньше. Я ведь знаю кое-какую тайну, которой по причине возраста и незнания иностранных языков не могу воспользоваться. А ведь она может все решить.

— Говорите, дядя Сеня, говорите!

И я рассказал ему о трагической гибели Милана Свазека и о его карте, которую я сберег за шкафом.

Мы развернули карту, и я рассказал, как помнил, теорию несчастного Милана. Кирюша слушал меня почти не перебивая, а после окончания рассказа произнес:

— Все стало на свои места. Теперь надо проследить их связи.

— Если успеешь, — печально произнесла Нианила Федоровна.

— Я все-таки оптимистичен, — ответил Кирюша. — Не могу сейчас объяснить вам, почему. Объясню вскоре.

Он попрощался с нами и пошел к себе спать.

— А как мне быть? — спросил я. — Выходить на улицу можно?

— Завтра из дома — ни ногой! Даже если Нианила Федоровна вас будет уговаривать.

— Это почему же я буду своего мужа на верную смерть уговаривать? — спросила догадливая Нианила.

— Потому что вас и подменить нетрудно. Так что и вы завтра сидите дома.

— Но у нас же молоко кончилось! — воскликнула возмущенная Нила.

— Обойдетесь без молока. Одни сутки. Через сутки я дам сигнал. Вот вам радиотелефон — умеете пользоваться?

И вот впервые за последние десять лет я пил на следующее утро кофе без молока.

Пока я его пил, моя Нианила Федоровна вытащила из ящика газету.

В газете обнаружилась любопытная статья. Она называлась: «День малютки для миллионов детей».

Статью подписал губернатор соседней области, председатель международного фонда «Малютка» Мефодий Стадницкий. В статье рассказывалось, как все честные люди планеты, которые любят малюток и хотят о них заботиться, устраивают во многих городах нашей необъятной Родины и других стран мира праздник для детей с ценностями подарками и развлечениями. Послезавтра по телевидению будет дан сигнал и указано время.

— Надо бежать в милицию! — закричал я. — Это и есть их план!

— И что тебе скажут в милиции? — спросила Нианила.

— В милиции? — Ответить я не успел.

Загудел радиотелефон, который лежал у нас на холодильнике.

Звонил Кирюша.

— Имен не называю, — сказал он. — И вы тоже не называйте.

— Ясно, — ответил я.

— Вылезайте через заднее окно жестяной мастерской, — сказал Кирюша:

— Ясно.

— Перебежками, вниз к берегу реки Верёвки. Там вас будут ждать через сорок минут.

— Одеваться тепло или легко? — спросил я военным голосом.

— Одеваться нормально, как у нас.

— С семьей прощаться? — спросил я.

— Прощаться, но ненадолго, — ответил Ки-рюша. — До связи.

Я боялся, что Нианила Федоровна будет браться передо мной, как Раймонда Дьен на рельсы перед военным поездом в период борьбы за мир. Но Нианила перекрестила меня и сказала:

— И все же я не отпущу тебя без свитера.

Когда я сбежал, пригибаясь, к Веревке, там никого не было. В растерянности я огляделся, и тут сверху вертикально опустился вертолет. Так я не прыгал со студенческих времен.

Перекрывая треск мотора, с земли ударили пулеметы.

Машина пошла вверх, а в полу появились круглые дырочки. К счастью, ни одна не совпала с моим телом.

За штурвалом сидел мой старый приятель, генерал-майор в отставке, Володя Бутт.

— Машина у меня особая! — крикнул он, перекрывая шум. — Держись. Сейчас сложим винт и полетим, как континентальная ракета.

Что мы и сделали.

Через полчаса, я бы сказал утомительного полета, мы опустились перед незнакомым вечерним городом.

Генерал-майор помог мне выбраться наружу.

— Я думал — не долечу, — сказал я.

— Я тоже так думал, — коротко ответил генерал.

Черный «кадиллак» затормозил возле нас. Ки-рюша открыл дверцу.

Машина рванула с места.

— Где мы? — спросил я.

— В Трансильвании, — ответил Кирюша, — вы еле-еле успели.

— Нас обстреляли с земли, — сказал генерал. — У меня в ноге два пулеметных отверстия.

Я только ахнул.

— Как же ты вел машину?

— Нам не привыкать, — сказал генерал.

— После окончания ликвидации — в перевязку, — сказал Кирюша.

— Куда мы едем? — спросил я.

— На их последнее совещание.

— Как ты узнал?

— Вы помогли, дядя Сеня. Вы вложили последний кирпич в нашу постройку.

— В нашу?

— А чем же я занимался последние десять лет?

Мы готовились дать им отпор.

— Кто — мы?

— Дядя Сеня, ну как же вы не понимаете! Они, со звезды Альфа Скорпиона, заслали к нам человеческих зародышей. Внедрили. Запрограммировали их типичными обычновенными серыми карьерными приспособленцами — идеальными исполнителями. У нас в Веревкине это был мой брат Митя...

— Но почему его подложили через пять дней?

— Чепуха, — ответил генерал-майор, — у нас всегда накладки, вот и у них накладки. Они должны были Кирилла в момент родов подменить на Митя, но Клавдия принялась рожать раньше времени из-за интриг ее свекрови. Помнишь тот торт? В нем было слишком много масла!

— Про торт я помню, но вряд ли допускаю такое подозрение. Ведь свекровь рисковала жизнью собственного внука!

— Что поделаешь! Национальный характер: «Если я чего хочу, то выпью обязательно!» А потом — авось пронесет.

— Но почему этот инцидент сорвал их планы? — Я логадывался, каким будет ответ, но хотел получить подтверждение.

— У них как у вышестоящей цивилизации все рассчитано. Включая время родов. Младенец был подготовлен к определенному моменту. Предусматривалась подмена в родильном отделении.

— И тут этот торт!

— Пока они спохватились и дали сигнал тревоги, Клава уже разродилась и даже домой вернулась. Пришлось младенца домой подбрасывать, подменять врача в консультации и подделывать документы в расчете на то, что советский человек больше верит бумаге с печатью, чем собственным глазам.

— Слава Богу, — сказал я, — что настоящего не задушили. С них бы сталося!

— Что-то им помешало. Но не гуманизм, — согласился со мной Бутт.

— Я не знаю — что, — сказал Кирюша. — Они решили, что два младенца даже лучше одного. Если будут вычислять, кто поддельный, то Митю никогда не заподозрят. Он же на тройки учился и общественной работой занимался.

Кирюша был прав. Я сам попался на эту удочку.

— А в других местах? — спросил я.

— В других местах накладки нам неизвестны, — сказал Бутт. — Если бы не Кирилл, их диверсия могла бы увенчаться успехом.

— Нет, — возразил я, — Милан тоже догадался. Но как он был одинок!

— Догадался не он один, — произнес Кирюша. — Люди не так уж наивны. Теперь ясно, что в разных странах, на разных континентах появились сомнения. Люди стали подозревать, следить, но не в плохом, а в самом хорошем, человеколюбивом смысле. Некоторые неглупые люди задумались, почему же это на Земле так успешно лезет из всех углов серость. И не только лезет, но и захватывает руководящие посты. Других смущало поведение губернаторов, представителей и парламентариев, которые спешно загоняют народные деньги в какие-то подозрительные фонды... Нет, если бы не друзья в нашей стране, а также в ближнем и дальнем зарубежье, наши усилия пошли бы прахом.

— И давно идет наша борьба? — Я не случайно оговорился. Я понимал, что, сам того не подозревая, принимал участие в смертельной борьбе, направленной на выживание человечества.

— Наш незримый фронт активно действует уже более десяти лет, — сказал Бутт. — И мы отдаём себе отчет в том, что любая ошибка, небольшой просчет, провал грозят нам неминуемой смертью. Пощады не ждем, но и от нас ее не ждите!

— Я с вами! — вырвалось у меня.

— Мы это понимаем, — улыбнулся мой молодой друг Кирюша. — Ведь мы рассудили, что вы — пионер в борьбе с космическим вторжением. Вы боролись в одиночестве, и Родина вас не забудет.

Вы имеете право принять участие в последней решительной схватке. Победить вместе с нами или...

— Или погибнуть на поле боя, — закончил я фразу за Кирюшу.

— Но еще не поздно повернуть назад. Шофер привезет вас, — сказал Бутт.

— Пути назад нет, — отрезал я. — Спасибо за доверие. Я с вами до конца!

— Не надо благодарить, — вдруг подал голос шофер. Он не оборачивался, поэтому его лица я не запомнил. — Ведь не грибы собирать идем.

Шофер говорил с румынским или венгерским акцентом.

«Кадиллак» замер на небольшой смотровой площадке. С трех сторон она была окружена мрачным еловым лесом, с четвертой открывался вид на лесистые, кое-где затянутые туманом ущелья и гряды гор, негостеприимные на вид. Их голые вершины скрывались в низких рваных несущихся на юг облаках. День обещал быть ветреным, дождливым и прохладным.

Со смотровой площадки вверх вела асфальтная тропинка. В лесу было чисто — ни банок от пива, ни оберточек от «сникерсов». Именно в тот момент я окончательно убедился в том, что нахожусь за границей.

За очередным извилином тропинки нас ждали два крупного размера мужчины в камуфляжных костюмах и черных масках. Впрочем, какие это маски — ты натягиваешь на голову черный носок, делаешь в нем две круглые дырки — и дело с концом!

Везший нас шофер перекинулся с мужчинами несколькими тихими фразами по-румынски или

по-чешски. В любом случае язык показался мне иностранным.

В этом месте мы сошли с тропинки и начали карабкаться по склону напрямик. Все шли медленно, чтобы я не отставал. Но метров через две-три шофер, который, как я уже догадался, командовал операцией, отдал краткий приказ, один из наших проводников быстрым движением — я даже не успел возразить — перекинул меня через плечо и понес дальше, как похищенную невесту. Он молчал, дыхание у него было ровным, поэтому я не стал сопротивляться. Неизвестно, какая схватка ждет нас в конце пути, лучше, если я окажусь там бодрым и сильным.

Замок открылся перед нами неожиданно. Впрочем, я не совсем точен — возможно, все остальные увидели его раньше. Я же — только тогда, когда мой носильщик аккуратно поставил меня на ноги.

Оказалось, что мы стоим у подножия обросшей мхом древней каменной стены. Вершина ее скрывалась в облаках.

Скользя по траве, мы прошли по траве метров сто. В том месте выдавалась круглая башня замка.

Еще два наших союзника вышли из-за башни.

Шофер тихо спросил их о чем-то.

— Он спрашивает, где охрана башни, — перевел мне его слова Кирюша, и надо сказать, что в моем тамошнем первом состоянии я даже не удивился тому, что Кирюша знаком венгерский, а может, румынский язык.

Человек в камуфляже небрежным жестом указал дулом автомата на две помятые банки из-под

кока-колы, что валялись у его ног, нарушая чистоту цивилизованного пейзажа.

Он начал что-то объяснять начальнику, Кирюша хотел мне перевести, но я остановил его:

— Я знаю, как это бывает.

— Что случилось, что? — спросил Бутт, который был не в курсе дела.

— После смерти агенты противника превратились в банки, — ответил Кирюша.

— Остроумно придумано, — заметил генерал Бутт. — Никогда не подумаешь, что трупы лежат.

Видно, находившийся в этой башне ход в замок был резервным, предназначенный для бегства или разведки, — он представлял собой полукруглый люк, забранный толстой ржавой решеткой. Решетка была разломана невероятной силой, не-свойственной человеку.

Заметив мой изумленный взгляд, начальник показал на одного из солдат, обычного роста и сложения, и сказал короткую фразу, которую я понял без перевода:

— Сержант Коду, чемпион Олимпиады в Лос-Анджелесе по перетягиванию каната.

Один за другим мы углубились в недра ста-ринной башни. Спустились в подвал и, освещая себе дорогу фонариками, поспешили по низкому тоннелю. Под ногами хлюпало, сверху падали тяжелые холодные капли. Несколько крыс цепочкой пробежали в лучах фонарей, и их глазенки злобно сверкали красными искорками.

Было неуютно и даже страшно. Одно утешало — со мной рядом сильные болгарские или венгерские ребята, в том числе чемпион Олимпиады.

Впереди показались каменные ступени. Они вели наверх.

Чемпион Олимпиады пошел первым. Мы оставались ждать.

Вдруг сверху донесся удар, затем грохот.

Мне показалось, что он разнесся по всему замку.

Мы кинулись к стенам и замерли, прижавшись спинами к влажному ледяному камню.

По лестнице скатился чемпион Олимпиады, а следом за ним начали сыпаться многочисленные металлические детали, куски пластика и прочие части какого-то механизма. Единственной целой деталью в этом наборе была рука в рукаве от пиджака. Она сжимала переговорное устройство, из которого донесся резкий голос:

— Что там у вас, черт побери, происходит?

Все замерли.

Кириуша хладнокровно сделал шаг к руке, вынул из ее сжатых пальцев переговорное устройство и ответил:

— Все нормально. Продолжаю наблюдение.

— Ну-ну, — пискнул голос в переговорном устройстве. — Не спать, не отвлекаться. Удвоить бдительность.

Кириуша нажал на кнопку, переговорное устройство отключилось, и он кинул его в карман.

— Поспешим, — сказал генерал Бутт — они начинают последнее совещание.

— Кто это был? — спросил я у чемпиона Олимпиады, показывая на кучку металлических деталей.

— Не есть понимаем? — лукаво улыбнулся чемпион.

По узкой лестнице мы поднялись на галерею, которая обтекала на уровне второго этажа громадный гулкий овальный зал, в котором некогда шатные обитатели замка, возможно, местные вампиры, собирались на свои шумные безнравственные пиры. Галерея была узкой и пыльной. По стенам довольно тесно висели крупные, в рост, изображения владельцев замка. Самые старые и почерневшие были облачены в латы, новые — во фраки. Освещалась галерея керосиновыми лампами, укрепленными в чугунных лапах, вылезавших из каменных стен.

Потолок зала являл собой паутину из черного мрамора, в центре которой вместо паука находилась гранитная летучая мышь, видно, вампир. Из ее пасти свисала длинная цепь, на конце которой находилась пышная чугунная люстра, кидавшая неясный свет на собравшихся за овальным столом людей.

При всем разнообразии этих особей их объединяло одно — возраст. Все они были тридцатилетними. Но этим сходство ограничивалось, потому что среди гостей этой гостиной нетрудно было различить русских, украинцев, молдаван, негров, китайцев, а также людей неизвестных мне национальностей.

Председательствовал пожилой негр, мой давнишний знакомец, который, как я уже догадался, и курировал всю операцию.

И если все сидели на длинных скамьях без спинок, окружно огибавших стол, то негру достался стул с прямой резной спинкой.

Мы появились на галерее в тот момент, когда эти существа заканчивали спор.

— Я настаиваю, — сказал негр, — чтобы переговоры велись по-русски.

— Но почему? — спросила красивая блондинка, напоминавшая мне какую-то американскую актрису. — Разве у нас своего языка нет?

— Русский язык обеспечивает полную тайну переговоров, — отрезал негр. — В этих глухих местах вы не отыщете ни одного человека, который с ним знаком.

— Но с нашим языком...

— А если, — негр поднял ладонь, останавливая блондинку, — если какой-нибудь идиот сумеется сюда, он решит, что попал на совещание русской мафии, и убежит отсюда в Гваделупу так, что подметки потеряет.

Негр рассмеялся. Потом сразу стал серьезен и обратился к Мите Стадницкому, который сидел справа от него.

— Докладывай ситуацию, — приказал он.

— Все готово, — сказал Митя. — Завтра в одно и то же время...

— В какое? — спросил монгольский лама.

— В шесть по Гринвичу, — ответил Митя, — в шестистах семидесяти крупнейших городах Земли откроются фестивали «Малютка» и начнется всеобщее веселье. Заиграют оркестры...

— Мстислав Ростропович отказался приехать, — мрачно сказал генерал азиатской внешности.

— Ничего, мы разберемся, — пообещал негр.

Подождав, пока за столом установится тишина, Митя продолжал:

— Под веселую музыку и фейерверки клоуны начнут раздавать детям цветы и усыпляющие конфеты. Наши люди останутся на трибунах и будут обеспечивать спокойствие. Ваша задача выпустить затем на посадочные площадки усыпляющий газ. Баллончики получите на выходе. Затем вы контролируете посадку детей в корабли. По нашим подсчетам, улов должен исчисляться примерно полумиллионом ребятишек. И это для начала не плохо.

За столом раздались аплодисменты, которые гулко прозвучали в этом мрачном пыльном зале.

— Главное, чтобы все вы, — закончил пожилой негр, — сохранили свои посты министров, губернаторов, руководителей политических партий и лидеров непримиримых оппозиций. Как вы знаете, нам нужны миллионы и миллионы рабов. Так что в случае успеха операция по изъятию детей...

— Операция «Малютка», — подсказала блондинка.

— Операция «Малютка» должна повторяться вновь и вновь, а мы должны все крепче забирать Землю в свои руки.

— До последнего ребенка, — добавил Митя.

— Сейчас все расходятся и разъезжаются по своим постам. И ничего не бойтесь. Никто не посмеет поднять руку на вождей земного истеблишмента. Я же займусь выявлением и арестом козлов отпущения.

— Кого? — спросил восточный генерал.

— Это старый еврейский термин, и он означает невиноватого виновника. В истории Земли — любимое занятие искать козлов отпущения вместе виноватых и затем спускать с них шкуру.

За столом сдержанно засмеялись.

— Ели вы обратите ваши взоры наверх, — продолжал негр усталым голосом мудреца, — то вы увидите первых козлов — это отставной учитель литературы из городка Веревкина некий Семен Семенович, генерал-майор в отставке Владимир Бутт и твой братец, Митя. Они пока еще торжествуют победу, не зная, что есть структуры, на которые не положено поднимать руку.

Белые овалы лиц множества премьеров, президентов, губернаторов и лидеров оппозиций задрались к галерее.

Негр поднял палец, и я почувствовал, как мои ноги приросли к полу, а члены тела сковала отвратительная немота.

Я понял, что все погибло...

— Отнесите козлов отпущения в каземат, — приказал негр, — мы их предъявим суду, когда начнут искать циников, укравших надежду Земли — ее малюток!

И его дьявольский хохот потряс люстру, над которой поднялась туча пыли.

Пыль еще не успела осесть, как недалеко от меня послышался знакомый женский голос:

— Пришел ваш последний час, агрессоры!

С громадным трудом я смог повернуть голову и увидел мою жену Нианилу Федоровну с авто-

матом Калашникова в руках и еще нескольких вооруженных пожилых женщин. Среди них Клаву Стадницкую.

Загремели автоматы...

Премьеры, президенты и лидеры оппозиций мирились врассыпную, опрокидывая скамейки ишибая друг дружку.

Те же, в кого вонзались пули, тут же превращались в банки от кока-колы и, легонько позвякивая, катились по каменному полу.

Ноги мои не удержали меня, и я опустился на пол галереи.

Родные лица Нианилы и Кирюши склонились надо мной.

— Ты здоров, мой қозлик отпущения? — спросила Нианила.

Я постарался усмехнуться.

— Вы-то почему здесь оказались?

— Потому что мы представляем Всемирный комитет бабушек и матерей.

Кирюша обнял и поцеловал свою маму.

Мы с Нианилой отошли и сели на каменную скамью, под портретом пожилого графа в синем камзоле и голубых панталонах.

Мы держались за руки. Мы вспоминали нашу жизнь, которая проскользнула так быстро, но лишь укрепила нашу любовь.

Молодая китаянка баскетбольного роста остановилась возле нас и сказала моей жене:

Мы отправляемся, госпожа президент. Инопланетные корабли уже приближаются к Земле.

Вам предстоят нелегкие переговоры с противовоздушной обороной...

Сейчас наступает утро. Вот-вот поднимется солнце. Я сижу на краю бетонной посадочной площадки для космических кораблей на площади Хосе Марти в Веревкине, прислонившись спиной к ярко раскрашенной площадке для клоунов. В мою задачу входит не пускать детей на развлекательную площадку «Малютка» — а вдруг какая-то часть злодейских кораблей прорвется к Земле? Да и кто их знает — президентов и оппозиционеров, все ли разоблачены и покаялись?

Нианила вылетела в ООН, там она должна выступать в Совете Безопасности, конечно, если ей дадут там слово,

Утро веселое, поют птицы, кричат вороны.

Как там писал поэт? «Что день грядущий мне готовит? Его мой взор напрасно ловит...»

В КОГДЯХ СТРАСТИ

РОМАН

От шоссе отходила дорога на Веревкин, районный центр Тульской области, некогда городок бывший, торговый, славный зерновой ярмаркой и церквами. Знаменитых людей Веревкин, правда, не дал, но воспитал немало достойных жителей.

Среди тех, кто был воспитан в Веревкине, а потом улетел, расправив крылья, в иные просторы, был и Анатолий Смольный, сорокалетний, склонный к полноте, но еще не распывшийся коммерсант всероссийского, не побоюсь этого слова, масштаба.

В тот мартовский слякотный, метельный и при том дождливый день он несся по шоссе из Москвы и торопил водителя Кешу, который не хотел торопиться, боясь погубить шефа. И телохранитель Харитон, кстати, из тех же мест, что и шеф, сидевший рядом с водилой, был того же мнения. Анатолий сердился на своих слуг, но ничего поделать не мог. В России дворня всегда имеет собственное мнение и навязывает его барину.

Чтобы не сердиться на спутников и не повышать адреналин в крови — доктор не велит, — Анатолий вытащил ксерокопию газетной статьи, которая, возможно, изменила его жизнь.

Статья была из центральной газеты, в ней говорилось о том, что после выведения в Англии овочки Долли многие ученые во всем мире принялись выводить чего ни попадя. То есть клонировать.

Для необразованных, например, для Харитона, приходилось объяснять, что клонирование значит сделать себе точную копию. Скучно тебе на свете без близнеца — заказал близнеца, сделали тебе близнеца. Один в один, из твоей клетки — больше никто не вмешивается. По большому счету, как бы ты еще раз. А другие, например, из Минобороны, смогут сделать генерала Лебедя в ста экземплярах, тогда держись, Афганистан или Жириновский — смотря на кого генералы коллективно как бы будут наступать.

Харитон при таком объяснении долго думал, проталкивал мысли сквозь узкие сосуды головного мозга, потом спросил:

— А они как, сразу в кондиции будут?

Шеф не понял, в какой кондиции. Переспросил.

Харитон сказал:

— Ну вот, ваш близнец, шеф, он такой же, как вы, в среднем возрасте родится?

— Ну, ты даешь! — рассмеялся шеф. — Ну какая, прости, телка меня родит в таких моих масштабах?

— Ну, может, в банке вас будут выращивать?

— Смешно.

— Может, слониха родит или моржиха? — Харитон долго смеялся, Кеша тогда тоже смеялся, а

шef задумался. Потом велел секретарше Марлен вызвать к нему доктора наук, а может, академика для консультации, но чтобы не заломил.

Профессора привезли, шef уделил ему полчаса своего драгоценного времени. Допрашивал.

Марлен и другие удивлялись — зачем это шефу?

К тому времени уже все в кабинете, на которой было написано неграмотное слово «офис», знали, что если ты хочешь поиметь близнеца и продолжить свое существование в полной мере, то женщина, которой предстоит эту копию родить, может родить только новорожденного. И он никогда не станет твоим настоящим близнецом. Поэтому, оказывается, наше Минобороны относится к клонированию спустя рукава — зачем клонировать солдат и ждать двадцать лет до призыва, если можно зачинать и рожать их обычным способом, путем любви?

Но по выходе профессора из кабинета Анатолий Смольный сильно задумался. Так задумался, что опоздал на встречу с монгольскими компьютерщиками. Он что-то бормотал себе под нос, уехал с середины ленча-презентации мисс Вице-грудь города Солнцево под патронажем лично Ахмета Гориллы и даже не извинился.

Анатолий возвратился в свой новый престижный дом в самом конце Ленинского проспекта, в котором купил этаж, как раз под этажом, который купила певица Кристина Орбакайте. Потом он выгнал челядь, налил себе стакан виски «Чивас ригал» сорокалетней выдержки, открыл золо-

тым ключиком заветный инкрустированный комод и достал потрепанный альбом, в котором хранилась память о его детстве и юности.

Фотографии были мелкие, нечеткие, сделанные большей частью фотоаппаратом «Комсомолец».

Анатолий листал альбом и разглядывал фотографии, сначала не задерживаясь на самом себе, лежащем на животике в годовалом возрасте с улыбкой во всю физиономию, затем, когда хронология подошла к школьным годам, стал смотреть медленнее, вглядываясь в горошинки лиц на групповых снимках.

Раису он отыскал на одной групповой фотографии, снятой после окончания шестого класса. Раису можно было угадать по косе, перекинутой вперед через плечо, а вот самого себя Анатолий узнал с трудом, потому что он был худшим вариантом подростка — слюнявый, прыщавый, пучеглазый и глупый.

Другая фотография, на которой он отыскал Раису, относилась к восьмому классу. На ней были сняты участники лыжной вылазки. Так назвал свой урок на свежем воздухе физкультурник Варпет, старейший физкультурник Москвы. Он был чемпионом Карса по вольной борьбе в 1916 году, затем боролся за независимость Армении, потерпел поражение и всю последующую жизнь скрывался в Москве. Вот он стоит: в центре снимка, вместо лыжных палок костили, ноги он еще в гражданскую потерял, но никто над ним не смеялся, а то схлопочешь костылем по шее.

Справа от Варпета, глядя на него влюбленно, как женщины смотрят на героев, стоит Райка, уже почти красавица, только еще худая как палка. Но даже на этой измельченной фотографии видно, что у нее глаза-озера, тяжелая коса и под свитером появилась пока еще небольшая грудь.

А дальше, по краям, стоят остальные одноклассники. И Анатолий, незаметный и некрасивый, с самого фланга.

А третью фотографию Раисы Анатолий украл. Райка подарила ее паршивцу Борьке Губерману, который потом предал Родину и слинял в Израиль. А в классе он был физиком и химиком, правда, списывать у него было бессмысленно: и физичка, и химичка сразу видели, что списано у него, потому что Борька делал все за пределами школьной программы.

На обороте фотографии, маленькой, паспортной, не очень похожей, было написано: «Если нравится — храни, а не нравится — порви. Надеюсь на милость. Твоя неверная Раиса».

Вся эта подпись была сплошной загадкой. Почему Раиса была неверной? Значит ли, что она сначала была верной и что-то имела с Борькой на сексуальной почве, а потом на этой почве имела с кем-то еще?

Борька носил фотографию в верхнем кармане куртки, даже вынимал при людях, чтобы полюбоваться, — устраивал демонстрацию!

Так что, когда Борька снял куртку в гостях у Назарова и повесил на спинку стула, вытащить

ее оттуда для Анатолия труда не составило. А раз на обороте не было написано, чьих милостей ждет Раиса, то Анатолий считал, что он и есть ее тайный избранник.

Райке было трудно учиться в школе. Уж очень всем хотелось в нее влюбиться, и даже больше. У нее в глазах был вечный призыв и в губах обещание поцелуя, она ходила так, что вроде и прилично, а на самом деле требовала, чтобы с нее сорвали одежды. Хорошо еще, что Веревкин — город тихий, все всех знают, приезжих мало, беженцев почти нет, так что на улицах на Раису не кидались. Да и отец у Раисы был отставным сержантом ОМОНа и знал приемчики. Так что влюбляться — влюбляйся, а рукам волю не давай.

Но что характерно: она сама давала своим рукам волю.

Незнакомым людям, даже женщинам, Райка казалась ангелом. Лицо ее было доверчивым и открытым, глаза чуть близорукими, растерянными, беззащитными, молящими о заботе. Требовался второй взгляд, а то и четвертый, чтобы женщина осознала опасность, как слабый зверек перед пантерой, которая отнимет у тебя самца, хочешь ты того или нет, нужен он пантере или понравился на минутку.

У Раиски слишком блестели ярко-голубые очи в черном частоколе ресниц, и слишком алели губы, не требующие никакой помады, и слишком часто вздыхала, вздрагивала высокая грудь, словно Раиска остановилась после горячего бега,

хотя на самом деле она лишь вытянула, сидячи на стуле, бесконечно длинные, но не тонкие, упругие и прямые ноги.

Вкусы Райки были непредсказуемыми и нелогичными. Вечером, после уроков, уборщица Клава застала ее в физкультурном зале на мате с второгодником и дураком Петушком Ветриловым по прозвищу Жеребец. И этим было все сказано.

Жеребец хотел стать чемпионом мира по штанге или культуризму; и ему некогда было уделять время юной любовнице. Он тренировался и прятался от красавицы, а она сходила с ума, потому что он ей не давался, преследовала его, пока собственный отец ее не выпорол. Как ни странно, она всегда робела перед силой и легко отказывалась от добычи. Весной в девятом классе она забралась по водосточной трубе в комнату физкультурника Варпета, когда он отдыхал, сняв протезы и вынув зубы.

Старик пытался сопротивляться, но потом сдался, потому что даже в столетнем возрасте трудно устоять перед сексуальным водопадом. Раиска осталась у физкультурника на ночь, и утром ее пришлось выводить от него силой. Отец снова выпорол девочку. Варпету пришлось уйти на пенсию, а Райка сделала свой первый аборт.

Потом она влюбилась в Борю Губермана. Раиска не умела притворяться. Она влюблялась всегда безумно, по прекрасные ушки, и не ведала преград на своем пути. Боря тоже полюбил Райку и решил бросить десятый класс и свои надежды

на получение Нобелевской премии ради того, чтобы работать грузчиком и обеспечивать свою с Райкой семью.

К счастью, отец-омоновец выпорол Райку, а в Борю Губермана, который проводил холодную дождливую ночь под окном невесты, запустил каминной решеткой. Борю отвезли в больницу, где с ним случилась амнезия, он забыл о любви и вспомнил о физике. Считайте, что ему повезло.

Другим повезло меньше.

Гога Эксгуменидзе пытался из-за Раиски повеситься, а когда его откачали, но Раиска не раскаялась, он уехал в Приднестровье и погиб там, защищая дачу секретаря обкома.

Анатолий во всех этих горячих событиях участия не принимал, потому что был незаметным мальчиком, средним, даже ниже среднего, учеником. И внешне не производил впечатления. А Раиса относилась к тем женщинам, которых Пушкин припечатал выражением: «Они любят ушами». Если о мальчике или мужчине не говорили, она его не замечала или замечала с трудом.

Анатолия она не замечала.

Он был на полголовы ниже ее.

Он рано начал лысеть, не выделялся физической силой и никак не блистал умом.

Анатолий был влюблён в Раису несколько лет. Безнадежно, но упрямо, потому что был уверен — в конце концов он ее добьется, даже если для этого придется перейти на лыжах через Северный полюс или взлететь в космос.

Его не звали на полюс и в космос.

Анатолий как-то сказал Раисе:

— Выходи за меня замуж, я тебя буду любить.

— А ты, дурак, Смольный. Ты ведь ни рылом, ни умом не вышел.

— Берегись, Райка, — сказал он.

Раиса поглядела на него сверху вниз — она уже вытянулась, почти на голову стала выше Анатолия. У Раисы была одна любимая книга, необычная для девушек, которые могут полюбить «Анну Каренину» или про счастливую любовь. Раиса любила «Записные книжки» писателя Ильфа. Или Ильфа и Петрова. Это не важно.

— Утри нос, — сказала она Анатолию. — В соплях запутаешься.

Это была цитата. Анатолий не угадал, потому что у него любимой книги не было, не увлекался.

Анатолий отошел и стал планировать.

Слова Раисы и несбыточное сексуальное влечение к ней переломили его жизнь. С того несчастного дня Анатолий отверг пустые увлечения юности, бросил футбол и карты, перестал давать в долг без процентов, стремился к аттестату зрелости, лишние деньги откладывал — хотя какие могут быть лишние деньги у веревкинского юноши из неблагополучной семьи?

В своих мечтах, которые особенно мучили, когда просыпаешься, Анатолий становился страшно богатым, возвращался в родной городишко на черной «волге», весь в кожаном пальто, а может, в мундире генерал-майора. Раиска, узнав о его

приезде, выбегает на дорогу и машет ему рукой, мол, остановись, я подумала, приняла решение, я твоя невеста, твои желания — мои желания, мое тело — твое тело...

Но потом наступалопротрезвление, и Анатолий знал, что его мечты — пока еще фикция. А время идет, и с каждым днем мечта настоящая, Раиса, отдаляется и вот-вот попадет в чужие руки.

И пока Анатолий копил деньги, занимался с гантелями и учил английские слова — причем не по системе, а так, урывками, то начнет, то бросит, — угрозы вокруг Раиски становились все темнее как грозовые тучи.

Она шла в дом культуры, часов в шесть вечера, в летний светлый день, как ее догнал «газик», в котором ехал Хаменко, бригадир совхоза «Имени Второй очереди Московского метрополитена», человек могучий, потому что держал в совхозе подпольный цех по выращиванию каракулевых овец и драл с них шкуры, а в подполе этого цеха, о чем не знали даже его сообщники, находился бассейн с подогреваемой морской водой. Там в специальных садках мирно дремали жемчужные раковины, в которых зрели драгоценные шарики. По пятницам к совхозу подкатывал джип из канадского посольства. Полковник конной полиции Смит, работающий в Москве под псевдонимом Иванов, забирал шкатулку с товаром и в условном месте, под корягой, оставлял пластиковый пакет с долярами.

Всего этого Раиса знать не могла. При всей изысканности своего тела она оставалась простой

веревкинской девушкой, средних способностей, доброго, в сущности, нрава. Правда, она не ощущала свою красоту как проклятие. Ей нравилось смотреть на себя в зеркало.

Знать она ничего не знала, но любой человек в Веревкине сказал бы, что Жора Хаменко, Георгий Филиппыч, большой человек в районе. Когда он проезжает по улице Ленина, секретарь райкома Мария Семеновна подходит к открытому окну и отдает Хаменко честь. Это многие видели.

Хаменко ехал по улице, думая о своих делах, и тут увидел спину девушки, одетой попросту, как многие в русском городке, — в футболку с надписью «Долой СПИД» на английском языке и в джинсах «версаче». Нет, не наряд привлек внимание Георгия Филипповича, а толстая коса до пояса, длина стройных ног, изумительные по округлости ягодицы, да и сама легкая походка Раиски.

Хаменко сам сидел за рулем.

Так что даже не надо было давать распоряжений.

Он обогнал Раиску, тормознул и спросил:

— Подвезу?

— А пошел ты! — просто ответила Раиска, которая не выносила, чтобы к ней на улице приставали незнакомые старые мужики. А Хаменко ей показался совсем старым — ему тогда уже было за сорок. Недалеко, но за сорок.

— Я Хаменко, — сказал он.

Как назло, а может быть, по высшему велению судьбы, Анатолий Смольный в этот момент

проходил по той же улице Ленина, по другой ее стороне, с тайной надеждой на то, что Раиска посмотрит в его сторону и наградит своей лучезарной улыбкой.

— Вижу, что не Достоевский, — ответила Раиска.

— Жемчужные бусы хочешь? — спросил Хаменко.

— Не от тебя, — ответила Раиска.

— Получишь от меня, — сказал Хаменко. — Мне еще никто не отказывал.

— Я откажу, — сказала Раиска, так покачивая бедрами, словно ее учили этому в султанском салоне. На самом же деле выше школьной самодеятельности Раиска не поднималась. Потому что, по сути дела, была лентяйкой:

— Я их выращиваю, — сказал Хаменко.

— Где же у тебя жемчужное дерево растет?

Раиска не шутила. Ей и в самом деле казалось, что жемчуг растет на специальных деревьях. Хаменко расхохотался.

— Поехали, поехали, — сказал он со смехом, — посмотришь на дерево.

И тут надежды Анатолия, который глядел на эту сцену из-за тополя, на то, что девушка скажет свое твердое «нет» домогательствам старого развратника, лопнули.

— Только чтобы руки не распускать, — сказала Раиска и легко вспрыгнула в «газик».

«Газик» рванул вдоль по улице, и последние слова, что донеслись до Анатолия, звучали так:

— К девяти привезешь меня обратно, а то отец убьет.

— Со мной не тронет.

— Дурак, он и тебя убьет.

Тут они начали смеяться, и Анатолий остался в облаке серой пыли.

Что между ними произошло, Анатолий так и не узнал. Но на следующий день Раиска пришла в школу в жемчужных бусах почти до пупа, правда, никто в школе не мог отличить настоящий жемчуг от пластикового.

Хаменко ждал Раиску у школы с букетом роз, презрев общественное мнение. Он был ей как раз по плечо, но вдвое шире — он был похож на сейф, а волосы совершенно черные, прямые, на пробор, лицо прижатое, из мелких черт под покатым лбом. Некрасивый. Анатолий куда привлекательнее.

Вся школа смотрела, кто из окон, кто со двора.

Он отдал Раиске цветы, потом поцеловал ей руку — вся школа видела, как поцеловал руку, считай, что город будет знать к вечеру. Повел ее к «газику», и Раиска громко сказала:

— У тебя что, на «волгу» денег нету?

В девять Хаменко привез ее домой, чтобы отец не сердился. Отец еще не знал, сидел с утра дома, опохмелялся, а мать, хоть и знала, но молчала — всех боялась.

Анатолий склонился под сиренью у них в палисаднике.

Он слышал, как подъехал «газик», как хлопнула дверь. Ему было плохо от ревности, даже

тошнило. Он хотел убить этого Хаменку, но если убьешь, то пойдешь под суд, и тогда прости-прощай любимая Раиса!

Хаменко подвел Раису к двери.

— Как тебе? — спросил он.

Раиска не ответила, а стала целоваться. Она вздыхала, пускала горячий воздух ноздрями и руками совершила неприличные жесты, так что Хаменко сказал:

— Пошли, ляжем в канавку, а то я не удержусь.

Раиска захочотала и побежала в палисадник.

Хаменко стоял в тени забора, все пытался закурить, руки у него тряслись, он грубо матерился, но почти беззвучно. Только Анатолий слышал и размышлял — как бы сейчас убить Хаменку? Но нечем было его убить.

Было тепло, почти жарко, воздух был неподвижен, гудели комары. Анатолий сидел в кустах под окном Раисы, в занавеске была щель, он смотрел в щель, как Раиска не спеша собирается ко сну. Она стянула через голову платье, совсем легкое, голубое, осталась в одних кружевных трусишках — ничего больше не носила.

Анатолий думал, что завоет от желания.

Он бы комаром влетел в щель и касался бы ее крылышками. Или кусал бы, пил кровь.

Раиска все не ложилась спать, а уселась перед столиком, на котором стояло зеркальце, и стала себя рассматривать. Она всю себя рассматривала по деталям, с удовольствием. Анатолий вместе с ней

осмотрел. Словно в глазах у него были сильные линии и они позволяли видеть даже поры в коже.

Анатолий в тот день заболел Раиской окончательно, на всю жизнь. До этого он был в нее влюблен. А теперь был ею болен.

Это случалось с людьми.

Это случилось вскоре с Хаменкой, но Анатолий не думал о Хаменке, он приkleился к щели в мнавеске, а Раиска, которой надоело собой любоваться, поднялась и, проведя ладошками по бедрам, скатала трусики в колбаску и, опустив до колен, приподняла ноги по очереди и сняла трусики. Она провела ладонями по грудям, по животу, ей нравилось ощущение своего тела.

Потом повернулась к окну и запустила пальцы в золотые волосы.

Ничего в ней стыдного не было, было совершенство — ее сделали так, чтобы она ходила голой всегда, а одежды были лишними, ненужными, только отвлекали — это Анатолий понял той ночью и на всю жизнь.

Вдруг она заговорила. Она заговорила сама с собой.

— Помыться, что ли? — спросила она себя.

И сама же ответила.

— Обойдутся, пускай все во мне булькает.

Что она имела в виду, Анатолию понимать не хотелось. Он и не понял.

Она потушила свет и легла.

Не почувствовала, не догадалась, как близко к ней стоял Анатолий, как он тщательно за ней подглядывал...

А вскоре Анатолий торжествовал.

Молчал и торжествовал.

Он подглядел, высматривая Раиску, ходя за ней как волк за добычей, как она встретилась с Хаменкой, который поджидал ее после школы, но не у самой школы, а поодаль, в проулке за сквером, хотя что таись, что не таись — все равно узнают.

— Я тебе велела, — сказала Раиса, — чтобы ты сегодня не приезжал и чтобы вообще к школе не приезжал.

— Ну что мне для тебя сделать? — спросил Хаменко. — Чего хочешь? Еще жемчуга? Каракульское манто?

— Дурак ты, Жора.

— Деньги? Денег нужно? Сколько хочешь, купиши шмоток, сапожки.

— Не надо мне твоих денег.

— Тебе же хорошо со мной, ты же говорила!

— Это я тебе в позапрошлый раз говорила. А теперь ты надоел.

— У тебя есть кто-то другой?

— У меня насморк, — сказала девушка, — а от тебя у меня будет парша.

— Не шути так, Раиса, — сказал заводчик. Он смотрел на нее, закинув голову и выставив подбородок.

— Я не шучу, ты мне побоюешься.

— Раиса, я думал...

Она пошла прочь, к своему дому, Жоре пришлось спешить следом.

Раиса, — повторял он. — Я хотел с тобой поговорить серьезно. Я готов развестись и жениться на тебе. У тебя будет положение...

Она шла молча.

У дома ее ждал Петушок по прозвищу Жеребец, который собрался уезжать к тетке в Армению, чтобы избежать призыва в армию — его Наконец выгнали из школы и теперь грозила государственная служба. Он пришел к Раисе прощаться и ничего дурного в виду не имел.

Жора увидел молодого соперника и велел ему сматываться. Не выносил соперников. Жеребец в ответ ударил Жору в скулу, так что у того вскоре заплыл глаз. Раиса засмеялась. Это ей показалось забавным.

Жора молча ушел, а Жеребец с Раисой остались на улице, им некуда было деваться, да и расставание было спокойным.

Через пять минут Жеребец попрощался и пошел к себе.

Он прошел метров сто, как из переулка вылез «газик», за рулем сидел Хаменко, обезумевший от любви, ревности и унижения.

Жеребец не успел отскочить — он и не думал, что его хотят убить.

Раиса все это видела.

Она убежала к себе домой, позвала отца.

Но Жора уже скрылся. Умчался.

Милиция приехала скоро, но Жеребец уже умер. Поехали к Хаменке. Он хоть и был элитой, но непартийной.

Его нашли не сразу.

Он утопился в жемчужном подвале.

На похороны Жеребца Раиса пошла. Правда, в каракулевой накидке, несмотря на летнее время. Больше ничего черного у нее дома не нашлось. Люди говорили, что у нее «хватило наглости». На похороны Жоры она, конечно же, не пошла. Говорят, вдова Хаменки приходила к ней домой со скандалом и желанием посчитаться, но ее встретил отец Раисы, так что ничего из мести не вышло.

Это было главное событие в Веревкине двадцать с небольшим лет назад. О трагедии даже писала областная молодежная газета, но как-то неуверенно, словно не знала, кого надо разоблачать.

Анатолий для себя тогда решил, что у Раисы было два мужчины, которые владели ее юным прекрасным телом. И оба трагически погибли. Значит, любой мужчина, который приблизится к ней и завладеет этим телом, обязательно погибнет.

Это было утешением. Потому что даже ради великой любви Анатолий не был готов погибнуть. И ему казалось, что не все еще потеряно: Жора Хаменко оказался мелковат. Для того чтобы Раиса осталась тебе верна, несмотря на недостаток твоих внешних данных, надо стать богатым на всесоюзном уровне — генералом или даже членом ЦК. Тогда она падет к твоим ногам.

Раиса ушла из школы — осталась на второй год в десятом классе — и уехала на несколько месяцев в деревню к тетке. Если там что и происходило, Анатолий не знал. Он поступал в инсти-

тут — такой вот замах был у человека, провалился, армии избежал и стал работать в Туле, в торговле. Путь к славе и власти оказался куда труднее и тернистее, чем складывался в эротических мечтаниях, на этом пути даже пришлось жениться на дочери директора базы. Дочь была армянского происхождения, склонная к полноте и усам. Ненавидел он ее страшно, сильно гулял на стороне, не раз заезжал в Веревкин, а новости там были неутешительные.

Раиса вернулась в город, кое-как доучилась в школе, но экзаменов на аттестат сдать не смогла, потому что поехала отдохать на весенние каникулы на неделю в Гурзуф с подругой Викторией. А там, в Гурзуфе, тренировалась футбольная команда второй лиги «Текстильщик» из Якутска. На третий день отдыха Раиса сбежала через окно дома отдыха «Павлик» на тренировочную базу. Футболист Тема ждал ее на веранде. Они бросились друг к другу в объятия. Затем футболист повлек ее в кусты, но тут их поджидал второй тренер команды Наум Хулявый, который заботился о здоровье спортсменов. Он стал разлучать влюбленных, Тема отстаивал свою честь. Бывший штангист Хулявый переломил футболисту ногу.

Что и как происходило далее, никому не известно, вернее, никто не пытался реконструировать события. Но почему-то междоусобица в якутской команде распространялась как заразная болезнь. Когда приехала милиция, несколько человек уже находились при смерти. Всех, включая Раису,

арестовали и отвезли в гурзуфское отделение милиции.

Остальное не так важно, потому что через два дня Раиса и начальник отделения подали заявление в загс, а через неделю расписались.

Анатолий же потерял на этом следы красавицы.

Он вел скучную жизнь, откладывая деньги, верил в то, что судьба еще сведет его с Раисой. Он разошелся с женой, платил ей алименты за черноглазую дочурку Карину, еще раз женился, и опять по расчету.

И тут подошли к концу восьмидесятые годы. И жизнь изменилась.

Оказалось, что для новой жизни Анатолий был отлично приспособлен.

Он был подобен Илье Муромцу, который сиднем сидел тридцать лет и три года, копил силы богатырские и имел перед собой великую цель — завоевать сердце и тело принцессы Раисы.

А раз до того он уже десять лет крутился в мире полутемном, деловом, то связи были наработаны на зависть любому. Даже секретари райкомов, которые пошли в бизнес рука об руку с начальниками райотделов КГБ, уступали ему в силе духа, умении, опыте и связях.

Через два года Анатолий уже владел небольшой посреднической конторой, вышел на импортные операции, стал на всякий случай председателем артели глухих и союза ветеранов малых войн, освободился от налогов, причем два его конкурента таинственным образом погибли, затем про-

ник в областную думу в качестве независимого кандидата, сначала голосовал за ЛДПР, потом перешел к коммунистам; купил домик в Швейцарии, чуть не взорвался в машине, зато в этой же автокатастрофе погибла его вторая жена.

В 1995 году депутат Анатолий Смольный посетил Веревкин, открыл там филиал своего банка. В самом деле, конечно же, приехал, чтобы увидеть Раису и себя показать.

Его пожилая мать, которой он высыпал ежемесячно пенсию в размере государственной, сказала ему, что давно Раису не видела, но вроде бы она в прошлом году возвратилась домой после очередного неудачного брака или романа — кто ее, шалаву, разберет! Живут они скучно, ведут себя неразумно, порядочные люди с ними не связываются.

Мать всегда боялась Раису, чутким материнским сердцем понимала, что сын ее — духовный пленник Раисы. Если она свистнет, он поднимет хвост и помчится. Хватило бы духу — давно бы отравила Раису. Впрочем, мать Анатолия была не единственной женщиной в Веревкине, которая так думала.

Сын поставил на стол подарок — кофеварку фирмы «Самсунг» из Южной Кореи. Он знал, что мать отроду кофе не пила, но кофеварка досталась бесплатно, как рекламный образец, а мать, если нужно, загонит.

Больше он с матерью разговаривать не стал, а вышел на разведку.

Харитон пошел за ним. «Мерседес» остался возле дома, чтобы не привлекать внимания обычных прохожих.

Дом Раисы показался Анатолию безнадежно маленьким, старым, некрашеным, и в то же время сердце сжало неизгладимым чувством.

Анатолий поднялся на крыльце, Харитон остался в шести шагах, прикрывал от нападения. Мало ли что.

Анатолий позвонил в дверь, никто не открыл.

Он стал стучать, потом повернулся спиной и стал стучать каблуком.

Стук был таким сильным, что из окна соседнего домика высунулась тетка и крикнула, чтобы перестали хулиганить, соседей нету дома и когда будут неизвестно. А где они? В Турции, ясное дело.

Пошли домой, Анатолий решил с утра сходить к Виктории, Раискиной подруге, она должна знать.

И тут произошла встреча.

По переулку шли всей семьей — Раиса, ее мать и отец. Каждый нес по две полосатых kleenчатых сумки, невподъем.

Анатолий не сразу узнал семью, хоть знаком со всеми был с детства.

Отец ссохся, но жилистости не потерял, и взгляд из-под седых бровей был злобным, как и прежде.

Мать стала квашня квашней, осела, сгорбилась, седые волосы нараспашку.

А Раиса, чудо-воспоминание, превратилась в толстую бабу средних лет, притом одноглазую.

И все вместе они принадлежали к жалкому и жадному племени российских членоков, что бро-

дят по всему миру от Гонконга до Монтевидео и ищут чего второго сорта и списанное, но дешево. И волокут на наши толкучки и «оптовки».

Анатолий увидел любовь своего детства и молодости и замер, стараясь угадать неземное существо в этой прихрамывающей бабе. Он смотрел, Раиска на него смотрела, но что удивительно — он ее все же узнал, потому что стремился в Веревкин, чтобы сказать ей: «Я приехал, я сдержал свое слово, я стал самым богатым, меня по телевизору показывают, у меня охрана есть, иди ко мне, и мы будем счастливы». А Раиса никак не узнала в мужике — средних лет, кадровой внешности, в черной шляпе на ушах, сотовый телефон из кармана горчит, ботинки чищены — не узнала в нем замухрышку из своего класса, Тольку Смольного.

Анатолий стоял, потеряв дар речи.

Не надо было ему ехать в Веревкин. Не надо было открывать в нем филиал своего банка, не надо было заказывать в шашлычной «Тульские узоры» банкет для одноклассников. Уж если у тебя есть бабки, то организуй разведку, выясни, получи фотографию-полароид...

Ничего этого Анатолий не сделал, положился на вечность красоты и либерализм времени.

Раиска, хоть и трудно было с таким грузом, который оттягивал руки до земли, повернула голову. Что-то тревожное кольнуло ее — может, какой обманутый любовник? — и все равно не узнала — щеки вылезли наружу и стали красного цвета, глаза спрятались за подушечками, да и шляпа скрывала узкий лоб с залысинами.

Анатолий открыл было рот, чтобы остановить ее. Но смотрел на одноглазую бабу, которая прихрамывала, сгибалась под тяжестью сумок, понимал, что это и есть Раиса, но отказывался сам себе поверить.

— Вам чего? — спросила Раиса вслед Анатолию. Но тот уже повернулся и быстро пошел прочь по переулку. За ним, переваливаясь под тяжестью мышц, топал охранник Харитон.

Анатолий добежал до машины, бросился на заднее сиденье и сказал шоферу:

— Гони в Москву

В тот день он оставил свою карьеру, целью которой было стать тульским губернатором, закрыл все конторы и отделения в Туле и проникся к областному центру странной ненавистью.

Он начал делать деньги в Москве, он боролся как злобный тигр или супершакал, он никого не жалел и получил кличку Анаconda или Толя-Анаconda. Он никогда больше не бывал в родном городе, он даже маме не отвечал на письма, ограничиваясь денежными переводами в размере минимальной пенсии.

Правда, он нанял частного сыщика Хмурого, бывшего подполковником милиции, который заполнил белые пятна в биографии Раисы. Оказывается, ее жизнь складывалась роковым образом. Ее милицейский муж сильно проворовался и был посажен, Раиса попыталась уехать в Париж, чтобы стать фотомоделью, но доехала только до Бу-

чиреста, где фотомоделей как собак нерезаных. Гам ее полюбил сутенер Ахмет, чеченец по национальности... Через десять лет она очнулась в Веревкине, без правого глаза, с переломанной ногой, отбитыми почками и расшатанными нервами. Потом был еще один неудачный брак, в деревне под Веревкиным, но о нем и говорить не стоит.

Без ребенка, без любви, без связей и денег Раиса покинула свою семью и занялась мелким бизнесом. Они все втроем ездили по заграницам, подвергались мучениям и гонениям. Жизнь катилась мимо. Красота погасла. О ней теперь помнил только Анатолий по прозвищу Толя-Анаконда.

А Толя, получив все эти сведения, заплатил подполковнику Хмурому, постарался забыть Раису, но не смог, потому что был травмирован не столько ею, как ее предательством: ну как могло случиться, что она в который раз обманула вечного поклонника и стала столь непривлекательной? Ведь он все улучшался — почему она ухудшалась?

После визита в Веревкин Анатолий богател, рос, умножал материальное благосостояние и о Раисе почти не думал.

Пока не открыл газету и не узнал о том, что в Англии выведена овечка Долли — вернее, клон овечкиной мамы. Без помощи папы. А в России Дума приняла постановление вывести свинью. А в Америке появился доктор, который хотел клинировать людей, против чего уже поднялись волнения и демонстрации.

* * *

Два года не был в Веревкине Анатолий Смольный, владелец заводов, ларьков, пароходов на бывших просторах СССР.

Он подумал о том, что в прошлый приезд сюда сердце его билось от неведения, а теперь бьется от предвкушения.

Конечно, Анатолий думал не такими умными словами, хотя был неглуп, ему даже привозили учителя из Англии, чтобы учил английскому языку во сне. Учитель ничего не добился и объяснял это тем, что Анатолий якобы не знает родного русского языка. А без этого ему не привить иностранных языков.

Анатолий велел отправить учителя обратно в Англию за свой счет, но гонорар удержать. Учитель до сих пор судится с фирмой ООО «СМОЛНЫЙ», но кто одолеет наших адвокатов?

Дорога влилась в крайнюю, Заводскую улицу Веревкина. Завода там, правда, не было. В тридцатых годах собирались построить metallurgический гигант, завезли ссыльных, построили Заводскую улицу из бараков, но потом Тула, как всегда, перетянула.

За Заводской повернули к центру, там, на берегу речки, в бывшем парке при гимназии таился Дом пионеров, построенный некогда секретарем горкома, который брал не по чину и сгинул. С тех пор дом не пустовал, его использовали для сомнительных дел и круглых юбилеев не только веревкинские, но и тульские начальники, для чего

иам пристроили баню и сделали подземный ход на тот берег, к гречишным полям.

Анатолия ждали.

С подносом, где стояла солонка и лежал купленный в мини-супермаркете кекс «Пасхальный» бельгийского производства, вышел Адольф Турецкий, бывший председатель городской организации ДОСААФ, который, несмотря на отличные показатели боевой и политической подготовки, выше майора не пошел из-за сомнительного имени и фамилии.

Адольф был такой толстый, что его всегда поддерживали два его юных друга, Василий и Шурочка. Друзья были веселыми, заливыми, романтическими и могли оказать услугу любому гостю.

Анатолий отщипнул от каравая, кинул крошку в мокрый сугроб и прошел к себе в апартаменты, не потому что презирал Адика, а просто не хотел обниматься, боялся некоторых физических контактов.

В гостиной открыл холодильник, порадовался тому, что в Веревкине помнят о его вкусах, налил из бутылочки стакан морковного сока.

Анатолию иногда хотелось завести близкого человека, которому можно доверять, который все поймет и разделит твои планы и сомнения. Говорят, для этого нужно счастливо жениться, бывают такие женщины. Анатолию не везло, пока не встречал.

Приходилось обходиться своей головой. Что он и делал.

Хотя очень хотелось посоветоваться.

За Раисой Анатолий послал Адика Турецкого. Харитона она могла испугаться. Харитона многие пугались. Как-то в прошлом году Анатолий был в Штатах, гуляя по Голливуду, встретил Шварценеггера. Анатолий вежливо послал к звезде американского экрана своего Харитона, чтобы взять автограф. Харитон подошел, хотел сказать о любви, но Шварценеггер при виде Харитона кинулся бежать, бежал и кричал полицию. Наши за ним гнались не стали, только издали смотрели, как Шварценеггер упал в обморок.

У нас Харитона не так боялись, иногда только путали с политиками. Рожа как рожа.

Анатолий послал за Раисой Адика, и тот привел женщину довольно скоро.

Раиса были заинтригована, какой это старый знакомый хочет с ней побеседовать в домике у реки.

Она вошла в комнату, где сидел Анатолий, и сказала с порога:

— Ох и давно я здесь не была! Совсем стала невостребованная!

Она хрипло засмеялась, а Анатолий, прежде чем поздороваться, сказал:

— С алкоголем будем завязывать.

Он встал и подошел к Раисе, протягивая руку. На этот раз он был без шляпы и пиджака, так что узнать его оказалось проще. Раиса его и узнала.

— Только! — воскликнула она. — Ну ты даешь! Кто тебя, блин, в этот развратный домик пустил?

— Раиса, поосторожнее в выражениях перед нашим гостем, — предупредил от дверей Адик Тураевский.

— Пошел отсюда! — мягко попросил его Анатолий. Они остались одни.

— Я сяду, — сказал Раиса, — и ты садись. Ноги не держат от такой неожиданности.

С прошлого раза она еще более ухудшилась.

Лицо стало краснее, даже какие-то жилки пошли по щекам, под глазами мешки, волосы вылезли и совсем потеряли блеск и пышность, руки были неухоженные, с грязью под ногтями. Но когда она села — нога на ногу, в поношенных кроссовках, — у Анатолия сердце пошло кругом. Так бывает с женщинами — все в них исчезло, а ноги остались прежними.

Вы таких ног не видели! Это архитектура, в учебниках фотографируют.

Как могли сохраниться ноги при общей девальвации организма — это природная тайна.

Раиса перехватила жадный взгляд Анатолия и спросила:

— Что, еще не перевелся порох в пороховницах?

— Есть дело, — ответил Анатолий. — Хотелось поговорить.

— Выпить не найдется? — спросила Раиса.

При твоих возможностях.

— Выпьем потом, — ответил Анатолий.

— А как ты вообще? Ничего мне не рассказываешь. Женат, детишки есть?

— Был женат. Есть дочь, — коротко ответил Анатолий.

— А я вот бездетная, — сказала Раиса. — А чего развелся? Характерами не сошлись?

— Сошлись.

— Под машину попала?

— Ты газеты читаешь? — спросил Аркадий.

— Я тоже в разводе, — сказала Раиса. — Однокая женщина.

Левый глаз был наполовину прикрыт, это ее сильно портило.

— Я не жениться приехал, — сказал Анатолий.

— А когда-то сох по мне. Многие сохли, ты не представляешь, один мужик другого убил, а сам в бассейне утопился. Смешно?

Она забыла, что Анатолий был свидетелем тех событий.

— Сейчас вряд ли кто из-за тебя утопится, — сказал Анатолий.

— Смешно, — вздохнула Раиса.

— Но есть возможность заработать, — сказал Анатолий.

— Я думала, посидим, старое вспомним, — сказала Раиса. — Неохота о деньгах говорить. Я ведь не нуждаюсь. У нас есть семейная фирма, экспорт-импорт. Небольшая, но на жизнь хватает.

— Раиса, — сказал Анатолий. — Я все о тебе знаю. Всю твою биографию изучил. И с кем ты жила, и с кем спала, и кто тебе глаз вышиб, и куда ты с папашей и мешками гоняешь. Так что помолчи, принцесса.

— Принцесса, — тихо повторила Раиса. Она хотела было обидеться на слова одноклассника, а потом передумала.

— Есть такое интересное открытие, — сказал Анатолий. — Называется клонированием.

— Скажи своим мордоворотам, пускай выпить принесут, — попросила Раиса. — Желательно мартини со льдом.

— А мне морковного сока, — сказал Анатолий. Он был уверен, что Харитон таится под боком и сейчас что надо принесут. — Слышала о клонировании?

— Слышала. По телеку передавали.

Адик Турецкий принес поднос с мартини, бокалами и бутылку с морковным соком.

— Что? — спросила Раиса. — Проблемы желудка? В твоем возрасте?

— Пожить хочу, — сказал Анатолий. — Плодотворно.

— Дурак.

Раиса выпила полный бокал мартини, не разбавив и не положив в него лед. Налила еще.

— Мне ты нужна, — сказал Анатолий, — чтобы ты как бы родила ребенка.

Раиса так и замерла со вторым бокалом у губ. Губы у нее тоже сохранились — полные, четко очерченные.

— Ты что, рехнулся? — спросила она наконец. — Сначала меня опозорил, унизил, а потом о ребенке? А ты знаешь, что я на ребенка соглашусь только от настоящего мужа, со штампом в паспорте, понял?

— Ты меня как бы не так поняла, — сказал Анатолий. — Трахать я тебя не буду, еще зарышишься чем-нибудь. Рожай без меня.

— И кто же жених? — спросила Раиса, решив, что больше обижаться не будет. Разговор намечался серьезный, и она могла что-то с него понимать.

— Вообще-то могу обойтись без тебя, но так надежнее.

Раиса отхлебнула мартини. Разговор шел серьезный, и этот бывший замухрышка тоже не шутил. Что-то ему от нее нужно, но главное тут — не прощешевить. Уж слишком часто Раиса в жизни спешила схватить золотую птицу счастливой судьбы и все промахивалась — утром проснешься, а птичка уже в небе порхает.

— Рассказывай, Толик. — Раиса старалась говорить мягко, горловым голосом, который стольких сводил с ума. Как хотелось, не вышло, уж очень она прокурила и пропила этот голос.

— Закурить не найдется? — спросила она.

— Курить тоже завязываем, — сообщил Анатолий.

— Перебор, — сказала Раиса. — Курить не завязываем. Рака легких не опасаемся.

— Курить ты бросишь, когда узнаешь, что стоит на карте.

— Тогда говори, что стоит на карте.

— Может, ты догадывалась, что я к тебе неровно дышу, — начал Анатолий. — Со времен средней школы.

— Почти забыла, — призналась Раиса, — расгаяло как дым отечества.

— Не кривляйся, — укорил ее Анатолий. — Тебе это не идет.

— А ну, уберем из общения этот учительский тон, — сказала Раиса, которая за свою жизнь научилась поддерживать беседу в любом обществе. Она легко схватывала слова и понятия, даже начатки языков. Она в Турции могла лучше любого членка объясниться. А про Польшу и не говорим.

— Я советовался с докторами наук, — сказал он, — пришлось вложить большие бабки. Они мне как бы надавали советов. Ты слушаешь? Значит, я теперь знаю, как сделать. Бабки у меня как бы есть. Начнем хоть завтра. Я уже договорился с роддомом и консультацией — возражений не имеется. Но конечно, абсолютно как бы тайна.

— Слушай, Толик, не мудри. Чего тебе от меня надо? А то я уж бояться начала. У тебя в глазах оголтелость.

— Мне ты нужна, неужели не поняла?

— Если я, тогда к твоим услугам, только потраченная молью.

— Мне ты нужна молодая, как я любил. Ты что, не понимаешь, что у меня к тебе как бы чувство было?

— Обратного пути история, прости, Толик, не знает.

— Теперь знает! Мы берем твою клетку, мы ее, прости, оплодотворяем, и ты выращиваешь. Кто рождается?

— Ты охренел, Толик?

— Спокойно. Я пока терплю. У меня жизненная ставка.

Раиса трясла головой, старалась понять, что происходит. Происходило что-то опасное и даже постыдное для нее. А до конца она не понимала.

Анатолий тоже не мог ей втолковать, чего он хочет — не снаружи, в действительности, а чего он хочет в душе. Что им движет.

Ну как объяснишь этой тумбе, что ты прожил свою жизнь именно так, как случилось, из-за нее! И может, даже ради нее. А потом узнал, что она его подло обманула. Когда он завоевал половину мира и пришел, чтобы кинуть к твоим ногам, оказалось, что твои ноги — единственное, что от тебя осталось. Остальное необратимо исчезло. И тут-то оказалось, что жизнь прожита зазря. И некому кидать под ноги половину мира.

Анатолий разочаровался в жизни, но продолжал жить, потому что в голову ему не приходило, что можно с этой жизнью расстаться. Он, можно сказать, собрал в руках вторую половину мира и тогда узнал, что клонирование возможно.

И озарение пришло к нему почти сразу.

Никто до этого не додумался. Ни один академик или народный артист. Оказывается, теперь можно возвратить в мир утерянную красоту. Нет, не какую-то там Нефертити или Клеопатру в исполнении Элизабет Тейлор — кому это нужно? Можно вернуть в мир самую великую из всех красавиц СНГ и дальнего зарубежья, Раису.

Вот все это он и попытался изложить в беседе с Раисой. Раиса высосала всю бутылку мартини и к концу бутылки поняла, что за дело на нее надвигается.

С одной стороны, операция показалась ей противной и отталкивающей.

С другой стороны, она была польщена. Ведь это было как бы победой на конкурсе мисс Вселенная, это было свидание с человеком, который ради тебя — ведь это я такой была? — готов пойти на все.

— Ну вот она родится, — спросила Раиса, — ты что же, двадцать лет ждать будешь?

— Ты раньше созрела, — сказала Анатолий.

— Ну уж нет! — воскликнула Раиса. — Не получишь ты, развратник грязный, мою доченьку! Хрен тебе! Иди во Францию, негритянок там... это самое. Но мою дочку — нет!

— Это не твоя дочка, — упрямко сказал Анатолий-Анаконда, — это ты сама. И ты уже в шестнадцать в раздевалке стадиона физкультурнику давала.

— В семнадцать, — поправила, смутившись, Раиса. Хотя была неправа.

— Вот я на тебе и женюсь.

— Нет, и не мечтай! Исключено! Я тебя и в школе не замечала, а сейчас тем более не замечу. Ты знаешь, старый козел, сколько тебе лет будет через двадцать лет?

— Сколько?

— Сколько и мне. Шестьдесят без двух месяцев. Тебе на пенсию надо, а не на дочке моей жениться.

— Не на дочке, а на тебе.

— Да не пойду я за тебя! — кричала Раиса, потом кинула бутылку из-под мартини в Анато-

лия, промахнулась и попала в голову Адику Ту-рецкому, который сунулся было на шум.

Пришел Харитон, унес Адику, а беседа с Раисой продолжалась.

Анатолий стал спокоен. Недаром его Анакондой звали. Он стал стягивать кольца на теле обнаженной жертвы.

— Ты сколько сейчас в месяц получаешь? — спросил он.

— Не важно.

— Важно. Дай Бог, всей семьей пятьсот баксов.

— А вот больше!

— Ну как бы шестьсот.

— А зачем тебе?

— Единовременно получаешь три тысячи баксов, квартиру в новом доме, переезд в Москву, пенсию и звание моей тещи.

— И не мечтай.

— Другой вариант: как только ты ее рожаешь, сразу уходишь в отставку, я нанимаю кормилиц, поилиц и другую обслугу, выписываю из Швейцарии, а может, увожу тебя до совершеннолетия в пансион в городе Цюрих, как бы на родину Ильича.

— Кого?

— А наш вождь там как бы скрывался от клеветов царской охранки. Не читала?

— Я тебе в последний раз говорю: не получишь ты мою дочку.

— А тебя?

- Чего — меня?
- Опять двадцать пять! Сколько тебе за штамп в паспорте?
- Не пойду я за старика.
- В шестьдесят я еще таким орлом буду! Ты и не представляешь. В моем распоряжении все достижения зарубежной медицины. Тебе тоже поможем. Глаз сделаем — ни одна гадюка как бы не отличит.
- Дурак ты! — сказала Раиса, но в ее голосе уже не было первоначального возмущения.

Пока в женской консультации при роддоме готовилась палата и ее уже занимали специалисты, выписанные Анатолием из Южно-Африканской Республики, Раиса нередко встречалась с Анатолием и даже во многом смирилась. Она не могла счасть будущего ребеночка самой собой, внутренне называла дочкой. Но в то же время ей было любопытно, как и любой женщине на ее месте, что же получится? Неужели она сможет наблюдать за тем, как она сама будет снова расти,ходить, произносить первые слова и даже пойдет в школу? И это любопытство оказалось сильнее опасений, тем более что с опасениями Раиса покончила быстро: как и обычный русский человек, она отложила опасения на будущее. Там будь что будет. «Все равно ему дочку не отдам. В случае чего передам дело в суд — он у меня попляшет. Он же отцовство доказать не сможет! Нет в моем ребеночке его отцовства. Только я и Гос-

подь Бог». Тут ей в голову пришла крамольная, но оригинальная мысль: а непорочное зачатие — это, наверное, и было первое в мире клонирование. Как бы в Богородицу внедрили Божью клетку. Ведь всюду говорят и даже пишут, что Христос — сын Божий, но нигде не говорится, что он сын Богородицы. И она ему не мать — а только донорша.

С этим открытием Раиса пришла к Анатолию. Он устроил в домике у реки свою резиденцию, кабинет, факсы и компьютеры на каждом шагу. Никто из его персонала не мог понять, что взбрело шефу в голову. Но и не спорили — только те спорили, кто не хотел переезжать или гонять в Веревкин. Ну те потеряли работу. Ясное дело.

Конкуренты суетились, подсыпали шпионов. Харитон шпионов разоблачал и скормливал им ложную информацию о находке под Веревкиным месторождения самородной ртути. Так что на биржах Европы зашевелились некоторые акции.

В женской консультации при веревкинском родильном доме жизнь текла внешне как прежде, без событий. Ходили туда будущие мамы, сдавали анализы, проходили обследования. Но к заднему входу был пристроен бункер, туда тоже подъезжали машины, заходили люди замкнутого вида, некоторые с переводчиками. Заходили люди со стороны. Включая будущий матерей. Официально было объявлено, что там обследуют некоторые генетические осложнения, которых раньше в Веревкине не было, а теперь появились.

Конечно, первой среди равных пациенток была Раиса.

За ней заезжал домой «мерседес», хотя идти от дома до консультации пять минут.

Раиса, когда окончательно опомнилась и смирилась, поставила перед Анатолием ряд условий. И он их принял.

Новый дом в экологически чистом районе, на холме над излучиной речки — два этажа, четыре комнаты с ванной и колодцем — выполнено.

Автомобиль «нива» белого цвета для папы — выполнено.

Шесть тысяч баксов наличными — получено две с половиной тысячи.

Для извлечения из организма Раисы нужной для потомства клетки и для последующего внедрения в ее организм пришлось Раисе полежать в родильном доме. У нее была своя палата с телевизором, на окнах решетки, питание четырехразовое.

Сначала Раиса думала, что все сказанное Анатолием, да и действия врачей над ее организмом — это какая-то афера. Одно дело — читать в газетах или видеть по телевизору. Другое — если это происходит с тобой: жила, жила, и стала овечкой Долли.

Но вдруг, довольно скоро, Раиса поняла — у нее задержка.

Задержка? А ведь никаких совокуплений с мужчинами у нее не было, довольно давно не было. Иначе, в ней... это!

И стало страшно. Да, конечно, Анатолий все объяснял, доктор Перруджини тоже все объяснял, все она понимает... но тут в тебе что-то начинает расти. В твоем организме. Но раз это не занесено во время акта любви, как положено у людей, значит, это наведено научным способом. А где гарантия, что это будет в самом деле девочка? Твоя копия? Кто их, таких девочек, видел? А вдруг это, как в русской сказке оказывается, неведомый зверюшка?

Раиса похудела, потеряла аппетит, хотя ее откармливали в роддоме диетическим питанием.

Приезжал Анатолий. Был радостен, ходил по палате, потом предложил погулять в саду. Деревья уже распускались, весна была в полном разгаре. Сад был обнесен высокой изгородью. Анатолий говорил о любви, о том, как, оказывается, всю жизнь страдал от чувства к Раисе. Раиса пыталась отшутиться, говорила: «Если так любишь, значит, тебе недостатки моей сегодняшней внешности не так уж и важны? Женись на мне как я есть». «Я лучше уже нашел», — отвечал Анатолий, показывая на ее живот.

Раиса тоже смотрела на свой живот, ей казалось, что он на глазах раздувается, как в американском фильме ужасов, где в утробе героини таится «чужой», чудовище. Но пока признаков не находила.

Раиса беспокоилась, дома мать начала расспросы, Раиса отрекивалась, потом сказала:

— Да, беременная я, а от кого, не важно, может, от того турецкого шофера, помнишь, нас подвозил из Трабzonда?

Мать помнила и старалась не верить такому низору.

— Я тебя в детстве по ошибке не убил, — сказал отец, — но если родишь, то убью наверняка.

Так что когда доктор Перруджини, который уже немного освоил русский язык, предложил с пятого месяца переехать в стационар, Раиса согласилась. Не нужны ей косые взгляды и семейные ссоры. Лучше потерпеть, пока не родится... неведомый зверушка.

Она гуляла по распустившемуся, богатому саду и роддомом, за высоким забором. Но спокойствия не было. Мучила интоксикация организма, жить не хотелось.

В стационаре на сохранении она была не одна. Сначала там были еще три женщины, молодые, куда ее моложе, молчаливые, из местных, но незнакомые. Потом появилась Верка Синицына, с Аксаковского переулка, они давно были знакомы. И про нее Раиса знала, что никакого мужика у Верки нет и не было по причине непривлекательности и бедности. И тут — беременная!

— Ты чего мне раньше не сказала? — накинулась на Верку Раиса.

— Я про тебя тоже не знала, — ответила Верка.

Они стали гулять вместе, даже немного загорали. Как-то сблизились. Верка все приставала, а кто отец ребенка? Раиса спросила доктора, можно ли рассказать Верке, что она клонируется, но Перруджини ответил, что ни в коем случае, может случиться выкидыш.

Они еще несколько дней таились, но потом Верка сама проговорилась.

Они курили в кустах у забора — курить им было категорически нельзя, но санитарка Зарема, беженка, с приплатой носила сигареты. Верка сказала:

— Я тебе тайну должна раскрыть.

— Что за тайна?

— Нет у меня мужика, — сказала Верка. — И не было.

— Слuchaется, — ответила Раиса, которая сама откровенничать не собиралась.

— Ты не понимаешь, — сказала Верка, — я без мужика рожать буду.

— Кого же ты рожать будешь, если без мужика? — спросила Раиса, а сама вся напряглась. Ужасная тайна готова была раскрыться.

— Ты не поверишь!

— Поверю.

— Ты побожись, что никому не скажешь.

— Ей-богу под салютом всех вождей, — так божилась еще мама.

— И доктору Перруджини не скажешь?

— Уж ему-то ни в коем случае.

— Я собственную копию буду рожать, — призналась Верка, — из меня клетку взяли, и из нее я девочку рожу, точно как я в детстве.

— Врешь!

— И знаешь, кто меня на это соблазнил?

— Нет, не знаю.

— Такой у нас Толька учился, Толька Смольный, не помнишь?

— Что-то не помню.

— Он, оказывается, был в меня влюблен, — призналась Верка. — Он как прочел про клонирование... ты слыхала про клонирование? — то сразу ко мне: прошу, говорит, тебя, Вера, вернуться ко мне в юном облике.

— А ты?

— А он мне пенсию обещал на ребенка, поклялся признать ее дочкой и тысячу баксов в месяц.

— Зачем ему дочка?

— Детей у него нет. Бог не дал. Хочет удочерить.

— Этот? Удочерить? А вдруг у него другие планы? Он, говорят, за соблазнение малолетних промекался.

Конечно, этого говорить не следовало, после таких слов Верка полностью потеряла покой и все ждала, когда приедет Анатолий, чтобы ему выложить правду, но и Раису можно понять — она все это сделала от душевного волнения и, можно сказать, шока. Ты думаешь, что ты и есть центр мира, ты идешь на сомнительное мероприятие из-за того, что тебя любят неземной любовью... а оказывается, не только тебя любят. И кого? Верку? Да у Верки в школе никаких поклонников не было — с ее-то длинным носом! Извращенец! Честное слово, извращенец!

Раиска начала уговаривать Верку, чтобы та молчала — если ты устроишь скандал, то только юбки потеряешь и ничего хорошего...

Вроде бы Вера поддавалась; но на нее было мало надежды — проговорится, обязательно проговорится. Ее ведь распирает.

Но пока Анатолий не приезжал, а Вера держалась, закусив губу, Раиса, полная подозрительности, обратила внимание на молодых товарок, которые гуляли по садику — тоже были на сохранении.

Первая же, по имени Прохорова Дарья, беженка, без жилплощади, через час беседы призналась, что мужа не имеет, любовника тоже — иначе бы не пошла на такое унижение за деньги: родить ребенка без отца и даже без любви. Ей, по ее словам, этого зародыша «вспрыснули», обещали за это пенсию и алименты, а также отдельную комнату в доме на Ленинской. Прохорова Дарья не знала имени своего благодетеля, беседовала с доктором, но при том присутствовал наблюдатель... и Прохорова описала Анатолия.

Ситуация становилась все более загадочной и неприятной. Анатолий оказался лжецом, но смысл его лжи оставался непонятным и пугающим.

Раиса таилась, переживала, но продолжала свой детективный поиск.

Следующими жертвами стали две подружки — Аля и Гая. Совершенно непохожие. Аля мужеподобная, здоровенная баба, ей бы женской штангой заниматься. Гая — воздушное создание, все жмется к Але. Раисе с ее жизненным опытом не надо было долго разбираться — она поняла, что девицы, хоть и молоденькие, чистой воды лесби-

ники, и даже не из самого Веревкина, а из поселка Силикаты в шестнадцати километрах. Их дружба, переросшая в любовь, развивалась еще в общежитии тамошнего кирпичного завода. А теперь, как объяснила Галочка, сбывается мечта их любви — одни добрые и щедрые люди им предложили родить по детенышу без помощи этих грубых, жестоких, вонючих существ по имени мужчины. Их клеточки объединили — наука теперь на это способна, — и теперь они рожают девочек, во всем похожих на Алечку и Галочку.

Раиса уже была готова убить Анатолия, но тот, словно зная об этом, все не приезжал.

Тем временем Раиса свела знакомство с только что поступившими новыми пациентками роддома. И все восемь девушек оказались такими же, как и она, жертвами жестокого обмана этого сексуального маньяка и разврата Анатолия Смольного, тюрьма по нему плачет.

Вот об этом она и сказала Анатолию при первой же встрече, которая произошла в начале сентября.

Пошел седьмой месяц беременности, животы у всех девиц и женщин стали очевидными, Анатолий сначала погулял по садику, ни к кому не подходил, ни с кем не разговаривал. Любовался плодами своей инициативы. За ним шел доктор Перруджини, охранник Харитон и всякая местная мелочь.

По окончании осмотра территории Анатолий выбрал из группы гуляющих и взволнованных

его появлением женщин Раису и спросил ее интимно:

— Вижу, что ты как бы хочешь со мной поговорить.

— Еще как хочу, — сказала Раиса с угрозой. Анатолий увел свою бывшую пассию из садика, уединился с ней в кабинете главврача. Из столовой пахло вкусной пищей, санитарки звенели посудой, накрывали на стол.

— В чем проблемы, Райка? — спросил Анаконда.

— В твоей подлости, Толик, — ответила Раиса.

— Конкретнее можешь?

— А конкретнее — ты зачем мне лапшу на уши вешал, а сам по другим девкам бегал?

Анатолий сидел в кресле, разглядывал носок своего ботинка, блестящий, словно он гулял по Парижу, а не по Веревкину.

— Узнала, значит, — вздохнул он.

— Еще бы не узнать! Но ты отвечай, отвечай!

— А то что?

— А то я тебя на весь мир разоблачу!

— И как же ты разоблачишь?

— Тут же еду в Тулу, в газету, а может быть, в Москву — «Совершенно секретно» знаешь. Они таких, как ты, сразу в саунах разоблачают.

— Попробуй, — сказал Анатолий, не двигаясь с места.

— И попробую.

Раиса встала, вышла из кабинета. В пустом коридоре стоял Харитон.

— И далеко собралась? — спросил он.

И так спросил, что Раиса, битая жизнью и чувившая опасность за версту, сразу же возвратилась к Анатолию и с порога спросила:

— Но зачем ты это сделал? Тебе что, на улицах молодых телок мало?

— Узнаешь, — Оказал он усталым голосом. — Ты не представляешь, каких денег это мне стоит... каких денег...

Он встал и ушел.

А Раиса осталась оплеванной. Она же думала, что он станет ругаться, объясняться, оправдываться. А он выслушал и ушел.

Ну зачем, скажите, зачем нужен целый детский сад разных дочек от разных баб и даже моло-деньких девчат? Ведь Раиса подсчитала за последующие дни, что всего в спецотделении роддома на сохранении этих самых «неведомых зверушек» состоялось девятнадцать «доноров» — так будущих матерей называл с приятным акцентом доктор Перруджини.

В декабре Раиса родила. Родила, находясь в состоянии постоянного ужаса, как и некоторые другие пациентки. Она ждала, что из нее появится чудовище. Доктор Перруджини переубедить ее не смог.

Рожала она под наркозом, по современной технологии.

Когда наркоз уже давали, вошел Анатолий. Он был в голубом халате, как все в операцион-

ной, глаза печальные, тревожные — несмотря на ужас своего положения, Раиса успела ему почувствовать.

Сквозь наркоз она слышала слова акушеров и даже в бессознательном состоянии ожидала услышать что-то страшное. Но ничего страшного не услышала.

Потом очнулась на койке в палате.

Там же лежала еще одна роженица, оказывается, она прибыла в палату за двадцать минут, а может, за полчаса до Раисы. Это была Галочка, из лесбиянок. Она уже получила своего ребеночка — девочку привезли на каталочке, она была раскрыта, голенькая, розовенькая, и Галочка просто зашлась от восторга и все спрашивала медсестру:

— Но до нее ни один мужской ген не касался?
Ну дайте мне слово!

— Не касался, не касался...

— А как мой... подруга? Аля?

— Твоя подруга на подходе, — сказала медсестра.

— Я так за нее переживаю! Больше чем за себя, — сказала Галочка.

— А мне привезут? — спросила Раиса.

Ей уже не было так страшно. За окном сыпал пушистый снег, синело, в палате горел уютный свет, в коридоре слышались мирные голоса, где-то заплакал ребеночек, Гая чуть подвинулась, и медсестра положила младенца рядом с ней на постельку и сказала:

— А теперь, мамаша, будем учиться кормить дите.

— А где мой ребенок? — спросила Раиса.

— Везут, — ответила медсестра, — скоро будет.

И в самом деле через несколько минут дверь в палату открылась и привезли ребеночка Раисы.

Ребеночек сразу заплакал, но потом смирился с существованием на белом свете и оказался никаким не уродцем и не зверенышем — это была очаровательная девочка.

Вечером, совсем поздно, когда последняя из девушек разродилась девочкой, Анатолий разложил на столе в кабинете главврача веер только что сделанных фотографий.

Все девятнадцать девочек оказались совершенно одинаковыми.

Подозревая Анатолия в дьявольских планах и опасаясь страшного подвоха, Раиса не нашла самого простого и логичного объяснения: Анатолий хотел подстраховаться. Он не желал поручить задачу выведения идеальной женщины одной Раиске с ее сомнительными привычками и продвинутым возрастом.

Когда доктор Перруджини получил исходный генетический материал, а в Веревкине была готова научная и практическая база для эксперимента, Анатолий разными способами — от подкупа до увещеваний — привлек к делу еще восемнадцать одиноких женщин и девушек, и в них, так

же как и в Раису, внедрили клеточки... такие маленькие клеточки.

И одновременно в организмах матерей-дононров началось развитие одинаковых зародышей, которые постепенно превращались в одинаковых человечков. И вот, почти одновременно, девятнадцать матерей разродились. И на свет появились девятнадцать маленьких Раис.

...Доктор Перруджини вошел в кабинет. Он устал, он работал круглые сутки.

— Я поздравляю вас, синьор Смольний, с успехом нашего эксперимента. Если все сделать как надо — Нобелевская премия есть!

— А вот ты, синьор-помидор, — ответил Анатолий-Анаконда, — получи в кассе что тебе причитается и премиальные из расчета трех процентов оклада и собирай чемоданчик.

— Как так? Как так? — удивился доктор. — Это же труд моей жизни!

— За мои баксы сделаешь еще один труд.

— Но масштаб! Где я найду такой масштаб, блин поганий! — Доктор многому научился в России.

— Поезжай в Китай, — посоветовал Анатолий.

Он раскладывал фотографии на столе и любовался фантастическим сходством девчушек.

Наутро он продал еще два супермакета и заложил замок в Швейцарии. Ему были нужны наличные. Над его будущими женами и их мамами должно быть постоянное наблюдение.

Харитон, который за последние годы многое узнал о шефе, спросил, заглянув в кабинет:

— Перруджини отпускаем?

— Конечно, отпускаем, — сказал Анатолий. — И с благодарностью.

В то же время он показал большим пальцем вниз.

Харигон кивнул и пошел на улицу организовывать автомобильную катастрофу на пути к тульскому аэродрому.

Анатолий, что бывало нечасто, заговорил сам с собой:

— Хорошо раньше было — один сорт колбасы на всю область, и все в очереди стоят. А теперь что — двадцать сортов и все без гороха. Которая из них моя? Ну скажи, зеркальце?

Фотографии молчали.

Анатолий уронил голову на руки и заснул так вот, сидя за столом.

Он спал четыре часа, чуть улыбаясь во сне.

Под утро его разбудил Харитон.

— Прости, шеф, — сказал он, — что беспокою. Но случилось несчастье.

— Говори, говори сразу! — воскликнул Анатолий. — Что с моими девочками?

— С девочками все путем, — сказал Харитон. — Только вот твой итальянский доктор приказал долго жить. Его такси выехало на встречную полосу — и лоб в лоб с «КамАЗом»!

— Надо же такое невезение, — вздохнул Анатолий. — А я думал, что он еще не раз побывает в нашем городе.

* * *

С этого момента моего рассказа в него вторгается фантастический элемент, которого, как понимаете, я старался избегать. Но если осеменение девятнадцати женщин в Веревкине имело место в наши дни, то все последующее повествование, каким бы кратким оно ни было, переносится в будущее, которого еще не случилось, и из реалистического становится лишь допустимым.

Так что читатель волен поверить мне, а может, если пожелает, закончить чтение повести на этом месте и возвратиться к своим делам. Додумав финал по собственному разумению.

На самом же деле в первые пять или шесть лет, как ни странно, ничего не произошло. Анатолий контролировал эксперимент ненавязчиво, осторожно, ничем не показывая себя. И если с кем и встречался, то с Раисой, которая жила пристойно, почти не пила, в челночные рейсы не ездила, хотя ее родители этого ремесла не оставили. Теперь она уже поверила Анатолию и клонированию, тем более что в начале XXI века оно, несмотря на противоречивое к нему отношение, уже получило в мире широкое распространение. Появились различные клонированные животные, но главное, что оно дало возможность производить органы для трансплантации, которые наверняка приживались, потому что принадлежали именно самому больному. Но это стало возможно после того, как весь мир охватила сеть отлично организованных мафиозных структур, а медики научи-

лись настолько энергично стимулировать рост клонированных младенцев, что они достигали нужного возраста в течение нескольких месяцев.

Пока что в Веревкине всякое клонирование познавали с телевизора. И никто не подозревал, что девятнадцать клонированных девочек растут по разным домам. Нет, Раиса подозревала.

А остальные не видели.

Как так? Разве это возможно? Неужели, если на улице Ленина растет пятилетняя девочка, а ее абсолютная близняшка обитает в Демократическом переулке, кому-то придет в голову догадаться об их удивительном сходстве? Так они одеты по-разному, причесаны иначе, одна недокормлена, а другая перекормлена, — не может же Анатолий собрать всех своих будущих невест в общежитие и кормить одинаково? А ему и не нужно. Он же будет выбирать. Подойдет время — будет выбирать. Лучшую из лучших. Раису из Раис.

Раиса не спеша ходила по городу, проверяла своих товарок, выслеживала их и уже в 2002 году догадалась, что Анатолий обманул всех остальных донорш. Не нужны они ему были. И дети их не нужны — ему нужна только Раиса.

И тогда Раисе пришла в голову страшная мысль: не из любви к ней Анатолий все это замыслил. А наоборот. Он будет торговать девочками. Он будет сдавать их в иностранные публичные дома. Самых красивых, самых дорогих.

Когда она пришла к этому выводу, то озверела настолько, что кинулась в Москву, выследила

Анатолия и даже смогла прорваться к нему, когда он выходил под охраной из своего банка. Охранники приготовились отшвырнуть ее с пути президента, но главный, Харитон, узнал Райку. Не чужой ведь.

И Анатолию пришлось перекинуться с Раисой несколькими словами.

— Я знаю тебя, блин, — прошипела Раиса, еще более раздавшаяся и неопрятная. Даже глаз не починила, хотя средства ей на это были выделены. — Ты будешь моей девочкой торговать. И всеми будешь торговать. А я тебя убью.

Никто, кроме Харитона, не понял смысла этих слов. Только охранники крепче сжали в карманах свои пистолеты.

Анатолий, от которого ожидали, что он придушил на ходу эту халду, повел себя неожиданно. Он остановился и сказал тихим, разумным голосом:

— Знаешь, я ведь так и решил. Одну оставлю себе. Ну максимум двух. Остальных сдам. Хорошим людям на воспитание.

— И я тебя убью.

— Чужих сдам, твою не трону, — сказал Анатолий. — Тебя куда подвезти?

Толстая женщина повернулась и пошла прочь. Она шаталась, как пьяная, и утирала слезы тыльной стороной ладони. Потом напилась и приехала домой последней электричкой.

В 2009 году кое-кто стал замечать, что в Веревкине рождаются девочки-красотки. Пятерых взяли в студию художественной гимнастики. Тренер-

шис показалась удачной эта шутка природы. А когда она выводила команду, публика сначала замирала, а потом разражалась аплодисментами.

А девочки тоже тянулись друг к дружке, как будто чувствовали, что они родные.

Раиса переживала. Хотела даже переехать в другой город.

Но тут заявился Анатолий.

Дом приемов у реки уже снесли, там построили шестиэтажный ангар для личных самолетов и вертолетов. Адик Турецкий уехал в Турцию, он думал, что его там примут как родного. Его там вообще не приняли, он и сгинул. Анатолий остановился в отеле «Рай земной». Отель принадлежал ему и назван был так сами понимаете почему.

Он опустился на крышу отеля в своем вертолете.

Затем вызвал соглядатаев. Они же были осенены в городе — как без них?

Ему доложили о каждой девочке. На каждую было видеодосье.

Анатолий взял бутыль виски и уселся смотреть. Он сильно раздался, деньги его уже не интересовали. Женщины тоже. Но он надеялся, что вот-вот подрастет его суженая и тогда свершится новая молодость.

Он был поражен тем, какие одинаковые и в то же время какие разные получились его будущие жены.

Он просматривал пленку, откладывал направо тех, кто нравился больше, налево тех, кто понра-

вился меньше. Но не был уверен в своем выборе. А когда потом проверил по фамилиям и адресам девочек, оказалось, что отложил в брак дочку Раисы. Ему стало страшно и стыдно.

Он уже принял решение. Он дает невестам рости самостоятельно еще три года, до возраста пятнадцать лет.

Потом отбирает двух. Основного космонавта и дублера.

И увозит их из Веревкина.

В особое место на Адриатическом море. Там он купил для этой цели небольшой остров.

Раисе он, конечно, об этом не сказал.

Уехал он удовлетворенным. Три года — не большой срок, это можно потерпеть.

В размеренную жизнь вторгаются случайности. В событиях 2012 года Анатолий оказался среди жертв. Сначала он бежал на Украину, но украинцы на границе выставили кордоны и передавали беглецов нашим пограничникам. У Анатолия не было документов. Всех, кто без документов, тогда, как вы будете знать, расстреливали. Они отсиживались в кустах — сзади враги и спереди смерть. Анатолий застрелил Харитона, взял его документы и выкинул оружие.

Чего обо всем этом рассказывать — сами узнаете.

Возвратился на родину Анатолий в сентябре 2014 года. И поехал в Веревкин, там доживали свой век его мама.

Мама узнала сына, стала ругать, что неправильно устроил свою жизнь. Она все забывала, но трудилась в огороде.

В первый же день, к вечеру, Анатолий пошел к дому Раисы. Раисы не было. В доме жили чужие люди, Анатолий не посмел их допрашивать.

У него была записная книжечка, в ней адреса всех его невест. Они уже созрели и ждали его. Анатолий закопал во дворе маминого дома жестянку с золотыми монетами царского чекана и бимешками. Жестянка лежала на месте, он мог не бояться помереть с голоду. При любой власти нужны деньги.

Вечером, совсем поздно, Анатолий пошел по улице, где жили со своими дочками подружки Аля и Галя.

Дом был неосвещен. Он разговорился со стариком, который прогуливал собаку. Анатолия он не испугался, потому что он был совсем седой и хромал. Старик сказал, что девочки убежали из города вместе с командой по художественной гимнастике, но под Тулой попались бандитам. Галя и Аля поехали искать дочек и сгинули.

На следующее утро Анатолий пошел к Верке.

Он позвонил. Открыла его невеста, уже соревнаявшая, красивая до умопомрачения. В одном халатике.

Анатолий попросил маму.

— Мама на рынке.

Девушке не понравился Анатолий, он ее испугал, но не настолько, чтобы спрятаться в доме.

— Тогда я у вас подожду, — сказал Анатолий. — Я твой дядя.

— Николай! — позвала девушка.

Вышел здоровый молодой парень, в лучшие времена Анатолий взял бы его в телохранители.

— Разберись, — сказала девушка. Она была такой же холодной, как ее истинная мама. Для нее существовал только ее самец и жизненные блага. Но, конечно, самец был важнее.

— Простите, — сказал Анатолий, — я опоздал. Я ухожу.

Девушка встала на цыпочки, прижалась к Николаю, стала кусать его ухо и ласкаться к нему.

— Пошел, пошел, — велел парень.

«Я еще вернусь, — подумал Анатолий. — Еще не все потеряно».

К обеду он отыскал еще одну свою невесту. Она работала официанткой.

Анатолий уселся за стол в кафе, в меню которого были капуста с сосисками и чай. Заказал пиво. Пиво нашлось. Он стал спрашивать девушку, кто ее мама. Тоже назвал себя дальним родственником, который знал маму в детстве.

Девушка даже не старалась быть вежливой.

— Погодите, — сказал Анатолий. — Вы не имеете права меня игнорировать. Я вам докажу...

Он нервничал.

Официантка позвала повара.

Повар был непростым поваром, а местным бандитом. У Анатолия был на таких наметан глаз. Девушка была его любовницей. Впрочем, с такой иначе нельзя.

Повар выбросил Анатолия из кафе. Хорошо, что не побил.

Анатолий пошел к Виктории, бывшей подруге Раиски. Виктория долго не могла узнать Анатолия, так он изменился и поизносился.

— Ты к ней не лезь, — сказала Виктория. — Она живет у Марининого хахаля. Они круто живут.

— Кто такая Марина? — спросил Анатолий и уже догадался — его невеста.

Он не выдержал.

— Не для них я все это сделал!

Виктория не поняла. Но адрес дала.

Они в самом деле жили в солидном доме, Анатолий не решился звонить. Он долго ждал на той стороне улицы, пока не показалась Раиса.

Грузная старуха, с палкой, в другой руке тащила сумку с овощами. Страшная как смертный грех.

Анатолий окликнул ее.

Раиса сразу его узнала.

— Не смог приехать, как хотел? Где твой боевой конь, господин маршал?

— Это временно, — сказал Анатолий, — то есть я нарочно, чтобы не узнали. Провожу инспекцию.

— И лучше ничего не придумал?

— Мне не надо придумывать.

— А я рада, что ты приполз ко мне, как прибитый пес, — сказала Раиса. — Я тебя боялась, ой как боялась. А теперь можно не бояться. И ты больше не будешь мне сниться, как с охраной приезжаешь и увозишь мою девочку.

— Я приеду.

— Нет, — сказала Раиса. — И уходи отсюда, и то увидят тебя — я не буду защищать или врать. Я хочу, чтобы тебя убили.

— Но я подарил тебе дочь!

— Ты отнял у меня все остальное.

Анатолий пожал плечами. Своей вины перед Раисой он не видел.

— Как она... Марина? — спросил он.

— Пока верна своему Эдику. Только пока. Они далеко пойдет. Она шлюха почище меня, но моих ошибок не допустит.

— А ты?

— Мне и на кухне хорошо. Жизнь ведь недобрая штука.

— Я хочу посмотреть на Марину.

— Я тебя предупредила.

Марина вышла из-за угла. Они и не заметили.

— Вот ты какой, Анатолий, — сказала она.

Мать мне про тебя все рассказала.

— Как ты могла! — возмутился Анатолий.

— Я от тебя защищалась.

— Так я тебя предупреждаю, работоговец, — сказала Марина, звук голоса которой казался Анатолию звоном флейты, — чтобы ты близко ко мне не подходил. И к моим, так сказать, сестренкам, сколько их осталось, — не приближался. Мы вместе соберемся и яйца тебе отрежем!

— Я думаю, что это уже не актуально, — сказала Раиса.

Они пошли к дому, от дома Марина обернулась и сказала:

— Кыш отсюда. Линяй.

Анатолий отыскал еще двух невест. До одной
он смог добраться — она уехала отдыхать со сво-
им хахалем. А последнюю отыскал.

Случайно.

Она шла по улице, в платье на просвет — вся
фигура видна. Он побежал за ней, тяжело дыша.

Его невеста остановилась и ждала его.

И неясно, может, она уже поговорила с Ма-
риной, а может быть, бредовая теория о том, что
клоны могут унаследовать память своей матери-
донора, что-то значит... Не знаю. Не скажу. Я
описываю только то, что будет.

Она остановилась и ждала его.

А когда он подошел и неуверенно поздоро-
вился, шаря глазами вокруг — не появится ли
молодой битюг, она вдруг сказала:

— Толик, утри нос, в соплях запутаешься.

Давным-давно Анатолий слышал эти слова. Из
жаписных книжек Ильфа и Петрова.

— Прости, — сказал Анатолий, — я хотел толь-
ко напомнить, что я пошел на это ради высокого
чувства любви.

— И больше не возникай, старикашка воню-
чий.

— А если бы я вернулся... если бы я весь ваш
городишко купил, с потрохами?

— Купи. Тогда посмотрим.

— Я это сделаю.

— Никогда не сделаешь. Но если бы и сделал,
они равно бы ты никого из нас не купил. Мы все,

весь клон, — потаскухи, давалки, изменщицы, ради мужика готовые на все... но покупают нас не деньгами. С самого начала надо было понимать.

— А чем? — спросил Анатолий.

Девушка засмеялась.

— Погоди. — Анатолий полез в карман, вытащил горсточку алмазов в газетке. — Вот возьми, это стоит больше вашего города Веревкина.

Но девушка уже уходила прочь, а догнать ее Анатолий не мог, одышка.

Он хотел утопиться, но не решился, потом пошел на станцию, чтобы броситься под поезд, но поезда долго не было.

Его забрали омоновцы. Избили. И он умер в камере, под утро.

Там его нашла Раиса, которая чуяла недоброе.

Она взяла у зятя денег. Его похоронили в Веревкине. На похороны привезли его мать, но она так и не сообразила, кого хоронят.

Девушки, а их в городе осталось шесть или семь, на похороны не пришли, да и не пустили бы их — не такое время, чтобы красивые девушки разгуливали по городу без охраны.

КИЛЛЕР

Мне нравится это слово. В нем есть лаконичная окончательность приговора. Оно куда точнее расплывчатого «убийцы» или хлюпающего «палача». Не важно, что оно иностранное. В нашем языке заимствованы все современные слова. И чем оно хуже слова «спонсор»?

Это я объяснил заказчику, когда он спросил, как меня называть.

Заказчик внутренне суетился и старался этого не показывать. Многие заказчики суетятся. Они переносят мою функцию по отношению к жертве на себя и воображают, что я не дождусь момента, когда выполню заказ и примусь за самого заказчика. Наверное, чтобы похоронить объединяющую нас тайну.

А я не убил еще ни одного клиента. Правда, если закажут и заплатят, то могу и убить. Но эти два действия между собой не связаны.

— Называйте меня киллером, — сказал я. — Меня это устраивает. Это хорошее, красивое слово.

— Конечно-конечно... красивое. — Он улыбнулся одними губами, а глазенки были испуганными.

— Перейдем к делу, — предложил я. — Что у нас за работа?

Я старался говорить нейтрально, вежливо, как санитар «Скорой помощи».

— Честно говоря, я сейчас не готов...

— Я приехал к вам не для того, чтобы вас убеждать или разубеждать. Заплатите мне за бензин и потраченное впустую время.

Он сразу замолчал. Не ожидал, что я так легко откажусь от счастья сотрудничать с интеллигентным человеком.

У него были пухлые щечки в красных жилках и мешочки под глазами. Он был скопищем тайных пороков и, наверное, примерным семьянином.

Прошла минута, прежде чем он заговорил снова. Конечно же, он не собирался отказываться от своего намерения. Просто было нелегко изложить его вслух.

Я решил помочь ему:

— Представьте, что я — специалист по болезням простаты. Как бы я ни щадил ваши чувства, наступит момент, когда я попрошу вас снять штаны.

— У вас странное чувство юмора.

— Это не чувство юмора, а чувство сарказма.

Редкое явление.

— Вы говорите как образованный человек, — сообщил он, стараясь оттянуть роковой момент. Штаны спускать не хотелось.

— Вы тоже. — Я не принял комплимента.

Следующая пауза оказалась долгой, но я не стал его торопить, потому что рисковал потерять клиента. А мне были нужны честно заработанные деньги.

Наконец он глубоко вздохнул. Рыжие глазки потускнели. Сейчас он все-таки пойдет к доске.

— Я писатель, — сказал он.

Я кивнул. Разумеется, всем известно, что он писатель. Знаменитый автор фантастических произведений. Второй или третий в своей области в пределах нашей державы.

— Я положил жизнь, чтобы нести людям радость знания. — Он обнажил слишком белые вставные зубы, изображая эту радость.

— Вы хотите убить свою жену? — спросил я.

— Как вы смеете! — Он искренне возмутился. — Марина мне не только жена, она друг. Мать моих детей, наконец!

У писателя был официально один ребенок, дочь-подросток с сексуальными проблемами. Но, возможно, он оплодотворил кого-то на стороне.

— Следующая жена тоже может стать другом и матерью детей. Но она будет моложе на двадцать лет и хороша, как Мэрилин Монро.

— Вы кого имеете в виду? — угрожающе произнес он.

— Не знаю. А вы?

Мы снова помолчали. Разговор обещал стать занудным. Но я решил больше не подсказывать.

— Я весь в трудах, — произнес заказчик.

Я молчал. Пускай сам выпутывается.

— Я создал новое направление в литературе.

Многие пробовали, подумал я. Где они? Где пыль их, развеянная временем?

— Однако вы должны понять. — Он вскочил со стула и ринулся к книжным полкам, к той секции стеллажа, что была уставлена его произведениями, о чем было нетрудно догадаться, так как кни-

ги стояли порциями — по десятку в каждой, отчего число их многократно возрастало и казалось, что их набирается целый шкаф. — Вы должны понять, что специфика нашего труда заключается в том, что фантастика оперирует ограниченным числом сюжетных ходов, а главное — тем. Вы следите за ходом моих мыслей?

Этот человек был о себе высокого мнения.

— Если мне удается найти оригинальную тему, то я знаю, что она навсегда будет связана в сознании читателей с моим именем. Так вот, я большой художник, мои произведения переводились на ряд иностранных языков, включая языки народов бывшего Советского Союза.

Он цитировал аннотацию к своему двухтомнику. Дело в том, что, собираясь на встречу с заказчиком, я этот двухтомник просмотрел в библиотеке. Но покупать не стал — зачем загромождать квартиру чепухой? Он никогда не станет моим любимым писателем.

— Вы верите в мистику? — неожиданно спросил заказчик.

— В мистику?

— Во взаимовлияние судеб, в колдовство, в предначертания?

— Черт его знает, — признался я. — Черных кошек не люблю.

— Ах, как наивно! И это в конце двадцатого века, когда весь мир опутан паутиной ведовства и экстрасенсорики.

Господи, он еще и «чайник»! Придется отказываться от работы. А жаль.

— Я не буду говорить об очевидном, — продолжал заказчик. Щечки его побагровели, и мешочки под глазами набрякли от нахлынувшей крови. — Я перейду прямо к делу!

Он согрелся настолько, что теперь поведать мне о своих проблемах стало делом нетрудным.

— К сожалению, у меня есть злой гений, — сказал он. — Мы связаны с ним нерасторжимо знаком Зодиака. — Он — мое отрицательное начало, мой злобный и неотвратимый двойник. Вы меня понимаете?

Я промолчал. Я его не понимал, но должен был понимать, иначе грош цена такому киллеру.

— Он находится под влиянием Трансплутона, тогда как я существую под господством мирного и полезного людям Меркурия. Но что это дает Адамецу?

— Что это дает Адамецу? — заинтересовался я.

— Существовать на полгода раньше меня!

— О таком я еще не слышал.

— Мне тоже раньше не приходилось слышать, и я не мог догадаться о причине моих бед и провалов до тех пор, пока по крайней мере три экстрапсихолога не открыли мне глаза на катастрофическую суть явления.

— В чем же беда?

— Он перекрыл мне воздух как творцу.

— Понятнее, если можно.

— Представьте себе — во мне созрел сюжет, оригинальный ход, воплощение которого принесет мне славу и благосостояние. А знаете ли вы, что в прошлом году я помог одному детскому дому? Знаете ли вы, что я послал в библиотеку

города Кадуя шестнадцать томов моих книг? Ага, не знаете!

— Я тронут, — признался я.

— Это чувство сарказма? Так оно сейчас совершенно лишнее.

— Нет, это попытка разобраться в том, разговариваю ли я с нормальным заказчиком, или «чайником», — честно признался я. — В последнем случае я буду вынужден вас покинуть.

Все это было бы комично, если бы не было отвратительно. Мне лишь однажды пришлось иметь дело с заказчиком, которому я симпатизировал, — это был старик, инвалид, у него изнасиловали и убили дочь. А суд, купленный родственниками насильников, отпустил их на свободу. Конечно, я не смог помочь девочке — утешений в смерти не бывает. Даже в чужой смерти. Но я им отомстил.

А этому заказчику я помочь не хотел, хотя знал, что честно выполняю соглашение.

— Значит, мы хотим, чтобы вы стали монополистом в гениальности, — сказал я.

— Вы неправы, — ответил заказчик. — Я хочу, чтобы в нашей литературе было много хороших и разных талантов. Каждому найдется свое местечко на Олимпе. Но я не потерплю интеллектуального грабежа. Он не имеет права писать мои романы за месяц до меня! Он не имеет права лезть мне в голову своими немытыми пальцами!

Ну, он совсем разошелся.

— Где у вас вода? — спросил я.

— Что? Вода? Какая вода?

— Чтобы вам выпить стакан воды и успокоиться.

— А, да, конечно, надо выпить. Сейчас я открою. У меня всегда стоит вода фирмы «Эвиан». Это французская вода. В ней оптимальное содержание минералов.

Он достал из-под стола бутылку минералки, налил себе, обо мне, конечно, забыл. Все же я был у него в прислугах. Машинистка-надомница.

— И вам не жалко, что мы убьем вашего коллегу, писателя, который сейчас трудится в поте лица своего...

— Все его романы напишу я сам! — заявил заезжий. — Клянусь вам, это мои романы, мои! Это мои идеи! Украденные им. И я прошу вашего сочувствия. Неужели зло не должно быть наказано?

— Но наказание не соответствует степени вины.

— А вот в этом вы неправы. Представьте себе — мои книги читают десятки тысяч людей. Но они обращаются к писаниям этого проклятого Адамеца и видят в его персонажах моих героев. Что они делают?

— Ждут, когда выйдет ваша книга.

— Ничего подобного! Они ищут меня, мой стиль в чужих книгах, в суррогате этого колдуна. Кстати, я вас умоляю, будьте осторожны! Он же экстрасенс. Если он вас узнает, то ликвидирует. И примется за меня. Он ужасен в своей мести.

— Я с ним еще не встречался.

— А я его видел. Он приехал в прошлом году в Петербург и заключил договор с сомнительными издательствами. Представляете, теперь эти издательства будут торговать моими романами.

Заказчик отряхнулся, как мокрый пес, и ему пришлось сделать усилие, прежде чем он вспомнил, о чём шла речь.

— Ах, да... Существует негодяй, вор, человек, который намерен лишить меня заслуженной славы, моей работы... Вы думаете, что я преувеличиваю? Ничего подобного! Я вам приведу пример. Секунду...

Он метнулся к письменному столу, вытащил ящик и извлек оттуда пожелтевшую рукопись, страниц на сто, не меньше. Затем сунул ее обратно в ящик, словно в печку, оставив в руках последнюю страницу.

Он поднес ее к моему носу и строго спросил:

— Что здесь написано? Какой год?

Внизу стояли слова: «Переделкино, Москва, 1986».

— Держите. — Он сунул мне листок, а сам побежал к стеллажу, на котором неаккуратно теснились книжки. Он выволок из ряда довольно толстый том. Видно, не впервые доставал его оттуда.

Распахнул его в начале.

На титульном листе я прочел: «Записки сгоревшего астронавта».

— Видите?

— Вижу.

— Вы не туда смотрите. Год, какой год?

Внизу страницы было написано: «1991. Москва».

— Вы представляете? Через пятнадцать лет после меня! Но он напечатал.

— А почему вы не напечатали?

— Вы представляете, какое это было время?

Меня бы вытолкали из страны! А может, и посадили. Это было слишком смело. Я шел впереди

моего времени. Я вам могу дать свою рукопись и этот опус Адамеца. И вы убедитесь, что все, что он написал, — наглый, открытый plagiat!

— А теперь, когда он напечатал? Почему вы опоздали?

— Вот именно! Я опоздал. Я колебался. Я вел переговоры. А он влез ко мне и украл.

— Но как он это сделал? Вы разве не запираете ящик стола?

— При чем тут ящик стола! Он крадет прямо из моего мозга. Он — вор мыслей, идей, замыслов... Я думал, что время для публикации моего смелого, я скажу вам — всемирного хита! — не подошло. Я вел переговоры с издательством. И вдруг вижу в магазине... И знаете, меня что-то в сердце укололо. Я почувствовал...

— И это основание, чтобы его убить?

— Вы пришли сюда учить меня морали?

— Смешно, — сказал я. — Мне приходилось убивать людей из-за денег, из-за любви и измени, но чаще всего из-за денег. Убить из тщеславия... А впрочем, был уже пример в истории. Некий Сальери убил Моцарта. Правда, без помощи киллера. Есть ли разница? Нет разницы.

— Сравнение никуда не годится, — ответил заказчик. — Я начинаю сомневаться в вашей компетентности.

— У меня хорошие рекомендации и нет недостатка в клиентах. Так что вы вольны отказаться, я без работы не останусь.

Я блефовал. У меня было плохо с работой. Надо было платить за операцию мамы.

— Мне показалось, что вы осуждаете меня, — добавил заказчик.

— Я осуждаю убийство в принципе.

— Зачем же убиваете?

— Я хорошо умею это делать. И за это платят больше, чем за проектирование общественных уборных.

— Вы должны спешить, — сказал он. — Мне сообщили, что он сдал в издательство рукопись... ту самую, да, ту самую, в которую я вложил душу.

Так писатели не говорят, подумал я. Но, впрочем, им положено говорить образно.

— И как вы представляете мою работу?

— Мне сказали, — он понизил голос до шепота, — что вы можете отправляться в прошлое. Это так?

— Именно так.

— Тогда мне нужно, чтобы Адамец не написал последнего романа. Хватит! Это мой роман!

— Когда он начал писать его?

— В этом году. В марте или феврале. Эта сволочь работает очень быстро. Как только он заберется в мое сознание и украдет оттуда сюжет, он бросается к компьютеру — и готово! Вы не представляете, насколько он эффективен.

— Вас неправильно информировали, — сказал я.

Я подошел к вазе с пионами. Они уже распустились — белые и розовые. Они пахли ненавязчиво и нежно.

— Мне подарили поклонницы, — сообщил заказчик. Лучше бы он помолчал. Никогда мне еще не приходилось так ненавидеть заказчика.

Может быть, мне его потом убить просто для очистки воздуха на планете?

— В чем дело? — Он встревожился.

— Я не могу совершать ликвидации ближе чем за пять лет в прошлом. Если я отправлюсь ближе к нашим дням, то нарушу сетку событий. Природе надо дать возможность успокоиться, застить дыру, образованную исчезновением человека.

Он утвердительно кивнул, словно что-то понимал.

— Если я уберу его лет шесть назад? — спросил я.

Заказчик непроизвольно хлопнул в ладоши. Он был счастлив.

— Значит, эта сволочь не успеет опубликовать ни одного крупного произведения, как хорошо!

— Тогда расскажите мне, что он делал шесть лет назад.

Я не рассчитывал, что он вспомнит о действиях врага, но, к моему удивлению, он хорошо выучил урок.

— Как же! Шесть лет назад он получил премию на Парконе в Словакии. Представляете, он пользуется моим сюжетом, пишет свою первую повесть, ее переводят на шесть или семь языков, и в Словакии выдают премию за лучшую переводную вещь! Тогда я заметил его. Тогда я только удивился. И стал за ним наблюдать.

— Напишите мне все, что вам известно о его поездке в Словакию.

— Замечательно! Я совершенно с вами согласен. Гениально. Вы уберете его за рубежом, и

никто не свяжет его смерть со мною. Смерть Сальери.

— Вы хотите сказать, что Моцарт убил Сальери? — удивился я.

— Вот именно!

— Но Сальери пережил Моцарта лет на тридцать.

— Ах, не важно, в конце концов убийца — вы. И я согласен считать вас Сальери. Вам приятно, да? — Он залился ленинским смехом — заразительным и чуть более пронзительным, чем бывает у людей.

Я сел за стол, взял лист бумаги и принялся записывать все, что мог узнать у заказчика. Мне предстояло еще посетить издательство, в котором печатали Адамеца, заглянуть к нему домой и, может, даже попытаться с ним встретиться. В этом нет парадокса. Шесть лет назад я буду ничем, будущим воспоминанием. А мне лучше не ошибиться.

Я получил у заказчика деньги. Как и я ожидал, он торговался, уверяя, что две трети... половину, треть заплатит по выполнении задания.

Чепуха, отвечал я. После выполнения задания вы и знать меня не будете. Это случается. Ведь ваш Адамец погибнет шесть лет назад. Бывает так, хоть и не всегда, что память о собственном участии в преступлении начисто испаряется из головы. А если не испарится, то вы достаточно сообразительны, чтобы при виде меня пожать плечами и сказать, что вы и в жизни не намеревались никого убивать. Шесть лет назад? Зачем? Нет уж, я беру деньги вперед. Жалоб на меня еще не было.

Деньги у него были заготовлены, но он так просто от меня не отделался. Я еще вытащил из него стоимость билета и гостиницы в Словакии.

Фантастику я читал, кое-что знал о ней, но, оказывается, и не представлял, что существует всемирная сеть любителей фантастики, именуемая фэнами. Эти фэны гнездятся в Саратове и в Петербурге, на Миссисипи. Они умудрялись проникать сквозь железный занавес, а уж в наши времена неустанно шастают с кона на кон (не путать с карточными играми: коны — это сокращенно от конгресса). Где соберется двадцать фэнов, уже получается кон.

Кон, на который я был намерен попасть шесть лет назад, на заре чешского и словацкого раскола, должен был состояться в небольшом словацком городе со странным тройным названием Спишка Нова Вес. Спишка — это область в восточной Словакии, в горах, по ту сторону которых начинается Закарпатская Украина, Нова — это новая, а вес — это деревня. Теперь ясно?

Три часа я летел из Москвы до Братиславы, затем прождал еще два часа на районного размера вокзале, что скромно именуется на местном языке главной станицей. Фронтон его украшает орел на манер имперского, фашистского, только подойдя ближе, понимаешь, что это вовсе не орел, а символ железной дороги — крылья на колесе.

Затем длинный сидячий поезд потащил нас к горам и тащил пять часов подряд. Я никогда не думал, что Словакия такая большая.

Пять часов поезд умудрялся везти нас по плоской равнине, отороченной окружными, мохнатыми

от лесов горами. В этой стране все давно и окончательно установилось: речки наполнили долины своими наносами, и долины стали плоскими, как столы. Люди привыкли жить на этих плоских, но узких долинах, а поезда — ездить по долинам между деревнями. Словакия — страна маленьких уютных городков, уместившихся между лесистых горных склонов. Даже столица страны — относительно большой город Братислава — так же разбежался по долинам и долинкам между гор. Лесные склоны поднимаются прямо из города, и потому с неба Братислава похожа на осьминога — ее щупальца протискиваются между холмов и гор.

Красота Словакии однообразна, но тем не менее это красота. Все горы невысоки, и на вершину можно подняться, держась за стволы сосен. Лишь один раз далеко слева поднимаются Высокие Татры — природный замок, на крутых склонах которого лежит снег. Но кулак Высоких Татр исчезает за очередным холмом, а вместо него оказывается у платформы Жилины или Попрата. Деловитые туристы с высокими, как колонны, рюкзаками — вовсе не похожими на округлые мешки моей юности, — перекликаясь, занимают места, освобожденные точно такими же путешественниками. Потом в поезде появляются говорливые цыгане, которые не просят ручку, чтобы погадать, и заняты своими проблемами. Едут дорожные и путейские рабочие — они меняются часто, соскакивая на полустанках.

Один из стандартных «станиц» оказывается вокзалом города Спишски Новы Вес. Это длинное од-

ноэтажное здание с ленивыми полицейскими перед ним. Ближе к поезду стоит бравый молодой начальник станции, который показывает поезду зеленый кружок и тут же прячет его под мышку.

Я взял такси на небольшой площади, где было всего два киоска, что говорило о том, что город недалеко ушел по пути капитализма, и меня отвезли в гостиницу «Превезе», которую заказал туристический агент из Москвы, полагавший, что я — индивидуальный турист, а не киллер. И я его не разубеждал.

Гостиница находилась на окраине городка, у шумной речки, со своим парком, бассейном и рестораном с верандой, на которой вокруг белых круглых столиков стояли белые стулья с дачными витыми спинками. Все было железным, солидным, тяжелым — не утащишь.

Мой номер был длинным, раскаленным от послеполуденного солнца. Я разделся, забрался в душ. Я провел большую часть пути в коридоре у открытого окна, и хоть пыли в Словакии немногого, сколько-то ко мне пристало.

Я позвонил по телефону, который достал для меня заказчик, и сообщил усталому голосу, который никак не мог взять в толк, почему с ним говорят по-русски, что я приехал из Москвы, но заботиться обо мне не надо, так как я уже сам о себе позаботился.

Голос по имени Мио меня понял и успокоился. Он сказал, что основная часть фэнов кучкуется на курорте в горах, но завтра они соберутся в театре. Оказалось, что в таком махоньком городке есть театр, — это было трогательно.

Я не стал задавать вопросов об Адамеце, чтобы не привлекать к нему и к себе излишнего внимания.

Я хотел пойти погулять по городу, мне представилось, как я сижу на открытой площадке под тентом, потягиваю чудесное бочковое пиво. Немного жал левый ботинок; улица перешла по мостику через быструю речку, по которой по колено в воде брел цыган в камуфляже с удочкой. Вечернее солнце пронзalo лучами воду, и ясно было, что там нет ни одной рыбки. И все же я постоял на мостице, облокотившись о перила, ожидая чуда.

Через весь городок тянулась бесконечная широкая игрушечная улица, середину которой занимал бульвар, где и стояли в ряд оперный театр, собор и здание ратуши. Замыкал этот бульвар непреклонного вида советский освободитель из бронзы. Здесь освободителей не трогают — у власти стоят левые силы.

Мои надежды на открытые кафе не сбылись — все двери были заперты, из единственной открытой ресторации доносилось хоровое пение, нестройное настолько, насколько оно может быть в Туле. Оттуда же вырывались клубы табачного дыма. Я предпочел пойти в гостиницу.

Спал я плохо — под окном была стоянка гостиничных машин. Постояльцы — автотуристы — приезжали часов до трех, громко хлопали дверцами и еще громче обсуждали, что взять с собой из чемоданов. Эту деятельность они возобновили с пяти утра.

Встал я в семь, невыспавшийся и злой. Принялся собирать свою пушку. Я провожу оружие

обычно в максимально разобранном состоянии: ствол — авторучка, смотрите не испачкайтесь пастой, курок — в зажигалке, и так далее. Еще ни разу не попался.

Первым делом я спустился вниз, чтобы узнать, не здесь ли остановился некий Сергей Адамец из Львова — украинец.

Девушка была крайне любезна, хотя далеко не сразу сообразила, что мне от нее нужно.

Было прохладно, в открытую дверь доносились из ресторана уютные звуки завтрака.

— Пан Адамец, — сказала наконец девушка. — в ресторации.

Я прошел в зал. Угадать Адамеца мне ничего не стоило. Кроме него, в зале сидела группа англичан, немецкая или австрийская пара средних лет, толстяк с косой, собранной сзади ремешком, с двумя телохранителями, и молодой человек, который мне не понравился.

Я сел неподалеку через столик, сбоку, чтобы разглядеть жертву и принять решение.

Убить его сейчас может оказаться сложным делом. Надо заманить его к себе в номер или нанести ему визит. А ведь в любой момент за ним могут прийти. Несмотря на молодость, Адамец был почетным гостем кона, а я — простым фэном.

Так что я пока разглядывал его.

Итак, Адамец мне не понравился.

Для меня это важно. Хуже нет, если тебе понравится жертва. Жертву нужно презирать, ненавидеть, желать ей смерти и стремиться к тому, чтобы избавить от нее человечество.

У Адамеца были длинные черные жирные волосы, которые неопрятно падали на усыпанные перхотью плечи твидового пиджака. Какого черта он таскает этот пиджак в тридцать градусов жары? Лицо у Адамеца было желтоватое, с темными кругами под глазами — такие люди, на мой взгляд, страдают от желудочных болезней. Руки у него были оливковыми — то ли это был естественный цвет, то ли он давно их не мыл. Большой палец левой руки был перевязан грязным, обмурхоренным по краям бинтом.

Это писатель? Ничего подобного! Такой не только написать не сумеет, но и украсть вряд ли сможет.

Надо поговорить с ним. Я хочу быть объективным. Особенно если речь идет об убийстве. Мне не хотелось бы убить невинного человека.

Хотя plagiat — вряд ли основание для смертного приговора. Пожалуй, ни один кодекс в мире не имеет такой статьи.

Я вышел на ослепительное солнце. К счастью, ветерок еще не утих — он скатывался с поросших елями мягких гор. Я подождал Адамеца в тени старого каштана. Плоды были еще мелкими, светло-зелеными, рядом цвела акация — лето поздно разгулялось.

Адамец вышел из гостиницы минут через десять. Он волочил ноги в нечищенных ботинках.

— Лучше бы вы надели сандалии, — сказал я.

Он почему-то не ожидал русских слов, удивился и даже испугался.

— Вы кто? — спросил он.

— Немного ваш коллега, — сказал я, — немного ваш поклонник. Я принадлежу к славному племени фэнов. Хотя не профессионал.

— Ага. — Адамец потерял ко мне интерес. Он пошел к речке. Я догнал его.

— А вы кого хотели увидеть? — спросил я.

— Издателя, — ответил Адамец. — В крайнем случае редактора журнала. Я не люблю фэнов. Фэны, как правило, люди никчемущные, не нашедшие места в жизни и достойной работы. Вот и ползают с кона на кон. Лето — ваше сладкое время, как у бродячих собак. Тепло и помойки открыты.

— Скорее я — турист. Но люблю фантастику. Появилась возможность побывать в Словакии, заодно поглядеть на братьев по увлечению, я ею воспользовался.

— Вы в самом деле любите фантастику?

— А почему бы мне ее не любить?

Пока дул ветерок, я не ощущал запаха, но в узком переулке, который вел к псевдоготическому собору, мне в ноздри ударил запах его давно не мытого тела. Обязательно надо будет спросить, какого черта он не моется. Но не сейчас. Перед тем как я его убью. В конце концов, такой грязный человек не имеет права жить на свете и портить экологию. Кстати, вы не заметили, в какой момент название науки превратилось в синоним природы?

— Странно, — сказал Адамец. — Я никогда не читаю фантастику. Если кто-то пишет лучше меня, таких немного, но пока еще есть — например, Стругацкие или Филип Дик, — я расстраиваюсь

от того, что они коптят небо. А к остальным испытываю презрение.

— А вам не приходило в голову избавиться от Стругацких?

— Как?

— Убить их. Нанять киллера и убить.

Только не подумайте, что я навязывался на работу к жертве. Мне было интересно, как тикает этот грязнуля.

— Вы псих какой-то, — искренне ответил Адамец. — Зачем убивать, они не Моцарты, а я не Сальери. У фантастов проще, чем у композиторов. Требования ниже.

Он расхохотался, показывая желтые зубы. Нет, он мне не нравился. Но убивать его мне не хотелось.

— Я не знаю, что вы написали, — сказал я.

— Для широкой публики я ещеterra инкогнита. Но специалисты меня знают, — сказал Адамец. — Недаром пригласили. И знаете — за их счет. У меня бы и денег не нашлось на самолет. А они бесплатно пригласили.

Он искренне радовался.

— Это ваш первый успех? — спросил я.

— Вы что, мою фамилию не слышали?

— А как ваша фамилия?

— Учтите, — ответил Адамец, — в гостинице все звуки распространяются, как в банке с огурцами. Вы сегодня за завтраком спросили у Ливии, живу ли я в гостинице. Если бы я был подозрителен, то убежал бы от вас.

Я совершил непростительную ошибку. Попался как мальчишка.

— Простите, — я изобразил смущение, — мне сказали, что вы здесь будете.

Сейчас он спросит, почему я спрашивал... Но что-то его остановило. Иначе мне бы пришлось принимать меры здесь, а это почти невозможно.

— Допускаю, — сказал он, — что вам попался иссенний «Искатель», там моя повесть...

Он сделал паузу, давая мне возможность проинспиести название, но я, естественно, промолчал.

Когда пауза стала невыносимой, он с сожалением произнес:

— «Второй рассвет».

— Правильно, — согласился я.

Мы пошли дальше примиренные.

— Ее выдвигали на «Странника», но там своя мафия, — вздохнул Адамец. — Лучше бы не выдвигали.

— А у вас с собой этой повести нет?

Мы повернули направо, к собору, густая тень от каштанов прикрывала скамейки, на них сидели старички и дремали совсем по-московски.

— Вы что, читать ее будете?

— С удовольствием.

— Чепуха какая-то... у меня случайно с собой есть номер «Искателя». В самом деле случайно. Возьмете? Только до завтра.

— Мне хватит времени.

Если вы решили стать киллером, то предупреждаю — в нашем ремесле нет ничего вреднее, как знакомство с объектом. Из коровы, которую требуется зарезать, он превращается в человека. И в сердце киллера поселяется жалость. Впро-

чем, я не знаю, чтобы кто-нибудь из нас отказался от работы. Работа — это святое.

Мы перешли открытое раскаленное место, ветер уже стих, у разноцветных пастельных домиков торговали цветами.

— Вы знаете, что одна сторона бульвара называется Зимней улицей, а другая, вот эта, — Летней, — сказал я.

— Не может быть!

— Честное слово! — Я понял, что он еще совсем молод, ему, наверное, и тридцати нет.

Перед боковым входом в оперу, там, где золотыми буквами выложено «ресторация», висела матерчатая вывеска «Паркон-92», около нее в тени расположились фэнзы, которых мой спутник не выносил. Большей частью они были вполне похожи на людей, которые отличаются от прочих обывателей тем, что имеют определенную цель в жизни — ведь любовь к фантастике — это цель.

Адамеца встретили как знакомого. Некоторые заготовили журнал с его повестью. Оказывается, ее уже успели перевести на чешский и издать в Праге. А мой заказчик сейчас сидит за письменным столом и не знает, куда приткнуть такую же повесть, только что завершенную рукой мастера.

Никто не спросил, как меня зовут и каким образом я сюда проник. Так что даже не пришлось лгать. Я старался не приближаться к Адамецу, чтобы в памяти участников Паркона я никак с ним не был связан. Кроме меня, здесь оказались два или три украинца, больше компатриотов я не обнаружил и не искал.

В перерыве между скучными и непонятными, так как произносились по-чешски, речами о достижениях фантастики я взял высокий бокал пива «Жаждущий монах» и присел к столику, где в одиночестве томился Адамец.

— Как вы относитесь к Заказчику? — спросил я. Имени его я не упоминаю, не знаю уж почему. Но раз не назвал его с самого начала, сохранию тайну.

— Он был мастером, — сказал Адамец. — Я на его штуках учился. Мне даже кажется порой, что мы с ним похожи. И в то же время я его не люблю. Знаете, у меня бывает ощущение, что он мне мешает. Я хочу что-то сделать, а он кричит из-за угла: стой, это мое! Какого черта он лезет со своими вышедшими из моды идеями? Впрочем, я, наверное, ему завидую. Перед ним все двери открыты, в любом издательстве, а я куда не приду — у нас нет свободных мест, люкс занят Булгаковым, а номер с одинарной кроватью — вашим другом.

Ничего, хотел сказать я, через шесть лет все переменится. Уже заказчик будет безумствовать. Но сказать этого я не мог — ведь я здесь для того, чтобы этого не случилось.

Он вернулся в зал, а я пошел гулять. На Летней улице стояло несколько киосков с цветами — сколько же жителей должно быть здесь, сколько юбилеев, чтобы разобрать это количество роз и хризантем! Мне нравился этнический тип словаков — у них, как правило, птичье лицо. Нос невелик, как у коршуна или сокола, но с горбинкой и часто высокой переносицей. Нос для очков. Народ они здоровый — еще бы, вокруг, куда ни

глянь, лесистые отроги гор, хрустальный воздух и хрустальная вода. И это в самом центре Европы!

Я подстерег Адамеца на веранде — как чувствовал, что он придет сюда теплым вечером.

— Я так и думал, что вас здесь застану, — сказал он. — Странно, но меня к вам тянет. Вы не раздумали еще прочесть мою повесть?

— Нет, что вы, присаживайтесь.

— Тогда можете зайти ко мне. У меня здесь с собой публикация в «Искателе» и продолжение. Я задумал роман из трех частей. Первую часть уже опубликовал, вторая здесь в рукописи, я ее как раз привожу в порядок, а третью задумал.

Официант с птичьим хищным носом, что дисгармонировало с широким мягким лицом и почти белыми волосами, принес нам по кружке «Монаха». На волейбольной площадке под верандой гулко ударяли по мячу, и женский голос разочарованно вскрикивал при неудачах. Ровно шумела горная речка.

Я сидел, чуть отодвинувшись от стола, мой собеседник вспотел, и от него несло потом. Если бы не это, я мог его пожалеть. Мне хотелось позвонить домой и узнать, как дела у мамы — ее операция дорого стоила и смерть молодого фантика должна была оплатить еще несколько лет ее жизни. Моя мама — достойная женщина.

Он говорил мне, что станет знаменитым писателем и тогда Заказчик будет вынужден признать это. Где-то Заказчик уже успел обидеть Адамеца. Я видел, что они роковым образом связаны и один должен уступить дорогу. Это случится — с моей помощью или без нее, но обязательно случится.

Я был лишь орудием судьбы.

Ах, как приятно уговорить себя!

— Что любопытно, — сказал Адамец, громко отхлебывая пиво. (В пиве он не разбирался — просто сму было жарко и пиво было приятнее лимонада.) — У него был рассказ, очень близкий по сюжету. Мне он попался, как раз когда я заканчивал повесть. Мне стало странно — почему наши головы работают так схоже. Но я знал, что смог увидеть все лучше и глубже его. Вот прочтете и все поймете.

— Но я не читал его книги.

— Не тратьте времени. Это все пустое. Он — пригородок для велосипеда, а я уже гора. И пускай они называют меня постмодернистом. Они просто не знают слова для настоящего таланта и не могут признать, насколько я их выше. Ну, вы пойдете ко мне за рукописью?

В номере он вдруг усомнился, давать ли мне рукопись. Первую часть, в журнале, отдал легко, а рукопись...

Потом сказал:

— Прочтете журнал, если захочется, попросите. Добро?

Мерзавец! Он мне не доверял.

— К сожалению, — сказал я, — мне придется вас убить.

— Зачем? — спросил он. Он еще не успел испугаться.

— Меня попросили.

— Чепуха! Так не бывает.

И я выстрелил ему в живот. Я не хотел, чтобы он боялся, мучился, переживал. Выстрелил — и дело с концом.

В комнате жужжала, летала кругами стрекоза. Стрекозам пора спать, а эта летала. Пистолет мой был практически беззвучным.

Он сел на пол и запрокинул голову.

Я подождал, пока он исчезнет.

Затем я взял журнал, вынул из его чемодана рукопись. Чемодан был желтым, потертым.

Я не торопился уходить. Я ждал, пока все закончится.

Сейчас его тело несетя, прошибая перегородки между слоями, разделяющими параллельные миры. Разумеется, в переносном значении — его телу надо отыскать тот мир, в котором существует точно такой же Сергей Адамец, приехавший в точно такой же городок Спишска Нова Вес. Он соединится с ним и не заметит того, что в теле будут жить две души, две одинаковые души в одном теле. У нас же, в нашем мире, на одного фантаста стало меньше...

Вы уже готовы упрекать меня за то, что я обманываю заказчиков, не убиваю их жертвы, а попросту переселяю их в иную реальность.

Если вы все еще недовольны мной, то объясните мне разницу между полным и окончательным исчезновением человека и его смертью — исчезновением его души при условии, что бренная оболочка где-то валяется. А что, если я утоплю его в озере? Так что его не найдут много лет? Или закопаю — надежно и глубоко? Разве тогда бренная оболочка не исчезнет? Ну то-то.

Я не говорю о гуманизме. Честно говоря, я убил Адамеца. Он хотел существовать именно в

моем мире, может, даже полюбил девушку, может, подружился с издателем. Я ведь не уверен, что в том мире, куда он попал, есть все то же самое, точно то же самое. Вернее всего, он не сообразит, что же случилось на самом деле. В лучшем случае сочтет все странным сном.

Я быстро просмотрел его вещи. Ничего, что могло бы связать нас. И ни слова о Заказчике.

Потом я взял с собой все, принадлежавшее Адамецу. Даже зубную щетку.

Когда завтра придут, окажется, что молодой немытый писатель уехал, ничего не сказав. А так как его номер оплачен, никто не спохватится. Никто не спохватится и на Парконе, так как писатель уже выступал сегодня и волен уехать куда вздумается. В Москве у Сергея тоже нет родных. Был человек — и не стало человека.

Я взял его сумку и перешел через коридор, к себе.

Мой поезд уходил в половине седьмого утра. Я позвонил дежурной, попросил разбудить меня и заказал такси.

Итак, я убил еще одного человека. Теперь изучу то, что он оставил после себя на нашей Земле.

Я лег в кровать и стал читать повесть в «Искусстве». Это была великолепная повесть. Я не очень люблю фантастику, скажем, я равнодушен к ней. Но это была чудесная, легкая, совершенно не похожая на автора вещь.

Я дочитал журнал в два часа ночи и заснул под гипнозом его таланта.

Утром, в поезде, я принялся за вторую часть — рукопись.

Я закончил читать у самой Братиславы, через пять часов.

Погода катастрофически испортилась. Уже от Жилины начался дождь. Высокие Татры скрылись в облаках. Облака неслись над замком в Тренчине, порой скрывая его башни. В купе было пусто, последний попутчик сошел в Тренчине.

Содержимое сумки Адамеца я завернул в словацкую газету и уже на вокзале в Братиславе выкинул сверток в бак для мусора. Пустой желтый чемодан я избрал своим багажом — в него уложил свою сумку. Выкидывать в Братиславе я его не хотел, чтобы не вызвать излишних подозрений. А вдруг он попадется на глаза кому-то из делегатов конга — случайности бывают невероятные.

Желтый чемодан я выбросил в лесу возле Шереметьева, в гигантскую кучу мусора.

Три часа, пока мы летели до Москвы, и еще полчаса в автобусе я думал лишь о повести. Мне было важно узнать, что будет в третьей части. Пожалуй, мне еще в жизни не приходилось попадать в такое странное положение — я зависел от литературного текста, как наркоман от понюшки кокаина.

Я утешал себя тем, что содержание я узнаю от Заказчика. Ведь у него наверняка эта рукопись уже лежит перепечатанная в столе. Не зря же я убил соперника!

Я заехал домой. Квартира была пуста. Мамы и не должно было быть дома — она в больнице, ждет операции.

Я позвонил Заказчику. Никто не подошел.

Я позвонил в больницу. Больная Иванова Мария Семеновна в списках больных не значилась. Я поехал в больницу. По дороге я все время перебирал варианты завершения повести. Я был болен ею.

Мамы в больнице и в самом деле не оказалось. Но ничего страшного. Оказывается, я ошибся. Она была не в 41-й, а в 42-й больнице. Зачем-то я неправильно записал адрес и номер больницы.

Дождь, начавшийся еще в Братиславе, так и не прекращался. Было холодно. Я поехал к Заказчику. Меня грызло любопытство. По законам моего ремесла мне нечего было у него делать. Если все прошло благополучно, он не знает никакого Адамеца.

Но я-то уверен во всеобщем действии закона Компенсации. Если сегодня субъект испытывает влияние другого человека, а я его уничтожу или, вернее, уберу шесть лет назад, то природа в своем могуществе компенсирует свою потерю и заместит Сергея Адамеца кем-то еще.

Я знал об этом, но меня интересовало лишь, чем кончится повесть.

Я долго звонил у двери Заказчика.

Потом появилась какая-то тетка с собакой, которая там жила. Она сказала, что шесть лет назад Заказчик пропал без вести — ушел из дома и не вернулся. Об этом же в газетах писали!

Раньше такого прокола со мной не случалось. Значит, они опять вместе!

Лишь я остался, один. И никогда не узнаю, чем же закончилась эта чертова повесть!

Я вышел на улицу, сел под дождем на скамейку у подъезда, закурил и вдруг улыбнулся, представив себе, как Заказчик, пользуясь запретными путями и способами, ищет в том мире убийцу, чтобы избавиться от своего вечного спутника Сергея Адамеца.

А здесь их кто-то заменит. Или уже заменил. Мне надо лишь найти этого человека и спросить, чем же все же это кончится.

КОТЕЛ

Раньше в Веревкине не было тяжелой промышленности. Если не считать механических мастерских № 1, которые располагались в кирпичном сарае, где до революции находилась паровая кузница Иннокентьева.

В 1976 году в процессе индустриализации Тульской области мастерские получили статус 'завода' и значительные ассигнования на расширение и модернизацию производства. На эти ассигнования рядом с бывшим сараем вознесся четырехэтажный корпус завоудоуправления, а также был разбит газон под настурции.

С первых лет существования завод был убыточным. Заказы раздбывали по всей области, направляли гонцов даже в Калмыкию. А с началом перестройки кризис принял драматические формы.

Завод пошел на решительные меры. Сократили одного сторожа и уборщицу. Это не спасло положения. Зарплату платить было нечем.

Восьмого февраля прошлого года в кабинет директора завода Николая Пантелеимоновича вошел юркий, шустрый, небольшого росточка человек с зеленоватым лицом, в черном новеньком, но мятом костюме, надвинутой на уши черной шляпе и в сапогах на высоких каблуках.

Человек уселся на стул у директорского стола, шляпу не снял и сразу взял быка за рога:

— Заказ нужен? Оплату гарантирую.

— Попрошу без шуток, — отозвался склонный к полноте и вялый в движениях Николай Пантелеймонович. Он шуток не понимал и потому их не любил, подозревая окружающих в желании пошутить.

— Я никогда не шучу, — заверил директора шустрый посетитель. Его пальцы неприятно бегали по столешнице, словно два больших паука готовились прыгнуть на директора.

— Что вам нужно? — спросил директор, стараясь не глядеть на руки посетителя.

— Котел. Нашей фирме нужен большой котел.

— Что за фирму вы представляете? — спросил директор.

Ах, как ему не нравился гость!

Шустрый поставил на стол папку, которая до того лежала у него на коленях, вытащил из нее плоский оранжевый пакет. А из него извлек пачку документов, скрепленных иностранной заколкой.

Директор принял листать документы, ничего подозрительного в них не видел и в то же время им не доверял.

Он перевел взгляд на посетителя. Нет, не русский и даже не еврей. Вернее всего, приехал с Северного Кавказа. Это тем более опасно.

— Не беспокойтесь, — откликнулся на мысли директора шустрый. — Мы мужики вологодские, народ смиренный, на Кавказе даже в отпуске не были.

Директор отодвинул пачечку документов.

— Профиль не наш, — произнес он. — Не одолеем.

— Почему? — В глазах шустрой сверкнули красные огоньки.

— С материалом плохо, — сказал Николай Пантелеймонович. — Текучка кадров... Да и заказов много. Нет, не одолеть.

А сам думал: выгнать бы его из кабинета... Но на каком основании? Ведет себя вежливо, пришел по делу.

— Врешь, Коля. — Посетитель заговорил нагло, как старый, но плохой знакомец. — Нет у тебя, Коля, никаких заказов. А наш заказ тебя спасет. Иначе из чего ты намерен зарплату выдавать? Из своего кармана?

— На одном вашем котле завод не поднять, — ответил директор.

— Пойми ты, балда, — возразил шустрой, наклоняясь к директору. От него пахло паленым. — Пойми, садовая голова, что наш котел — это только начало сотрудничества. Если все получится нормально, гарантирую тебе заказ в триста котлов. Триста.

Директор поежился. Он чувствовал, что пришелец не врет, и это было почему-то страшно.

Выгнать бы его, но экономическая ситуация не позволяет.

Директор посмотрел на документы. Бланки фирменные, буквы выпуклые. Везде написано: «Трест А.Д. Учреждение с ограниченной ответственностью». Адрес не указан, только номер факса и электронной почты.

— Как расшифровать А.Д.? — спросил Николай Пантелеймонович.

Шустрый ухмыльнулся. Улыбка была отвратительная, неискренняя, нож в спину, а не улыбка.

— Много будешь знать, к нам угодишь, — произнес он.

И тут директор, конечно, сообразил, по какому ведомству проходит этот шутник. А как понял, так и успокоился. Всегда лучше иметь дело с серьезными партнерами.

— Надо подумать, — сказал директор с облегчением.

А мысленно добавил: «Товарищ следователь».

— Думай, — сказал шустрый. — А пока будешь думать, мы твой заказ в Алексин передадим. У нас это быстро делается. Мы фирма с репутацией, нам каждый угодить хочет.

— В Алексин, — фыркнул директор. — Им и кружку не склепать.

— Заставим, — сказал шустрый. — Думай до завтра. Проверяй.

Он повернулся и пошел прочь из кабинета, не попрощавшись. Низ его пиджака вздрогнул и оттопырился. Будто у шустрой там был хвост, которым он нетерпеливо помахивал.

Директор набрал областной номер и стал проверять: что за «А.Д.», где базируется, как у них там с финансами. И так далее.

Узнал он немного, но ничего предосудительного. Документы в порядке, счет в банке есть, и солидный, а то, что фирма засекречена, это с фирмами бывает.

В общем, куда бы директор ни звонил, ему советовали: решай сам. Дали тебе самостоятельность — вытаскивай предприятие из прорыва.

Соглашаться было опасно. Опыта изготовления больших котлов у завода нет. Но положение критическое. А тем временем слухи о заказе распространялись по заводу. Заводоуправление выстроилось шпалерами по директорскому коридору. Рабочие стояли у ворот безмолвного цеха.

Директор никому ничего не сказал. Прошел сквозь строй и сел в машину.

Ночью директору приснилось два сна.

В первом явилась покойная мама.

— Коля, голубчик, — говорила она, склоняясь к директору, как к маленькому. — Не соглашайся. Лучше с протянутой рукой на паперти сидеть, чем служить врагу рода человеческого. Сам черт приходил к тебе! Откажи!

Потом в сонном воображении директора возник его дядя Савелий, известный в свое время мерзавец и доносчик.

— Колюня! — кричал он. — Не соглашайся. Нам хуже будет!

— Кому вам? — спросил директор.

Дядя был страшно исхудавший, со следами побоев и ожогов на лице.

— Подумай, и ты тут будешь, со мной рядом! В одном строю.

Потом возникла ухмыляющаяся зеленая рожа шустрого заказчика.

— Представление закончено, — сказала рожа. — Ты не имеешь права ставить личные интересы выше общественных.

На этом директор проснулся — голова трещит, словно вообще не спал.

— Ты чего такой? — спросила жена.

- Отстань.
- Мне соседка говорила, что вы большой госзаказ получили?
- Если бы госзаказ!
- Так радуйся!
- А ты в черта веришь, Маша? В черта, в по-тусторонний мир?
- Окстись! Мы ж неверующие!
- А как ты думаешь, моя мама после смерти куда могла попасть?
- Твоя мама была добрым человеком, — сказала Марья Дмитриевна. — Она наверняка в раю.
- А дядя Савелий?
- Этот точно в аду.
- Почему же они оба против заказа?
- У тебя жар?

В объяснения директор углубляться не стал, а поспешил на бурлящий завод.

Когда в десять двадцать в кабинете возник шустрой, все заводоуправление уже подслушивало под дверью.

Директор был один. Ему хотелось задать заказчику вопросы, которые задают только наеди-не. Заказчик это понимал.

Он даже не стал спрашивать — принял директор решение или нет. Он иначе начал беседу.

— Ваша мама, — сказал он, — плохо информирована. Ею манипулируют. Она обитает далеко от нас, реальной обстановки знать не может.

Директор спросил шепотом:

- А дядя?

— Вы же знаете, каким он был мерзавцем, — ответил шустрый и снял шляпу. — Жарко здесь у вас.

Под шляпой были курчавые волосы, как у Пушкина на портретах. Из них торчали небольшие матовые рожки.

Не скрываясь, с раздражением подумал директор. Обнаглел.

Он покосился на дверь. Дверь покачивалась под напором любопытных.

— Документы в порядке, — сказал черт. — У нас опыт.

— А почему тогда мой дядя возражает? — спросил директор.

— Потому что у нас сейчас жуткий дефицит котлов. Все стареет, все выходит из строя. Переополняем котлы до отказа. Все равно одновременно обслуживаем не больше семи-восьми процентов клиентуры. Они же неделями сидят в холодке, ждут очереди. И боятся, что котлов на всех хватит. Так что перспективы перед твоим предприятием сказочные.

Тут дверь рухнула внутрь, и в кабинет ввалилась бухгалтерия, отдел главного технолога, плавники — заинтересованные лица.

Директор кинул испуганный взгляд на черта, но тот уже снова был в шляпе и подмигнул директору — как заговорщик заговорщику.

— Хорошо, что вы пришли, товарищи, — сказал директор. — Рассаживайтесь. Начнем работать в обстановке хозрасчета. Сейчас наш заказ-

чик изложит вкратце требования к продукции. Будем думать вместе.

Думали вместе, смотрели техническую документацию. По проектному заданию первый котел должен был достигать двенадцати метров в диаметре, у них там, на «А.Д.», все котлы стандартные. Но высотой невелик. Полтора метра. Станный котел.

— Для какой цели? — спросил главный технолог.

— Чтобы головы высовывались, — вежливо ответил шустрой.

— Грешников, что ли, варить? — засмеялся шутке технолог.

— Вот именно, — засмеялся в ответ шустрой. — А глубже нельзя, захлебнутся в кипятке.

Директор в ужасе посмотрел на своих сотрудников, но никто не испугался. Некоторые улыбнулись, другие, кто без чувства юмора, ждали, когда можно будет вернуться к деловому разговору.

— А как вы их будете к себе перевозить? — спросил директор. — Двенадцать метров. Сварные.

— Перевезем, — сказал шустрой.

А дальше все говорили по делу.

Главный технолог предложил поставить на котел электронику для регулирования температуры и уровня воды, но заказчик отказался, сказал, что у них все по-старинке, на дровах.

Бухгалтерша подсчитала, сколько выходит в премиальный фонд, и сказала, что недостаточно. Шустрой обещал посоветоваться с начальством. Начальник единственного цеха заявил, что придется вынести станки. Снабженец высказал мысль,

что листовое железо такой толщины в кредит не дадут. И вообще не дадут.

Прошло недели две. Снабженцы раздобыли немного железного проката, станки из цеха вынесли, кузнецы уже гнули металл, сварщики проверяли горелки — все шло как надо. Как-то присахл шустрой, заглянул в цех, начал торопить рабочих, объяснять, какое ответственное задание.

— Слушай, командир, — сказал, перекрывая шум в цехе, могучий мужик Сидорчук. — А это правда бабы говорят, что ты — черт и твоя фирма не А.Д., а просто ад называется?

И в цехе наступила тишина.

Оказывается, все уже об этом думали, с женами советовались, а многие видели вещие сны, но друг с другом не делились.

— Не все ли тебе равно, Сидорчук? — спросил шустрой. — Ты спасаешь родной завод, ты честно трудишься. Не все ли равно, для чего твоя продукция используется?

— Нет, — сказал Сидорчук, — не все равно. Я работаю для гуманных целей.

Все стали шуметь. Даже директор прибежал.

Договорились, что вопрос будет решаться в обстановке гласности на общем собрании трудового коллектива.

Первым вышел перед народом сам заказчик. Он снял шляпу, чтобы все видели его рога, и сказал:

— Чего нам таиться? Мы все свои люди.

— Мы тебе не свои! — крикнули из зала.

— Ты, Печкин, сегодня еще свой, а завтра будешь мой, — ответил шустрой.

Печкин замолчал, больше не перебивал.

— Я должен рассеять недоразумение, — сказал шустрый, обмахиваясь шляпой. — Долгие годы и столетия представители правящей церкви обливали меня и моих сотрудников ушатами клеветы. На нас рисовали карикатуры, нами пугали детей. Нашу благородную миссию представляли в невыгодном свете.

— Ближе к делу! — сказал Сидорчук.

— Куда уж ближе. Кто мы такие?

— Черти, — сказала какая-то женщина.

— Пускай черти, — согласился шустрый. —

Мы продолжаем дело, которое на вашем свете делают правоохранительные органы. Мы санитары человечества. Мы вынуждены веками иметь дело с худшими представителями человеческой цивилизации, наказывая их, перевоспитывая, стараясь перековать их закоренелые души в настоящие, чистые, благородные.

— А что, у вас тоже сроки дают? — спросил Сидорчук.

— А как же иначе? Не вечно же в котле греться?

— А какие?

— Бывают и большие, — сказал шустрый. — Недавно мы в чистилище Пилата передали. Две тысячи лет отбыл. А иногда, — шустрый повысил голос, чтобы перекрыть шум зала, — и полгода хватает.

— Называйте вещи своими именами! — закричал Алик Хренов из ОТК, — вы же применяете жестокие пытки!

— Только за дело. И, кстати, не мы решаем, кого нам передадут на воспитание, а кого сразу в чистилище. Мы получаем контингент сверху. Наше дело работать. А для этого нужны нормальные усло-

вия. Чтобы не сидело в каждом котле по сто человек. Строгость должна быть разумной.

Черт сел, а потом стали выступать другие.

Поднялся Сидорчук. Он многое понял. Он сказал:

— Я сомневался. А теперь мне ясно — мы же не против людей выступаем, а против тех, которые наказаны за дело. То есть помогаем порядку и дисциплине.

Жена Сидорчука аплодировала громче всех. Они планировали купить новый телевизор.

— Подумаем о чести родного завода, — сказал директор. — Сегодня мне звонили, поздравили с тем, что наше предприятие вышло из прорыва. Не для себя стараемся, для народа..

Директор мечтал уехать в область. Подальше от чертей и маминого призрака. Но уезжать можно только с солидного предприятия, иначе на хорошее место не рассчитывай.

Выступила Сенькина. Она уже знала, что в обкоме независимого профсоюза рассматривают вопрос о переходящем вымпеле для завода.

— Я собрала цифры по району, — сказала она. — Среди работников нашего завода резко сократилось пьянство и рукоприкладство. Вчера ко мне обратилась учительница Кучкарева из третьей школы. Просит привести в цех детей на экскурсию. У нее в классе много шалунов и даже хулиганов. Она надеется, что экскурсия поможет укреплению дисциплины. В связи с этим у меня просьба к нашему заказчику. Вы не могли бы присутствовать на экскурсии? Пускай дети убедятся. Без шляпы, конечно.

— А хвост показывать? — ухмыльнулся шустрый.

— Если вы сможете. — Сенькина смущилась, в зале засмеялись. — Если вы сможете, не снимая брюк... Там девочки будут.

— Я босой приду, — сказал шустрый.

— Так что я заканчиваю на оптимистической ноте, товарищи! — закричала Сенькина. — Мы с вами вступили на более высокий морально-трезвый уровень и постараемся его неустанно повышать.

Алик Хренов из ОТК высказал пожелание, чтобы сотрудники «А.Д.» помнили о принципах высокого гуманизма.

Шустрый грубо оборвал его:

— Ты за качеством следи, чтобы швы не текли, гуманист.

В самом конце тетя Шура, уборщица, постаралась внести отрицательную ноту в общее торжество.

— Что же это получается? — сказала она. — Получается, что мы на врага человеческого работаем?

Шустрый поморщился.

— Какой же я враг? Приведите мне конкретные факты моей вражеской деятельности, женщина.

— А ты приведи, приведи! — крикнула жена Сидорчука.

— На пенсию уйду, — сказала тетя Шура. — Чтобы твою мерзкую рожу не видеть.

— До встречи, — ответил шустрый. — А фактов у вас нет.

Несмотря на то что из этого поединка шустрый вроде бы вышел победителем, какая-то неуверенность воцарилась в зале. Так хорошо до

этого было — все друг друга любили, все соглашались. И сомнения были похоронены колективно. А тут тетя Шура с ее старозаветными нормами.

Положение спас начальник планового отдела. Он уже имел беседу с директором, получил твердое обещание, что при расширении административного корпуса ему достанется отдельный кабинет.

— Мы тут взрослые люди, — сказал он. — Может, перестанем друг друга *сказочками* кормить? Что за разговоры: черт, дьявол, враг человеческий. Наука уже твердо доказала — дьявола нет. Ничего этого нет. Так что расходимся по рабочим местам и куем котел.

— А как же рога? — спросила недалекая Лычикова из бухгалтерии.

— *Какие рога?*

— *На ихней голове.*

— Тебе еще рано знать, откуда у мужчин бывают рога, — ответил плановик.

Зал облегченно засмеялся. Всегда найдется простое и реалистическое объяснение странному событию. И многие мужья начали шуструму сочувствовать. Он, правда, крикнул с места, что не женат, но потом махнул рукой и тоже смеялся вместе со всеми.

Потом все разошлись по рабочим местам, а шустрый зашел к директору в кабинет. Они за последние недели сблизились.

— Вы уж простите, — сказал директор, — что так получилось.

— Ничего, я даже доволен. Теперь по крайней мере полная ясность отношений, — сказал шустрый.

рый. — А про рога даже смешное объяснение. Правда?

— Почему у нас так получается! — в сердцах воскликнул директор. — Мы честно трудимся, никому не мешаем. А некоторые люди сеют сомнения.

— В этом беда человечества, — серьезно ответил шустрый.

— Ведь не мы же дрова под котлы подкидываем! — сказал директор.

— Точно замечено, — согласился шустрый.

— Распустились у нас пресса и даже телевидение. Клеймят тружеников не по делу. Рыбы в реке нет — сразу кричат: проектировщики виноваты. А в чем проектировщик виноват? Он ни одной рыбешки в жизни не уничтожил. А то кричат: архитектор виноват — церквушку разрушил

— Туда ей и дорога, — сказал шустрый.

— А он, архитектор, ничего против церквушки не имеет. Не рушил он, не рушил. За что его обливают грязью?

— За что?

— За то, что честно выполнил свой долг. Стране нужна прямая магистраль, он ее и нарисовал.

— Приятный ты человек, Коля, — сказал шустрый. — Диалектически мыслишь. Я рад, что мы с тобой сотрудничаем.

— Спасибо, — потупился директор. И подумал: скорей отсюда, скорей в область. Забыть бы свою поганую рожу.

Когда они вышли из проходной, черт вдруг остановился, словно только сейчас вспомнил о важном.

— Есть у меня предложение, — сказал он. — Хоть мы этого не делаем, но в виде исключения приглашаю тебя на ходовые испытания. Побываешь у нас в А.Д., посмотришь котел в деле, а то еще развалится. Ну как?

Директор вдруг смущился.

— А когда надо ехать?

— Через месяц тебя устроит?

— Через месяц не могу, — с облегчением произнес директор. — Через месяц я буду в туристической поездке. В Румынии. Так что в следующий раз.

— Ну как знаешь, — вздохнул черт. — А то пропуск тебе уже выписан.

Он протянул директору холодную влажную ладошку и стоял, смотрел ему вслед.

Директор миновал газон, подошел к своей машине, протянул руку, чтобы открыть дверцу, но рука до дверцы не добралась, потому что под ногами директора разверзлась пропасть и поглотила его объемистое мягкое тело.

Здесь не время и не место объяснять, как могла появиться пропасть в самом центре города Веревкина. Нет смысла объяснять вам, как бригада Гуськова рыла траншею для телефона, а засыпала ее кое-как, как потом в эту траншею проникли сточные воды с соседнего номерного предприятия, потому что кто-то что-то не так спроектировал, как эта пропасть углублялась за счет карстовых явлений, а кто-то еще, кому положено эту пропасть ликвидировать, уехал отды-

хать на Канарские острова, полагая, что без него ничего провалиться не должно.

...Тело директора Николая Пантелеимоновича унесло подземными водами в непроницаемую темноту глубинных слоев Земли.

Душа директора попала на испытания нового котла, который был уже доставлен в организацию А.Д.

Подавленная, растерянная душа директора, внешне похожая на его тело как две капли воды, стояла в стороне от громадной толпы зевак, наблюдая, как к котлу, украшенному ветками, черти гнали голых изможденных грешников и как этих грешников заставляли хлопать в ладоши и радоваться тому, что их отныне будут кипятить в передовых, прогрессивных условиях.

— Эй, Коляна! — крикнул из толпы грешников обнаженный и исхудавший дядя Савелий.

Директор не откликнулся на приветствие, полагая, что стал жертвой неприятного недоразумения, которое обязательно разъяснится.

Появился шустрый в сопровождении начальника, который некогда, видно, тоже был шустрым, но с возрастом стал больше похож на Николая Пантелеимоновича, и потому директор воспыпал надеждой на то, что начальство начальству глаз не выклюет и быстро найдет взаимопонимание.

Начальство укоризненно сделало выговор директору:

— И сдалась вам, Николай Пантелеимонович, эта туристическая поездка в Румынию! Согласи-

лись бы заглянуть к нам на добровольных началах, не пришлось бы вас перетягивать сюда на вечные времена.

— А кто меня предупредил? — обиделся директор. — Кто мне объяснил ситуацию? Так дела не делаются.

— У нас специфика такая, — вздохнуло начальство.

Оно было при галстуке, а рога выросли тяжелые, ветвистые.

— Специфика у нас одна, — возразил директор. — Забота о человеке.

— Это у вас о человеке, — сказало начальство, — а у нас еще и о его душе. Просекаешь разницу, грешник?

Начальство заметило, как при этих словах побледнел директор, и утешительно похлопало душу Николая Пантелеймоновича по плечу мягкой толстой ладонью.

— Будешь у нас консультантом по продукции твоего завода.

Начальство отошло. Директор хотел бежать за ним и умолять, но в А.Д. так просто за начальством не побегаешь. Ноги у него прикипели к каменному полу, глаза застило слезами.

Когда вода согрелась, но еще не начала кипеть, черти принялись загонять грешников в котел. Когда всех загнали, шустрый, принимавший в том участие, обернулся к директору и весело крикнул:

— Чего не раздеваешься, Коляна? Тебя что, в костюме кипятить?

Сам захочат, и вокруг многие засмеялись. В А.Д. в отличие от нашей Земли чужая беда доставляет людям радость.

— Мне нельзя, — откликнулся директор, стараясь унять дрожь в ногах. — Я же консультант.

— И что же? — удивился шустрой.

— Мне нельзя в котел.

— Можно, можно, — смеялся шустрой, подхватывая директора железным крюком и подтаскивая к котлу.

Директор же, будучи бесплотной душой, толком сопротивляться и не мог.

Он лишь надеялся на то, что котел, изготовленный на его заводе, обязательно развалится.

**ЧУМА
НА ВАШЕ ПОЛЕ!**

Махонький муравей волочит сосновую иголку, для него эта ноша солиднее, чем бревно для участников субботника.

Неизмеримы возможности и достижения.

За подвигом должно стоять страстное желание его совершить.

В 1998 году чемпионом мира по футболу стала сборная Франции, которая разгромила в финале великих и непобедимых бразильцев. За спинами французов маячили Фермопилы. Поэтому поражение, столь очевидное для всего трезвого мира, оказалось немыслимым.

Миллионы русских людей, просадившие свои ворованные или заработанные доллары в нелегальных ставках на Бразилию и оставшиеся в дураках, принялись сетовать на то, что бразильцы куплены, а великого Рональдо отравили французские повара.

В аморальной России, где недорого покупается министр юстиции и любая футбольная команда, умоляют: «Купите нас, мы недорого стоим!», никто не верит, что муравей дотащит до дома неподъемную иголку, потому что в этом его муравьиный долг. Ведь мы знаем, что Ильич только

подставлял плечо, а бревно на субботнике волокли сытые сотрудники Чрезвычайной комиссии.

Однако всеобщая продажность еще не значит, что в России вовсе нет людей, готовых к подвигу. Был бы стимул.

Так случилось в городе Веревкине, где жила Елена Валентиновна Сидорова, преподавательница физкультуры в школе № 2.

Если бы кто-то еще в прошлом году сказал этой скромной миловидной женщине, матери-одиночке, что она своими руками изменит судьбу Земли, она бы первой засмеялась.

Слышали, как Лена смеется? Тихо-тихо, как надтреснутый серебряный колокольчик.

…Но обстоятельства оказались сильнее ее.

Борису, сыну Елены Валентиновны, семнадцать лет. Неизвестно, где он заработал гепатит. Его положили в инфекционную больницу в Туле, и Елена Валентиновна после школы ездила туда на электричке.

Иногда вместе с ней в Тулу ездила Оксана, девочка Бориса, она учится с ним в одном классе. Оксана происходит из бедной семьи армянских беженцев. Беженцы приехали из Чечни.

Чтобы ехать вместе, Елена Валентиновна встречалась с Оксаной у третьего вагона с конца. Между ними не было дружбы и даже теплоты, но Елена Валентиновна отдавала должное Оксане. Ведь в ее возрасте тащиться на электричке в Тулу, привозить скромные дары — Боря сидит на строгой диете, — ждать, пока няничка вынесет записку с крупно написанными несколькими словами, и

снова спешить на вокзал — своего рода подвиг. И наверное, на самом деле Оксана лишь старается казаться грубой, циничной, чуть ли не развратной девушкой.

Два раза Оксана проникала на строго охраняемую территорию. Шепталась о чем-то с охранником и шмыгала в дверцу за его спиной. Она даже предложила Елене Валентиновне присоединиться к ней. Но та, хоть и хотелось посмотреть на Боря, не посмела нарушить порядок и осталась снаружи, сердясь на Оксану, которую не беспокоили морально-этические проблемы.

— Ты ему платишь деньги? — спросила Елена, когда Оксана возвратилась с пластиковым пакетом белья, которое надо постирать, и прочитанными книжками. Все это должно было остьять шнурки и сгореть, но Оксану проблемы вирусов не волновали.

Оксана ответила не сразу. Потом сказала, глядя в пол:

— Я ему услуги оказываю.

Лена подумала, что у Оксаны чудесные волосы, жаль только, что она их так жестоко завивает и подкрашивает безумным оранжевым тоном. Она была стройной, крепкой, ладной, чуть более кругобедрой, чем следует в семнадцать лет. Вскоре она раздобрееет. Но Боря, конечно, об этом не подозревает.

— Какие услуги? — осторожно спросила Елена.

— Не бойтесь, Елена Валентиновна, не сексуальные, — хрипло ответила девица. — Мне этот козел по фигу.

— Я и не думала, — быстро сказала Елена, и получилось, что она будто только об этом и думала. Лучше было бы промолчать.

Когда они возвращались в электричке, Оксана рассказала Елене, что в заразном отделении всегда требуются наркотики. Их приносят с воли. Но далеко не всегда прямо в отделение, можно попасть под шмон, горя не оберешься. Лучше сговориться с ментом, передать ему дозу, а он тебя пустит. Остальное на себе пронесешь. Некоторые заключенные, в смысле больные, тоже выходят. Но это стоит дороже. Ментам подставляться ни к чему. Такое халявное место где еще найдешь?

— И Боря об этом знает? — спросила Елена.

Она искренне расстраивалась, как тяжко складывается жизнь этой девушки, которая вынуждена ради Бориса идти на подлые сделки.

— Еще бы, — ответила Оксана.

Тут бы Елене догадаться, но она тщательно заткнула уши и глаза. Она не допускала мысли о том, что ее чистый, домашний мальчик Боря может оказаться одним из этих...

Лена молчала, глядя в окно электрички, и считала пробегающие за окном дачи.

Оксана тоже не спешила продолжить разговор.

Когда поезд уже подъезжал к Веревкину, Елена все-таки задала проклятый вопрос. Вернее, он сам задался:

— А ты... или Боря, вы эту гадость не пробовали?

— Что вы несете, Елена Валентиновна, — сказала девушка. — Ваш Боря уж полгода на игле.

— Ага, — согласилась Елена. — А ты?

— Он и меня посадил. Я знаете чего боюсь? По-честному? Я боюсь, что я уже бациллоноситель и скоро туда же загремлю. Ведь гепатит по-ловым путем передается. Вы знаете?

— Ты думаешь, что это связано?

— Вы про меня не ответили.

— А что я могу ответить? — сказала Елена и быстро, не попрощавшись, поспешила домой. Убежала.

Она хотела обернуться, но не обернулась, потому что была уверена, что Оксана стоит иглядит ей в спину, как матери наркомана... Мать наркомана.

Елена шла к дому, и в ней по очереди возникали слова Оксаны, которые теперь, на расстоянии, приобретали новый, куда более угрожающий смысл.

«Половым путем передается»... Значит, эта девочка совратила Бориса? Уложила его в постель? И они теперь, как говорится в плохих переводах с американского, «занимаются любовью»? Немыслимо! Какая грязь!

«Боря уж полгода на игле»... Она эти слова тоже слышала. В кино. Это означает, что ее сын наркоман. И вернее всего, эта девица не врет. Она это затянула в эту компанию, она приучила его к наркотикам, она заразила его гепатитом — страшной прилипчивой болезнью...

Надо будет посоветоваться с врачом, раз больше не с кем советоваться.

Елена пришла домой, рухнула на диван, словно весь день таскала кирпичи, и забылась — организм таинственным образом сам находил способ погасить беду. Если не погасить, то хотя бы отсрочить. Даже если уже поздно.

Она проспала до заката.

Врач был под боком. Николай.

Николай — бывший муж Елены и отец ребенка, то есть Бориса.

Работает он не врачом, а сотрудником на станции защиты растений. В свое время, несколько лет назад, у него был выбор оставаться участковым врачом или заняться квазинаучной работой. Он и занялся.

С тех пор поднялся до заведующего станцией, получает гроши, но счастлив.

На станции есть лаборатория, невесть какая, денег на оборудование не дают, но Николай чего-то выбывает, у него хорошие отношения в области. Когда специалисты разбегаются, начинаешь ценить оставшихся. Благо Николай не стар и даже талантлив. У него есть двадцать с лишним статей в центральных журналах.

В принципе он неплохой человек, но слабый и лишенный самолюбия. Он никогда не защищается и не станет богатым или знаменитым.

Елена Валентиновна разочаровалась в муже на третий год после свадьбы, как раз когда родился Боря. Но, конечно, старалась ничем не показать — терпела. А у Николая были романы с

лаборантками и агрономшами в совхозах. Когда Боре было шесть лет, он пришел домой поздно, Елена согрела суп, а Николай, быстро и жадно глотая ложку за ложкой, хвалил суп, а потом признался, что пришел прямо из объятий Верочки, о которой Елена раньше и не слышала. Что он вынужден теперь как честный человек жениться на Верочки, потому что он обещал это сделать в порыве влюбленности.

Елена собрала в чемодан вещи Николая, у него и не было особенных вещей. Одежда, шахматы с потерянным белым конем, выходные ботинки... Николай молчал, потом стал связывать в стопку самые нужные книги и бумаги. Сказал, что за остальными заедет потом.

Он ушел, и Елена стала себя уговаривать, что все случившееся — к лучшему, так как она давно не любит этого человека. Но было горько.

Недели через две Николай позвонил ей на работу, но не посмел прийти домой. Он сказал, что готов вернуться, потому что ошибся. Елена спросила, правда ли, что Верочка отказалась ему. Николай сказал, что жизнь, оказывается, куда более сложная штука, чем представляется ее участникам.

Елена засмеялась, она чувствовала превосходство над мужем и попросила его больше не приходить.

— А как же Боря? — спросил Николай. — Ты лишаешь меня права общаться с сыном? Моя мама этого не переживет.

— Как ты банален! — воскликнула Елена. — Ты когда придешь за остальными книгами и бумагами? А то я замыслила ремонт, давно пора!..

С тех пор прошло десять лет. Они жили рядом. Николай вернулся в квартиру своей мамы. Свекровь приходила посидеть с Борей и помочь, если надо, она была рыхлой, равнодушной, но разговорчивой женщиной. Она обсуждала с Еленой планы, как бы выгодно женить Николая, не понимая, что Елене эти разговоры неприятны. С Николаем они виделись часто, несколько раз на неделе — ведь городок Веревкин невелик, а главная улица, Советская, по которой все ходят, пересекает его, деля пополам.

Два дня после поездки в Тулу Елена провела в таком глубоком упадке сил, в таком нежелании мыслить и двигаться, что даже не подходила к телефону, хотя ей звонили из школы, да и приятельницы беспокоились, не случилось ли чего плохого с Борей.

На третий день Елена пошла к Николаю.

Он был в одиночестве — все разъехались по отпускам, тем более что платить им было нечем. Даже верной лаборантки не осталось.

Николай оторвался от микроскопа. Он был согнутым, но гибким и, если нужно, вытягивался и струнку. Волосы отросли с весны вдвое и делали его похожим на папуасского вождя — хотелось и эту туго заверченную массу волос сунуть гребень и бедренную кость козленка.

Он узнал Елену по легкой, музыкальной, как каштаны, походке и спросил:

— Ты не помнишь, куда я завалил очки? С утра ищу.

— Не лги, мой ангел, — ответила Елена. — Они у тебя в верхнем кармане.

— Садись, — сказал Николай. — Чую все равно нет.

Елена могла бы ответить достойно, но придумывать остроумный ответ не хотелось.

— Борис попал в больницу, — сказала она.

— Знаю. Мама говорила, — признался Николай. — Я обязательно к нему съезжу. Только вот с деньгами полный зарез. Ему нужны фрукты?

— Ты хоть знаешь, чем он болен? — спросила Елена.

— Да, кстати... — Тут Николай смутился. Запустил пальцы в волосы и стал искать в них козлиную кость. Неловко отцу быть столь нелюбопытным.

— У Бори гепатит, — сообщила Елена голосом прокурора. — Но не в этом дело.

И рассказала о наркомании.

Николай елозил на стуле, словно ждал обвинений: «Как ты мог так игнорировать собственного ребенка, как ты мог упустить его?» Но Елена вдруг заплакала, что ей было не свойственно. Николай впервые увидел, что бывшая жена плачет. Он подумал, какая красивая женщина Елена. Она склонила голову, а волосы у нее темно-медного цвета и даже на шее веснушки. И почему

она так коротко стрижется? Разве физкультурнице положено носить мальчиковую прическу? Все годы, пока они жили вместе, Николай мечтал о том, чтобы у Лены отросли пышные медные волосы, чтобы можно было гладить их и нюхать. Может, поэтому Николай, обретя одиночество, отпустил такую гриву.

Николай преодолел острое желание обнять Елену и утешить ее поцелуями, потому что понимал — сейчас она все это поймет неверно и решит, что он совсем уж бессердечный сексуальный маньяк.

— Наркомания и гепатит тесно связаны, — сказал он. — Мне приходилось об этом читать.

— Где?

— В газете, где же еще?

— И что же ты предлагаешь?

— А разве я должен что-то предлагать?

— Не могу же я одна с этим справиться.

— Возможно, это не очень серьезно — попробовал и все. С подростками это бывает. Если хочешь, я с ним серьезно поговорю.

Николаю еще ни разу не удавалось серьезно поговорить с Борисом. Борис не считал его настоящим родителем, имеющим право наказывать.

— Узнай, пожалуйста, какие есть от этого лекарства, — попросила Елена. — У тебя же есть связи среди медиков. Наверняка появились новые средства. Может быть, импортные.

— А ты уверена, что Боренька? — спросил Николай вместо того, чтобы ответить на вопрос.

- Чем ты можешь помочь? — спросила Елена.
- За немытым окном лаборатории торчали покосившиеся после урагана тополя.
- Я сам с ним поговорю, — сказал Николай.
- Тебя не пустят. Это инфекционное отделение.
- У меня в области каждый второй врач знакомый.
- Тогда достань лекарства.
- Но их же нет, — разумно сказал Николай. — Наркомания лечится усердием близких, силой воли больного, разумным медицинским уходом, а в медикаментозные средства я, прости, Алена, не верю.
- Коля, у тебя же хорошая голова. Придумай что-нибудь.
- Хорошо, хорошо, завтра я еду в Тулу.

Елена ждала на скамейке в больничном саду. Ехали они раздельно. Николай в Туле ночевал — он остановился у своего институтского друга, чтобы уже с вечера обзванивать знакомых. Елена приехала ранней, набитой народом электричкой.

Николай сразу прошел внутрь, а о Елене не подумал. Она и не обижалась, но страшно хотела хотя бы поглядеть на Борю.

Два парня подозрительного вида стояли за кустами, у анатомички. К ним подошел милиционер. Елена ненавидела их. Она знала, что дозы, которые переходят к охранникам, предназначены и ее мальчику.

Раньше она никогда бы не посмела, да и не позволила себе вмешаться. Но сейчас она защищала сына.

Она поднялась со скамейки и пошла к троице.

При виде приближающейся женщины собеседники прервали разговор. Обернулись к Елене. Как оборачивается стадо гиен, когда посторонний прерывает пир у трупа. Милиционер был туп и гружен, один из курьеров (она называла их для себя по-газетному, курьерами) — просто громила со склоненным подбородком и симметрично склоненным черепом. Третий был куда значительнее, может, даже привлекателен, если бы не рыжие глаза. Злые глаза. Тигриные глаза. А остальное из плохого американского фильма — выпрявка, плечи, обтянутые футболкой, чтобы окружающие бабы могли полюбоваться мышцами, узкие бедра, обтянутые джинсами. Наверное, голубой, подумала Елена.

— Ты чего? — спросил мент.

— У меня там лежит мальчик, — сказала Елена. Она не хотела ничего говорить, даже подходить к ним, разумеется, не хотела. Но все происходило помимо ее желания. Нервы разыгрались.

— Ну и лежит, — сказал мент.

— Он наркоман, — сказала Елена. — И я знаю, что туда приносят наркотики. И если вы с этим связаны, то должны понять, насколько это бесчеловечно.

— И что? — спросил милиционер. — Что?

— Я надеюсь, что вы к этому не причастны. Но если это не так...

— Гражданка, шли бы вы отсюда, — сказал милиционер.

— Психованная, — сказал Скошенный подбородок.

— В конце концов, должна же быть на вас управа, — сказала Елена. — Не может быть, чтобы вас не запретили.

Тигриный глаз чуть сощурился. Был он опасен Но не рычал и кинуться не собирался. Пока.

Елена почувствовала свою беззащитность. Никого близко, будешь кричать — никто не обратит внимания. Теперь многие кричат вслух.

Мент присвистнул и пошел прочь, размахивая дубинкой.

— Что здесь происходит? — Николай окликнул издали, почуяв неладное.

Елена кинула на него взгляд, а когда обернулась вновь к тигроглазому бандиту, тот уже уходил Он шел впереди, спина у него была прямая, как у балетного мальчика, Скошенный подбородок ковылял сзади, он был так широк, что скрывал товарища.

— Что они говорили? — спросил Николай. — Ты зачем к ним подошла? Или они к тебе подошли?

— Ничего, ничего, я уже забыла, — сказала Елена. И в самом деле уже забыла. — Что с Борей, ты его видел?

— Я его видел, — ответил Николай. — Пошли, сядем на скамеечку.

У него была манера давать предметам уменьшительные названия.

— Тебе постричься надо. — Елена не выдержала долгой паузы.

— Не понравился мне Боречка, похудел, понимаешь, — сказал Николай. — Но в целом держится. Ослаб, конечно, но держится.

— Когда его выпустят?

— Пока не сказали.

— Но что о перспективах?

— Подлечат. Сначала подлечат, а потом сдадут тебе. Тогда придется нелегко.

— Ты знаешь, что в отделение проникают наркотики?

— Не может быть!

— Разве твои знакомые врачи не знают?

— Знают, — проговорился Николай.

— Я вот с ними сейчас разговаривала.

— Нет, там был милиционер, я видел.

— Кто-то должен передавать.

Николай дернулся за тугой локон.

— По крайней мере, — сказал он, — будут получше ухаживать. Получше... что бы они мне ни обещали, я понимаю: у них нет возможностей лечить Борю отдельно от других. Ну какие, скажи, у них возможности?

— А что с лекарствами?

— Я спишусь кое с кем. Спишусь. Завтра же.

Они ехали обратно в пустой электричке. К сожалению, верхние, опускающиеся половинки окон

были сломаны, заклинились, и воздух в вагон не попадал, зато его сильно накаляло солнце.

Николай рассказывал о том, как болеет его мамочка. Потом вдруг спросил, положив пальцы на ее кисть, не лучше ли теперь, когда так трудно, когда такая беда с Борей, не лучше ли снова объединиться. Вместе жить лучше. Тем более когда Боря...

- Это шантаж, — сказала Лена.
- Это потому что мне без тебя скучно, — сказал Николай.
- Сначала надо поставить на ноги Бориса.
- А потом поговорим?
- Ты как ребенок, Николай.
- Может быть. Сегодня же займусь маком.
- Почему маком?
- Героин — производное от макового сока. Есть цепочка: мак — опиум — героин. Я плохой химик, но стал неплохим ботаником.
- Конечно, — согласилась Елена, которой хотелось верить в возможности бывшего мужа. — Не исключено, что есть лекарства, просто никто не задумывался.
- Должны быть.
- Как гомеопатия, правда? Ты берешь капельку героина и потом выбиваешь ею болезнь.
- Даже самая маленькая капелька героина работает как наркотик, — возразил Николай. — Боюсь, что твой путь бесперспективен.
- Но еще важнее, — сказала Лена, — найти какие-то зарубежные лекарства.

— Я постараюсь.

Лене стало легче. Значительно легче. Теперь она была не одна. Можно кому-то поплакать в жилетку, не стыдясь того, что произошло в семье. Правда же, в семье?

Николай проводил Лену до дома. Потянулся поцеловать в щеку, Лена отстранилась. Ей показалось, что кто-то может заметить.

Николай вел себя достойно. Съездил в Москву, поговорил с какими-то людьми, сказал по приезде, что сам будет лечить ребенка. Лене хотелось верить, что теперь все образуется.

Бориса выписали из больницы, под честное слово родителей. Он был слабый, вялый, даже физически так ослаб, что не смог нарубить дров, когда его попросила соседка с первого этажа. Елена накинулась на соседку, чуть не кричала: ребенок только что после заболевания, такого тяжелого, что некоторые умирают — ему нельзя напрягаться.

Соседка хоть и стерва, смешалась, забормотала, даже кончик носа покраснел.

Оксана пришла на второй день, они с Борисом долго сидели на диване перед телевизором и о чем-то шептались. Елена была полна подозрений, ей казалось, что девушка пытается незаметно подсунуть Борису какое-то зелье.

Вечером кто-то звал с улицы, из кустов, чтобы Боря вышел.

— Кто это? — спросила Елена.

— Я им бабки должен, — сказал равнодушно Борис. — Они меня достают.

Елена сразу догадалась, что бабки — это деньги, она была к этому готова. Она знала, что наркомафия именно так затягивает в свои сети простаков. Сначала — бесплатно, а потом все глубже и глубже ты тонешь в долгах.

- И сколько ты им должен?
- Не знаю.
- Ты не можешь не знать.
- Честно, мам, не знаю.
- Но приблизительно?
- Они все равно давали.
- А теперь?
- Оксана с ними поговорит.
- Ты не боишься за свою девушку?
- Чего за нее бояться? Ты не знаешь, кто ее брат!
- Кто же?
- Так я тебе и сказал.
- Ты дурак, Борька, — сказала Лена. — Ведь мне все равно придется самой за тебя расплачиваться.
- Я пойду работать, — сказал Борис. — Меня звали. Охранником.
- И кого же ты будешь охранять?
- Кого надо.
- А если тебя ветром сдует?
- Помолчи, ма, ты все равно не понимаешь.
- Куда уж мне.

Борис лег, свернулся калачиком, носом к стене. Его колотила дрожь.

Лена была на кухне, готовила ему диетическую кашу, когда сын постарался незаметно уйти из дома. Она оттащила его за рукав от двери — она стала куда сильнее его и страх за мальчика удваивал ее силы. Не рассчитав усилия, она так дернула его, что Борис потерял равновесие и ударился спиной о вешалку. И заныл, что было ему не свойственно.

— Ты чего? Размахалась!

Лена его не стала жалеть, даже не помогла подняться — была зла.

— Физкультурник, — сказала она, — метр восемьдесят в высоту! Вы на него посмотрите!

У них с сыном был свой, легкий, подчеркнуто ироничный, игривый тон общения, так бывает у одинокой матери с единственным сыном. Мать как бы играет в старшую сестру, а то и в отца-браташку. Дружит с приятелями, усиленно и даже настырно влезает в их дела, особенно в сексуальные. Но матери не очевидно то, что понятно подросткам: она чужая на их пиру.

И вдруг в одночасье этот тон исчез — он больше не был нужен. Пришла пора выяснить отношения и определить, кто вожак, а кто хроменький аутсайдер.

Той ночью он убежал из дома — со второго этажа выпрыгнул, хорошо еще ногу не сломал. А вот обратно под утро попросился — не лезть же наверх.

Лена сидела у окна и видела, как Борькаозвращается домой — уверенно, как здоровый.

Но она знала, что это не Борька, это его болезнь, это нажравшийся наркотиками зверь, который сидит в сыне и грызет его. И пока не сошрет, не успокоится. Или пока не кончатся все наркотики на Земле.

Она открыла дверь — он сжался, думал, будет бить.

А Елена спросила с интересом, будто всю ночь ждала задать именно этот вопрос:

— А ты чем колешься?

— Тишиши, — испугался Борис. На лестничную клетку выходили еще две квартиры. Борис охранял честь дома.

— Заходи, — сказала Лена. — Сейчас горячего чайку выпьем, а то я уже спать расхотела, пока тебя ждала.

— Я не хочу чаю, — сказал Борис.

— И не думай — ночь какая холодная! Тебе еще не хватало воспаления легких! Тогда ты точно загнешься.

Елена надеялась, что на рассвете, когда ты с сыном совсем одна во всем мире, он будет открыт для нее, искренен. Ей не справиться с чудовищем, если Боренька не поможет.

Но Борька сказал, что хочет спать. Признался, что колется героином, но потом заскучал, стал заговариваться и ушел. Это очень страшно — видеть, как бормочет твой сыночек, уходя в свой закрытый, больной мир непонятных образов.

На следующую ночь Боренька снова убежал.

Елена видела, как он это сделал, но не стала его останавливать. Она решила выследить его. Заранее надела кроссовки и джинсы.

Боря шел не оглядываясь, он не боялся погони. Он мерз, переходил порой на трусцу, но ему было тяжело бежать, и он снова шел, согнувшись и прижимая кулачки к груди.

Он дошел до кафе «Свежий ветер» — «Открыто круглосуточно 24 часа».

Он прошел внутрь, сонный мужик у входа знал его — впрочем, не так много встретишь незнакомцев в Веревкине.

Окна в кафе были зашторены, Лена подошла к двери.

— Тебе куда? — спросил мужик. Было темно, мужик, видно, принял ее за девицу, из приезжих. Порой на каникулы сюда присылают детей из больших городов к бабушкам. Воздух в Веревкине пока еще деревенский.

— Я в кафе, — сказала Елена.

Мужик перекрыл дверь длинной рукой. В полумраке видно было, как блестит золото его зубов.

— Я сказал же, — ответил мужик лениво. Он не желал ей вреда, но пускать незнакомую бабу не хотел.

— Пропустите, — сказала Елена настойчиво.

Он так ее и не узнал, а Елена его узнала — он учился в ее школе, два раза приходил в секцию по самбо, которую она вела когда-то в районном

Доме пионеров. Только Лена забыла, как его зовут — он оказался неспособным, ленивым и боялся падать. В спорте мало перспектив у тех, кто боится падать.

Елена протянула руку, чтобы отстранить его, и страж ворот схватил ее за руку, чтобы отбросить, забыв, что у спортсмена — две руки. И две ноги.

Страж грохнулся о землю. Тяжело грохнулся, тем более что владельцы кафе для красоты выложили квадрат перед дверью керамической плиткой.

Елена вошла в кафе.

И тут же увидела Борю.

Он сидел за столом. Напротив — тот, Скошенный, которого Лена видела в Туле. Скошенный как раз двинул ладонью какой-то белый пакетик.

Лена шагнула к столику и тут же увидела старшего, с тигриными глазами. Он стоял у бара и смотрел на нее.

Она шла сюда, чтобы поговорить с теми, кто снабжает Борю отравой, поговорить, может, убедить их в чем-то, может, откупиться.

Но неожиданно для себя она не совладала с рефлексом защиты ребенка.

Она кинулась к столику.

От соседних столов, утопавших в полутьме, оборачивались к ней бледные круги лиц.

Прежде чем Боря и его спутник ее увидели, Лена сбросила пакетик на пол.

Боря кинулся под стол и пропал — он ползл там, в темноте, разыскивая драгоценный пакетик.

— Ну ты... — зарычал Скошенный подбородок. — Да я тебя...

Он был настолько страшен, что Лена отступила и почувствовала угрозу сзади. Сделала шаг в сторону, кинула взгляд назад — там стоял обиженный ею охранник, что сторожил вход.

Бессмысленно было взывать к рыцарским чувствам: сейчас им все равно — бабушка ты, мужик или цветочек. Растопчут.

Но нельзя уходить без Бори.

Решения не было. Выхода не было.

И тут пришел Тигриный глаз.

— Бери своего мальчишку, — сказал он.

Лена хотела сказать спасибо, но поняла — не место и не время. Тигриный глаз не хочет опасного для заведения скандала. А вдруг ее прибьют?

Это она все поняла и продумала потом, когда шла домой.

А сейчас послушалась бандита — благо Боря как раз вылез из-под стола и старался выпрямиться. Она тащила его за сжатый кулак — в кулаке был пакетик.

Тигриный глаз шел сзади.

Оркестр молчал, в зале царил шорох голосов.

Она опомнилась на улице. Тигриный глаз сказал:

— Уходи. А то я не ручаюсь.

Они с Борей быстро пошли прочь. Она выцарапывала на ходу пакет с наркотиком. Боря выдергивал руку — словно он был малышом, а в руке — конфетка.

— Разве ты не понимаешь, что я хочу тебя спасти? — Она пыталась достучаться до его залиденевшего сердца. Как звали того мальчика у Андерсена? Снежная королева остудила его сердце. Господи, какая это была страшная сказка. Лена так и не дочитала ее до счастливого конца. Она не поверила в торжество добра и справедливости.

— А может, я хочу откинуть копыта? — кричал Боря. — Что ты понимаешь? Всю жизнь прожила как положено, от сих до сих, спать, жрать, с отцом трахаться... вот и вытрахала меня!

— Борис, как ты смеешь так говорить?

— Смею. Я за чертой, — сказал сын. — Я там, а ты среди благовоспитанных... вы тоже наркоманы, вы все наркоманы обыкновенной жизни!

— Это не твои слова. Это тебе сказали.

— Мало ли чьи слова?

— Если с тобой что-нибудь случится, я их всех убью. Ты понял — я их убью.

— Ну и что? Встанут новые бойцы. Ты в школе учились? У нас историчка — коммуняка. Она говорит, что Ильич пошел другим путем. А почему, знаешь?

— Почему? — глупо спросила Лена.

— Потому что индивидуальный террор, который так любил его братик Саша, ни к чему не

вел. Ты убьешь плохого губернатора, пришлют другого губернатора, еще похуже прежнего.

— По крайней мере у тебя голова еще работает, — сказала Лена.

— Некоторое время... — Боря попытался улыбнуться. На улице, было совсем темно, многие фонари разбиты, они шли так, как будто просто припозднились из гостей. Дул несильный, прохладный ветер. Лето кончилось. Ночью Боре было плохо. Это была не ломка — он принял дозу недавно, просто организм отказывался от ядов, которые в нем накопились.

Лена почти не спала.

Утром пришел бодрый, пышущий здоровьем Николай.

Вместо того чтобы поздороваться, он с порога сообщил:

— Я нашел Мирошниченко, Сашеньку. Ты его не помнишь?

— Заходи.

Утро было туманным, серым, влага вползала в открытую дверь. Николай был без пиджака, в одной ковбойке. Он не признавал перемен в погоде.

— Боря спит? — спросил Николай.

Он прошел на кухню, сел за стол и стал водить ладонью по клеенке. Когда-то, тысячу лет назад, он сам купил эту клеенку дикой расцветки.

— Значит, так, — сказал Николай. — Они работают септорией каннабина. Я потому и вспомнил, что читал ссылки на его статью.

— Тебе чаю поставить?

- Нет, я пил. Но от кофе не откажусь.
- Кофе нет. Не купила.
- Нет проблем. Значит, Саша работает над септорией, а американцы узнали — у них тоже проблемы, а у нас финансирования не хватает. Они ему долларов подкинули. Мне бы на сорняки подкинули, а?
- Не шуми, Борю разбудишь.
- В его возрасте я спал, невзирая на шумы. А помнишь, как моя мама отца колотила?
- И что же стал делать твой друг Саша?
- Они теперь перешли на другой грибок. Перспективы умопомрачительные!
- Николай!
- Перехожу к переводу на язык толпы. — Николай засмеялся собственной шутке. — Потерпи, мой Леночек, все поймешь, несмотря на твое физкультурное образование. Итак, септории могут угнетать отдельные виды растений. Мы заражаем грибком плантации, и растения определенного вида теряют способность к фотосинтезу. Они угнетены, они погибают.
- То есть если посыпать этим грибком наркотики, они погибнут?
- Ты не совсем поняла. Мы должны отыскать посевы опиумного мака, внедрить там культуру грибка...
- Из своей комнатки вышел Боря, он не удивился, что блудный отец сидит с утра на кухне и мирно беседует с мамой, его мутило, он прошел в туалет.

— Он плохо выглядит, — сообщил Николай Елене.

— Ты прав, — сказала Елена, но Николай не уловил иронии.

— Ему надо больше заниматься спортом... или хотя бы быть на свежем воздухе. Ты совсем не потрясена моим рассказом.

— Не потрясена.

— Это же принципиальный прорыв. Мы покончим со всей этой заразой!

— Мы?

— Сашка сказал, что я могу перейти к нему в лабораторию фитопатологии. Понимаешь, мы с ним в одной системе. Мне дадут койку в общаге...

— Ты уедешь из Веревкина?

— Это настоящее дело! Мы не будем бегать за каждым наркоманом в отдельности...

Каждый наркоман в отдельности в лице его сына Бори стоял в дверях кухни, был он зелено-ватого цвета и чуть шатался.

— Пустое дело, — сказал он. — Ты не представляешь, как они организованы. У них все схвачено, даже в правительстве свои люди. *

Николай удивился:

— Ты откуда знаешь?

— Странно, что ты не знаешь, — вмешалась в разговор Лена, — открай любую газету.

— Ох уж эта пресса, — сказал Николай, хотя никакого вреда от прессы не испытывал. Как мама считала, так он и озвучивал.

— Лучше что-то делать, чем ждать. — Лена перешла на сторону мужа.

— Возьмитесь за руки, друзья, — сказал Борис и поплелся к себе.

Николай попрощался, радостный. Даже сказал:

— Пожалуй, нам с тобой лучше жить вместе, мы подходим друг другу.

— Тебе многие подходят, — возразила Лена.

Когда она вышла в магазин, на десять минут, Борис сбежал.

Лена знала, где его искать. Она схватила зонтик — на улице разошелся холодный мелкий дождик, — и побежала к кафе «Свежий воздух». Название звучало саркастически. На этот раз охранник ее узнал.

— Елена Анатольевна, — сказал он, завидя ее, — нечего вам у нас делать.

— Ты же знаешь, Буреев, — ответила Лена.

— Сейчас многие на это попадаются, — сказал Буреев.

— Так хорошо учился, — сказала Лена. — Даже жалко. — Не помнила она, как учился Буреев. Вернее всего, плохо.

— Это вы меня заразили, — сказал Буреев, который даже маленьким мальчиком был серьезен. — Привили любовь к спорту. Теперь так и живу: сила есть, ума не надо.

— А то бы уже кандидатскую защищал, — съязвила Лена.

— Вы не заходите, я вам его выведу, — сказал Буреев.

Лена подчинилась. Да и страшно было заходить. Она боялась Скошенного подбородка и еще более боялась Тигриного глаза.

Боря вышел не один. За ним, в двух шагах, шагал мужчина с тигриными глазами, главный подлец.

— Здравствуйте, Елена Анатольевна, — сказал он, — мне жаль, что так получилось. Но я не могу быть нянькой вашему парню. Другие в его возрасте деньги зарабатывают, а он у вас паразит.

«Наверное, он хочет, чтобы я устроила здесь сцену, все будут смотреть и издеваться».

— Пойдем, мама. — Боря потянул ее за рукав.

— Я обещаю, что буду гнать его, — сказал Тигриный глаз.

Он смотрел на Лену странно, если бы не предмет беседы, она бы решила, что нежно. Что он хочет ей понравиться.

— Но такие лезут в окно, если их гонят в дверь.

— Ма, ну пошли. — Боря вел себя как капризный ребенок.

Они пошли прочь. Буреев вежливо попрощался, но Лена не услышала.

— Я тебя увезу, — сказала она.

— Что ты, мама. — Боря успокаивал ее. — Куда ты меня увезешь? Они же везде. И я их буду искать. Мне больше ничего не надо.

— Но так быть не может! Ты же разумный человек! Я тебя воспитывала.

— Не в твоем воспитании дело, — сказал Борис. — Если хочешь, можешь меня убить, но тебе не будет легче, я тебе обещаю.

Лена невольно улыбнулась.

Они пили чай; Лена понимала, что ей надо возвращаться в школу. Но если она вернется, то Борис останется без присмотра — для него это смерть. Но и не выходить на работу нельзя — дома нет никаких сбережений. Она нарочно не заглядывала в свою маленькую шкатулку, где были все ее драгоценности — обручальное кольцо, которое она не носила, расставшись с Николаем, мамины колечки, подарок Николая — брошка из янтаря, в ней-то и золота — кот наплакал. И наследства ей не досталось. Никакого наследства.

Пришел Николай. Оказывается, он и в самом деле уезжал в Москву.

Лена расстроилась. Сама вроде подтолкнула Николая к этому шагу. Но до этого у нее был хотя бы один, хотя бы бестолковый, но союзник. А теперь она осталась совсем одна.

Николай принес фотографии.

Фотографии были крупные, двадцать на пятнадцать, цветные.

На четных — посевы наркотиков до обработки грибком, на нечетных отпечатках — результаты деятельности грибка.

На первых фотографиях были зеленые поля, обрызганные алоей кровью — мелкими капельками крови. Это были, как догадалась Лена, цветы мака.

Растительность на нечетных снимках была бурой, выгоревшей, но не вся. Трава, которая росла в междурядьях, осталась зеленой.

Николай все не верил, что Борис с Леной до конца прониклись важностью открытия.

— А он не боится? — спросил Борис.

— Чего ему бояться?

— Ты не представляешь, папа, какие у них связи. В наши дни человека заказать — как поле перейти — бирюльки... А что такое бирюльки, папа?

— Не знаю, — сказал Николай. — Но нас не запугаешь.

— Вас никто не пугает, — сказал Борис.

И ушел спать. Он был слабеньkim, и начиналась ломка. Хоть бы заснул.

Николай ушел, оставил фотографии Лене, на-верное, чтобы смотрела и радовалась. Она смотрела. На обороте фотографий было написано, когда и где сняты. Лена дочитала географический атлас, стала искать по списку населенных пунктов, но, видно, это были небольшие населенные пункты, и она ничего не нашла.

Она долго не спала, ей все казалось, что Боря тихонько поднялся и уходит из дома, но потом она поняла, что сейчас, ночью, он никого не найдет, и стала думать, как прожить без работы — так ведь с голода помрешь. Жаль, что в Веревкине нет панели. Вышла бы на панель улицы Советской или площади Ленина — сразу не переименовали, теперь только попробуй! И мужики будут ходить мимо и говорить: «А это наша учи-

тельница физкультуры, у нее мой младшенький учится гимнастике. Может, скинемся на двоих?» Мысли показались самой такими грязными, что она заснула, только чтобы не думать.

Утром проспала. Ни Бори, ни фотографий.

Боря скоро пришел, глаза больные, насосался.

— Ты зачем фотографии взял? Они же отцу нужны!

— Мам, мне же никто в долг не дает, — признался Боря. — Я подумал, а вдруг за фотки дозу заколочу?

— Идиот! Они нужны отцу для работы! Для того чтобы всю эту гадость истребить.

— Мама, это же не гадость, это радость жизни. — Он был разговорчив, сел на кухне, питье не стал, стал рассуждать о том, как окончит школу и пойдет сразу в бизнес.

Пора заниматься делом.

Он верил чепухе, которую нес.

— Кому ты отдал?

— Аскольд взял, сказал, ему интересно.

— Кто такой Аскольд?

У Бори голубые глаза, а теперь они потеряли яркость и стали цвета неба с молоком. Он никак не может сфокусировать взгляд.

— Аскольд? — Боря с трудом вспоминает. — Таинственный человек, не из Веревкина, отыхает у нас, отсиживается. Авторитет.

— Для кого он авторитет? — Лена уже догадалась, что Боря имеет в виду Тигриного человека.

— Ты не понимаешь, мама. — Боря пытался улыбнуться, но щеки его не послушались, словно у него во рту заморозка после зубного врача. — Авторитет — это значит в законе. Вор в законе.

— Он вор?

— Не обязательно вор. Авторитет может быть разный...

— И торговец наркотиками?

— И торговец, я спать пойду.

Все, из Бори выпустили воздух.

Вряд ли эти фотографии кому нужны. Но зачем этот Тигриный глаз привязался к Боре?

Днем она все-таки вышла в магазин, нельзя же совсем без продуктов сидеть. В гастрономе встретила Буреева. Вне кафе он был благообразен.

Лена спросила его, кто такой Аскольд.

— Один из этих, — ответил Буреев. — А что?

— Я его знаю?

— У него вид уголовный. Глаза — как у моего Васьки. — Буреев засмеялся.

Значит, это Тигриный глаз.

Николай зашел во второй половине дня. Попрощаться. Он принес пятьдесят долларов. Больше у него не было. И на том спасибо. Он сказал, что сразу позовонит и, как что узнает, сообщит. Потом сказал:

— Погляди в окно, только занавеску не двигай. — За окном, разговаривая и вроде бы не глядя на дом, стояли Скошенный подбородок и еще один, молодой парнишка.

— Что им от меня нужно? — спросил Николай.

— Это опасные люди, — сказала Лена.

— Преступник. Я читал, профессиональный преступник, авторитет в уголовном мире.

Лена хотела сказать о фотографиях, но испугалась, что Николай рассердится. И за дело. А так пропали фотографии — и пропали.

Потом пожалела.

— Наверное, они за Борисом следят, — сказала она. — Но ты осторожно ходи по улице. И сразу мне позвони, хорошо?

Николай уехал.

Вечером позвонил из Москвы, что доехал нормально. Устроился, начинает работать. Завтра.

— А этих... этих не видел?

— Не знаю, — сказал Николай. — Может быть, я их видел, а может, и нет. Я, честно говоря, забыл.

Деньги разлетелись за два дня. Наступил учебный год.

Лена пошла к директору школы и попросила месяц за свой счет.

— Ты с ума сошла! — завопил директор. — Где я в сентябре нового физкультурника возьму? Кто за такие гроши будет вкалывать? Может, ты другое место нашла? Но учти, я все равно прибавить не могу.

— Я не нашла другого места, у меня мальчик гепатитом болен, нужна диетическая пища, я его кормлю. Он слабый.

— Ах, эти матери-одиночки, — сказал директор. — Ничего с твоим оболтусом не случится.

Он дал в конце концов этот месяц. Даже предложил одолжить немного, из своих. Лена отказалась и чуть не заплакала. Не ожидала хорошего, тем более сейчас, когда готова была к обидам и несправедливости — ведь мир уже был к ней несправедлив: растить одной мальчика, во всем себе отказывать, и теперь мальчик обречен... *не смей так говорить, даже думать не смей!*

Она теперь куда меньше встречалась и говорила с людьми, даже делала вид, что не заметила того или иного человека. А это нелегко в небольшом городе, особенно если ты несколько лет проработала в школе. Но вскоре люди и сами перестали подходить к Лене — может, они знают, что Борис наркоман? В этом нет ничего удивительного. Кафе «Свежий ветер» для всех известный притон. *Только ты, Елена, этого не замечала.*

Она уже понимала, что потерпела поражение. Не вытянуть ей Борю. Если она будет вот так гнаться за ним, выслеживать, станет посмешищем в городе, а мальчика не спасет.

Она снова пошла в «Свежий ветер», попросила Буреева вызвать Аскольда.

— Аскольд, — сказала она, когда тот вышел, на ее маленькую радость — быстро, не заставил ждать на ветру, на улице, где могли пройти мимо знакомые.

— У нас проблемы? — спросил Аскольд. Он всегда улыбался, как будто издевался над собеседником.

— Мне больше не к кому обратиться, — сказала она.

— Вы обращались к бывшему мужу, — ответил Аскольд. Он завел ее в комнату администратора. Там было душно и тесно, толстый человек, которого Лене приходилось встречать на улице, тут же вышел.

— Но это как бы в перспективе, — сказала Лена. — Вы же понимаете, что те исследования Боре не помогут.

— А вот разбрасывать такие документы не следует — Боря отдал их чужому человеку. Они прошли мимо меня, — ответил Аскольд. — Пить будете?

Он открыл ящик шатучего письменного стола и вытащил из него плоскую бутылку джина. Когда Лена была еще совсем молоденькой, она с юношеской сборной летала в Белград на первенство Европы. Тогда по самолету ездила тележка, и в ней были валютные товары. В том числе вот такие бутылки. Лене тогда больше хотелось духов, но у нее не было валюты, хоть у тренеров и руководителей делегации была валюта и у некоторых спортсменов, которые не в первый раз, тоже была — они вывозили наши товары, икру, например, и в гостинице продавали. Лена дальше юношеской сборной не пошла — надо было начинать всерьез принимать гормоны, а мать взъерепенилась: не хочу дочку делать уродом! Лена получила мастера, но выше не поднялась. И не пускали, и конкуренция была жесткая, а ее тянуло в многоборье, у

нее были международные результаты. А кончила она школьной учительницей, правда, с дипломом Московского института физкультуры.

— Задумались? — спросил Аскольд.

Он разлил джин в высокие бокалы, подвинул по столу бокал Лене.

— У нас без церемоний, — сказал он, — льда и тоника не предлагаю.

— Спасибо, не надо.

— Уже нолито, — сказал Аскольд.

— Елена выпила вместе с этим бандитом. Куда денешься? Он — последняя надежда. По крайней мере он может больше, чем муж Николай.

— Вы надеетесь, что я возьму вашего сынка и вытяну за уши, — сказал Аскольд, отпивая джин маленькими глотками — какая гадость!

Елена кивнула. «Надеюсь».

— Если я вытяну его сегодня, то завтра его затянут другие, потому что он сам не хочет заявлять. И не мотайте головой — я с ним разговаривал. Он уже — тряпка, он уже кончился. Вам трудно к этому привыкнуть, вам невозможно с этим смириться. — Аскольд говорил правильно, даже книжно, но слишком сухо и казенno. Как очень образованный робот. Хотя Лене не приходилось разговаривать с образованным роботом. — Я теряю на вас время, которое мне никто не возместит, — продолжал Аскольд, не глядя на Лену, словно ее и не было уже. — Потому что вы мне нравитесь. Я хотел бы... в общем, хотел бы спать с вами. Да не вскакивайте. Я не сказал ничего

оскорбительного. Одинокой женщине должно льстить внимание мужчины.

— Но уж не такого, как вы! — Лена поднялась и пошла прочь. Аскольд не окликнул ее, хотя уже через десять шагов она раскаивалась в своем поступке, но не могла остановиться и вернуться, потому что этим признавалась бы в правоте Аскольда и в том, что она в душе панельная девка, потому что ночами изводится от желания быть с мужчина-й, и вернее всего с таким, как этот Аскольд.

Теперь не на кого было надеяться.

Но в жизни бывает так: ты стремишься, борешься, добиваешься, а следует выждать. Чаще всего следует выждать, потому что события сами находят свой единственно возможный путь — суетись ты или нет. Мудрецы тем и отличались от обычных людей, что умели терпеть. Терпеть и ждать, когда хочется броситься вприпрыжку.

После неприятного разговора с Аскольдом Елена старалась не выходить вечером на улицу, и с Борисом она стала излишне строга и резка и даже однажды его ударила. Не пощечину отвесила, как делают в драматических кинофильмах, а сильно ткнула кулаком в лицо, расквасила нос, и Борис плакал, потому что был слабее ее и слабее того демона, что сидел внутри него и требовал отравы.

Так прошло три полуголодных, несчастных, безвыходных дня.

А потом пришла телеграмма от Николая. В телеграмме тот коротко написал:

БЛЕСТЯЩИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ. ТРЕПЕЩИЕ НАРКОБАРОНЫ. ТЕРПИ. НЕМАЛО ВРЕМЕНИ ПРОЙДЕТ ПОКА ПОУЧИМ РАЗРЕШЕНИЯ И ТАК ДАЛЕЕ. ПОКА ЗАНАЧКА. ВОСКРЕСЕНЬЕ БУДУ ЖДИ. НИКОЛАЙ. НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ КАРМАНЕ.

Телеграмма была бестолковой, как сам Николай, но Лену она не обрадовала. Чему радоваться? Где-то придумали средство уничтожать маковые посевы. Через пять лет первый самолет поднимется в воздух над опытным хозяйством. А Бори уже не будет. Она знала, что Бори уже не будет.

Конечно, можно утешать себя, что какие-то другие матери будут счастливы. А может, и не останется уже счастливых матерей.

Телеграмму она спрятала от Бори — мало ли кому он ее отдаст за дозу? Лена не представляла себе, как некто злобный сможет использовать слова Николая, но если Аскольд об этом говорил, лучше подстраховаться.

Лена заглянула в Борину комнату. Сын спал. Свернулся калачиком. Спрятался. Даже во сне.

Лена взяла с собой оставшееся от мамы кольцо с аквамарином. Берегла, как семейную реликвию. Положено было передать кольцо по наследству невесте после Бориной свадьбы. Теперь самое время наступило кольцу принести пользу. Лена знала, кому отдаст кольцо — ее бывшая соученица его уже много лет выпрашивала, за любые деньги. А теперь она разбогатела, замужем за хозяином веревкинской бензоколонки.

Она прошла всего сто метров, как увидела почтальоншу Александру Ивановну. Александра Ивановна была глупой женщиной без возраста, которая страшно гордилась тем, что исполняет важную работу. Наверное, она единственная во всем городке гордилась своей работой.

— Елена, стой! — сказала она с самоуверенностью идиотки. — Тебя сегодня посланиями завалили. Я прочла, удивилась. Тебя окружают эти самые, правильно?

— Правильно, — тихо ответила Елена.

— Наркобароны! — вспомнила Александра Ивановна. По другой стороне шел директор школы — ну зачем ему ходить по улицам в такое время?

— А ты не беги, не беги, — сказала почтальонша. — Продолжение следует. Распишись-подвинься.

Елена расписалась в растрепанной книжке. Директор, кивая, отправился дальше. Конечно, он все знает про Борю, наверное, в городе уже все знают.

Почтальонша стояла рядом и ждала, когда Елена прочтет телеграмму, но Елена медлила.

— Ты читай, читай, — сказала почтальонша. — Я все равно уже прочла. И на почте, сама понимаешь, тоже люди. Все читали.

— «Приезжай немедленно, — прочла вслух Елена. — Случилась беда. Тамара».

— Ну вот, видишь, — сказала Александра Ивановна. — Что значит связываться с ними.

— С кем?

— Откуда телеграмма? Из того же отделения, что и первая, — мне Алла сказала, она все счесть.

— А кто такая Тамара? — спросила Елена.

— Ну вот, и не знает, — сказала почтальонша. — Полюбовница наша.

— Наша?

— Николая твоего, значит, наша, — сказала Александра Ивановна и быстро пошла прочь, словно заглянула в глаза Елене и испугалась.

А Елена поняла: Тамара — это не любовница, а жена Колиного коллеги, к которому он уехал работать. Они когда-то встречались, даже ходили вместе в поход на байдарках. Тамара...

Лена быстро пошла дальше. Надо вести себя так, чтобы никто не подумал. Хотя все подумают. Все.

К счастью, Клава была дома, лёлеяла свои ногти. Смотрела в них, как в зеркало, хотя с ее данными — что смотри, что нет, лучше не станет. Но чем-то она пленяла крепких глупых мужиков. Клава открыла дверь, не выпуская из руки пилки, и сразу поспешила обратно в гостиную, густо уставленную полированными предметами. Она не предложила Лене сесть, а сказала:

— Показывай кольцо.

— А ты как догадалась? — спросила Лена.

— Еще бы не догадаться. Без крайней нужды разве бы ты опустилась до моего ничтожества?

— Зачем ты так...

— Плох Борис? Знаю, что плох. Все знают, только ты зря от близких людей скрываешь. Тебе же излишнюю гордость, Ленка, наказание, от Бога.

— Клава...

— Я теперь стала крайне религиозна. В этом есть душевное спасение. Я всегда за моего молюсь — он на разборке, а я молюсь. Помогает. Хочешь, за твоего помолюсь?

— Спасибо. — Словно неловко отказаться.

— Показывай кольцо. То же самое?

— У меня другого и не было.

— Знаешь, Ленка, времена изменились, как сама жизнь. Вот когда мы с тобой девчонками были — это кольцо для меня было мечтой, я думала — надену и стану такая красивая, что все отпадут. А теперь мой Гоша может из Парижа выписать, от Кардена, и будет дешевле, чем в нашем Замухранске.

— Ну тогда покупай в Париже.

— Вот вся ты! Только бы нагадить в душу.

Клава взяла кольцо и пошла в другую комнату. Она изменилась за какие-то несколько месяцев — исчезли все кости и углы, — помоечная кошка, черная, караглазая, дикая, зубастая, округлилась и уже не помоечная, а домашняя, научилась мурлыкать.

— Я в лупу смотрю, — сообщила Клава из той комнаты. — Кольца, Ленка, надо мыть. На будущее знай. Сколько ты за него хочешь?

— Я не знаю.

Лена и в самом деле забыла подумать об этом, оценить, у кого-то спросить.

— Вот и дура, — спокойно отозвалась Клава. — Теперь я тебя обдурю. Будь спокойна. Сто зеленых тебя устроит?

— Нет, — сказала Лена, мысленно переводя доллары в рубли. — Нет, наверное, золото там дороже стоит, а еще и камень... — Она словно просила прощения у Клавы.

— Кто в двадцать дурак, тот до смерти дурак, — сказала Клава. Она возвратилась в гостиную и кинула кольцо на стол. Камень полыхнул голубыми искрами.

— Ты хоть знаешь, что за камешек? — спросила Клава.

— Мама говорила, что аквамарин, — ответила Лена. — Мне бы долларов двести, а потом я достану...

И вдруг Клава разревелась. Ни с того ни с сего. Стояла, издевалась над Леной, а потом как пузырь лопнула. Упала на диван, спрятала лицо в кулаки, черные волосы вздрагивали, как змеи Горгоны Медузы, ключица, натянув кожу, торчала наружу. Клава захлебывалась слезами, Лена испугалась и стала уговаривать ее:

— Не надо, пожалуйста, Клавочка. Не бери ты этот камень.

Она кинулась на кухню, еле нашла чистую чашку, а когда вернулась в комнату, Клава сидела на диване, по щекам тянулись вертикальные черные полосы потекшей туши. Она протянула руку и взяла чашку. Она стала пить и закашлялась. Жадно пила.

Лена непроизвольно посмотрела на стол — испугалась, а вдруг это хитрость? В школе у Клавки была цыганская привычка — цап что-нибудь, потом убей, не сознается. Но кольцо лежало на столе.

— Значит, так. — Клава отдохнула. — Слушай сюда, мое сокровище. Про Борьку весь город знает, не надо объяснять, вот и почтальонша у меня только что побывала. А ты, дура, у меня двести баксов просишь. Ну какая же дура!

Клава громко всхлипнула, проглотила слезы, шагнула к стоявшему в углу письменному столу с компьютером, покрытым кружевной салфеткой, вытащила из-за него черный бумажник. Не глядя, вытащила оттуда пачку долларов — все, что там было, и не стала передавать доллары Лене, опасаясь, что та откажется, а грубо заткнула их ей за лифчик, чуть не оборвав пуговку на блузке.

— Здесь тысячи две-три баксов, — сказала она. — Дома посчитаешь. Это аванс. Завтра мой свозит кольцо в Москву, к специалисту. Разницу заплатим тебе потом. Поняла?

— Клава, ну что... мне столько и не нужно...

— Уходи, Ленка, пока я тебя не придушила! — закричала Клава. — Видеть тебя не могу!

Она ее буквально вытолкнула на улицу. И крикнула вслед:

— Лети самолетом. Или такси возьми! Не жалей денег, понимаешь? И своему Борьке ничего не оставляй. Я его покормлю, если надо. Главное, не жалей денег, это все дермо.

И Елена отнеслась к этому дару как к проявлению природных сил. И нельзя было бы сказать,

что она глубоко растрогана поступком Клавы. Просто дождь перестал и выглянуло солнце — но оно же снова закатится. Сначала она зашла в магазин и купила продуктов — всяких диетических дорогих вещей, чтобы порадовать Борю. Затем с сумками она пришла к своей свекрови, которая сидела у приемника и слушала «Свободу». Это делало ее интеллигентнее.

— Вам придется переехать к нам, — сказала Лена. — На два-три дня.

— Ты с ума сошла! — возмутилась Евдокия Давидовна. — Еще этого не хватало.

— Борису надо давать только диетическую пищу. У него гепатит.

— Это же заразно! Почему он не в больнице?

— Потому что в больнице он умрет.

Евдокия Давидовна принялась отмахиваться от Лены толстыми белыми руками. Она всегда отмахивалась от нее.

— И не мечтай думать о загранпоездках! — кричала она.

— Что-то случилось с Колей, — сказала Лена. — Я скоро вернусь.

— Ничего с ним не случилось. Неужели ты думаешь, что мое материнское сердце не подсказывало бы мне?

Ей не хотелось брать внука. Или тем более ехать к нему. Ей никогда этого не хотелось.

— Я тут принесла продукты, — сказала Лена. — И двести долларов. Это вам с Борисом на еду. Но

Борис ни в коем случае не должен знать, что у вас есть эти деньги.

— Ну вот, теперь ты устраиваешь тайны! А откуда у тебя деньги?

Клюнула, поняла Лена. Теперь я тебя, голубушка, добью. У меня нет другого выхода.

— Борис принимает наркотики, — сказала Лена. — Он сейчас тяжело болен. И психически в том числе. Деньги для него — это доза.

— Безумная! — закричала ей вслед Евдокия. — Он же меня убьет.

— Это ваш единственный внук, — сказала Лена с порога. — А я еду к вашему единственному сыну. Вы можете меня ненавидеть, но вам никуда не деться.

В Москве Елена лишь приблизительно помнила, где находится институт. И названия его не знала. Вернее всего, что-нибудь связанное с ветеринарией. Метро «Тульская», а там красное пятиэтажное здание.

Нашла его она легко. Он назывался вызывающее: «НИИ генетической фармакологии».

На входе сидел вахтер. Лена боялась, что в таком институте строгие нравы. И лицо у вахтера было грубое, квадратное.

— Мне нужно видеть Александра... забыла отчество! — Мирошниченко.

— Александра Саввича? А он сегодня и не приходил.

— Почему? — строго спросила Лена. Строгость происходила от испуга. Ты ждешь, что тебя будут

гнать, а с тобой разговаривают, как в сапожной мастерской.

— А теперь многие не приходят. Зачем приходить? Зарплату все равно не выдают. Только мне с директором и насcreбают.

Вахтер начал смеяться, приглашая Лену разделить его шутку, но она шутки не поняла.

— Они работали вдвоем...

— Конечно, вдвоем, — согласился вахтер. — С Колей, Колей, Николаем Сидоровым.

— А где они? — спросила Лена.

— А ты кто ему будешь? — Вахтеру не нравился требовательный тон Лены, и он начал меняться — на глазах становился официален и даже груб.

— Я жена Николая, — сказала Лена. — Бывшая жена.

— А он с тобой развелся? А мне не сказал. А как вашего сына звать?

— Борисом.

— Все правильно. Давай тогда им позвоним.

— А можно?

— Почему же нельзя? У нас в Москве телефоны даже по карманам лежат.

Он набрал номер. Лена ждала. Она даже успела успокоиться, потому что вахтер был спокоен.

Было позднее утро, но никто не проходил мимо, будто забыли, что надо ходить на работу. Сверху доносилась музыка. Издалека. Пол был грязный, давно не мытый.

- Никто не подходит, — сказал вахтер. — Видно, за водкой пошли. Шучу, шучу... непьющие они в разумных пределах.
- Дайте мне адрес, — сказала Лена.
- Невозможно, — ответил вахтер. — Совершенно недопустимо.
- Я вам свой паспорт в залог оставлю.
- Паспорт? А там штамп есть?
- Новый паспорт.
- Плохо. Надо было им велеть, чтобы штамп поставили. Давай паспорт. Я тебе адрес на бумажке напишу. Там и подождешь.

Он медленно писал адрес. Списывал его с большой конторской книги, которую вытащил из ящика. Лена покорно ждала. Пожилая женщина с хозяйственной сумкой прошла внутрь здания, не обратив внимания на вахтера.

Вахтер вложил бумажку с адресом в паспорт и протянул Лене.

— Пойдешь направо, — сказал он. — Там останавливается автобус.

Елена стояла на остановке, никого, кроме нее, не было. Она стала думать, как все это странно: телеграмму ей прислала Тамара, а в институте ничего не знают. Впрочем, может, и не хотят знать.

Оказалось, она не права. В институте знали.

Подъехала машина, обыкновенная, «москвич», вышли два человека и пошли к ней. Лена даже испугаться не успела.

— Сидорова? — спросил молодой человек с розовым гладким лицом и маленькой сережкой в ухе.

Поймали! Выследили!

— Пожалуйста, попрошу в машину. Нам надо поговорить.

— Кто вы такие? — спросила Лена.

— Алексей, покажи документы, — сказал розовый своему напарнику.

Тот не удивился. Вынул книжечку, закатанную в целлофан. Книжечка была красной.

— Теперь у всех красные книжечки.

— А на нашей написано ФСБ, — сказал розовый.

Они начали допрашивать ее уже в машине. Лена хотела верить, что это не наркоманы, а обычные чекисты. Пускай чекисты.

Они взяли паспорт Лены, изучали его и спрашивали — в каких она отношениях с потерпевшим, давно ли они виделись и, главное, что ее заставило приехать.

Лена вытащила телеграмму. От Тамары. Телеграмма разочаровала сыщиков, Лена поняла, что они надеялись поймать злодеев, а теперь шансы упали.

И тогда она решилась спросить — что же с Николаем. Она ведь до сих пор не знала и знать не хотела, а теперь пора было сдаться и узнать.

— Он убит, — сказал розовый сыщик, глядя перед собой. — Разве вам не сказала ваша подруга?

— Нет, — сказала Лена. — Мне никто ничего не сказал.

— А чего поехали?

— Вы бы тоже поехали.

— А вы знаете, чем занимался здесь ваш бывший муж?

— Работал в лаборатории, — ответила Лена, которая испугалась, что если они узнают про наркотики, то вцепятся в нее со всей силой. Ведь ясное дело — если бы просто преступление, то занималась бы милиция, а если чекисты, значит, особенное преступление.

Они хотели везти ее на опознание, но Елена отказалась. На нее обрушилась такая тупость, что она не опознала бы и саму себя.

Чекисты пожалели ее — сказали, что встретятся завтра. Их интерес к ней уменьшился.

Они не знали, куда ее отвезти, но она сказала, что лучше об этом узнать у Тамары. Они позвонили Тамаре по мобилю, и Тамара сказала, чтобы они везли Лену к ней.

Они нехотя согласились. Но паспорт не отдали. Чекисты, что с них возьмешь.

Тамара встретила ее как родную. Она не плакала, а все говорила.

— Я с другими не могу говорить, как с тобой.

— Ты расскажи, как все произошло, — осторожно попросила Лена. У нее оставалась маленькая надежда на то, что Николай не умер. Будто бы Саша Мирошниченко умер, а Коля остался живым. Чекисты ошиблись...

— Никто не знает, как это произошло. Милиция считает, что ограбление. Но какое может быть ограбление? Они же доклад готовили на конференцию. Саша говорил — подождем, еще не все доделано. Саша у меня такой обстоятельный, ты не представляешь.

Говоря так, большая, теплая, мягкая Тамара поставила чайник, достала из холодильника всякую обильную еду — она словно была рада, что нашелся желающий. И ее жизнь обрела какую-то видимость смысла.

- Они были здесь?
- Нет, в институте, чего им здесь делать.
Ах ты, вахтер, партизан!
- И что дальше?
- Ты пей чай. Ты поможешь мне на поминки все собрать?
- Что дальше?
- Не кричи на меня. А то я плакать буду. Дальше — дальше их убили.
- Обоих?
- Ты сумасшедшая, да? С чего ты решила, что одного убили? Моего?
- Извини.
- И ты меня извини, я тоже сумасшедшая стала. Мы же купили путевки в Анталию. Ты была в Анталии?
- И как это случилось?
- Никто не знает. Утром они не вернулись. Я проснулась, стала звонить. Охрана института ничего не заметила. Спали, наверное... Ленка, а вдруг это сами охранники?

— Нет, — сказала Лена. — А как их убили?

— Из пистолета. Смерть была мгновенной. Мне сказали, что мгновенной.

— И что взяли?

— Чепуху взяли. Хулиганы, наверное. Все побили, поломали, записки сожгли, исходные материалы — и те уничтожили. Ты представляешь, какое варварство. Убить людей из-за наручных часов и обручального кольца.

— Нет, — сказала Лена. — Дело не в часах, а в их работе.

— Ну ты как следователь Сергеев, — сказала Тамара. — Он меня достал. А кто из знакомых был в курсе их работы? Даже директора тягали, представляешь?

— Представляю, — сказала Лена.

— Пойдем тогда в морг, — сказала Тамара.

— Зачем?

— Меня пустят, я там всех знаю. Надо же с ними побывать. Раньше мертвец дома лежал, свечки горели, батюшка молитву читал, так все понастоящему. А они у нас голые лежат, замороженные. Ты представляешь?

Тут наконец Тамара расплакалась, и они обе поплакали. Напряжение спало, но в морг Лена не поехала — все равно завтра ехать.

Ночью она спала на диване, на котором, оказывается, последние месяцы спал Николай. Диван был теплый и вроде бы сохранял его запах. Лена давно отвыкла от Николая, от его запаха, от его тела, а сейчас стала тосковать, понимая, что

больше у нее никогда не будет своего мужчины, который может проснуться ночью и разбудить ее, потому что в нем возникло желание.

Утром она проснулась и не сразу сообразила, почему она здесь.

Тамара громыхала посудой на кухне — Лена поняла, что ей хочется разбудить квартирантку.

Но Лена лежала, не открывая глаз, — ее мучило что-то. Какая-то деталь.

Ее сумка стояла на стуле, возле дивана. Чекисты взяли паспорт, телеграмму от Тамары, но не взяли телеграмму Николая, потому что Лена о ней не сказала.

Лена тихонько открыла сумку, вынула телеграмму и перечитала ее: БЛЕСТЯЩИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ. ТРЕПЕЩИЕ НАРКОБАРОНЫ. ТЕРПИ. НЕМАЛО ВРЕМЕНИ ПРОЙДЕТ ПОКА ПОЛУЧИМ РАЗРЕШЕНИЯ И ТАК ДАЛЕЕ. ПОКА ЗАНАЧКА. ВОСКРЕСЕНЬЕ БУДУ ЖДИ. НИКОЛАЙ. НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ КАРМАНЕ.

Все в телеграмме было понятно — за нее бы чекисты полцарства отдали. Но одна фраза была непонятна. Для всех, кроме Елены.

«Пока заначка».

Глупая фраза.

Когда они были совсем молодыми и денег не хватало, у них был обычай заводить заначку. Получили какие-нибудь маленькие денежки, клали в заначку, как белка в голодное летнее время в опасении еще более голодной зимы.

Она встала, умылась, поела через силу, чтобы угодить Тамаре, потом позвонили чекисты — пора

ехать на опознание, словно можно подменить Николая. Потом поехала в морг, это было хуже всего — там пахло смертью и с ней разговаривали как с убийцей. Или ей показалось, что с ней так разговаривали.

Николай был совершенно чужой, это был не Николай, а тело Николая, она никогда его не обнимала. Она смотрела на Николая и думала, что он хотел сказать про заначку? Потом она вспомнила — заначка всегда лежала во внутреннем кармане Колиного пиджака.

Она вернулась домой, потерпела, пока Тамара наговорится и уйдет к себе плакать, спросила, остались ли от Николая вещи?

Тамара не удивилась и не оскорбилась. Она сказала, что все вещи Николая в чемодане, а чемодан в шкафу. Его чекисты обнюхивали.

Лена сразу увидела старый пиджак — он висел. Его забыли положить в чемодан.

Лена сунула пальцы во внутренний карман.

Там лежал небольшой толстый конверт.

Она вытащила его. На конверте было написано «заначка».

Лена даже улыбнулась. Так это слово прозвучало странно.

Тамара затаилась у себя.

Лена открыла конверт.

Там и в самом деле лежала заначка — сто долларов. Настоящая заначка, достойная мужчины. Но там еще было письмо Лене и пластиковый прозрачный пакет с желтоватым порошком.

Лена сразу положила конверт в сумку, а письмо прочла.

Ленонка, дорогая! Я тебя люблю, но это не имеет отношения. Нам удалось сделать больше, чем мы рассчитывали. Я придумал смешное слово «полицраз». Поппи — это мак по-английски. Правда смешно? Если ты найдешь эту занавеску, значит, меня нет в живых или что-нибудь еще случилось. Неприятное для меня. Ты уже не смеешься — ведь случилось, да? Я вообще-то большой трус. Даже палец боюсь обрезать. Наверное, потому, что был единственным ребенком у сволочи мамы. Надеюсь, она этих слов не увидит. Мы еще не проводили толком полевых испытаний — не вылезали из лаборатории. Сашка хочет сначала доклад, но и с докладом нельзя спешить. Мне кажется, что нас с тим пасут. Он вчера чуток под машину не попал. Нет, это даже смешно — таких, как мы, не убивают. Мы же никому не нужны, правда? Суть дела в том, что зараженные полицразом растения становятся сами источниками заразы — смерть мака явление лавинообразное, понимаешь? Лучше всего распылять. Дальше природа сама позаботится. Мы пошли работать, готовить доклад. Я все время встречаю человека лет сорока с желтыми глазами, как у кота. И с тим амбал. Они меня пугают. Хотя ничем не выказывают ко мне интереса — просто пасут или сами пасутся по соседству. Не знаю, что ты будешь делать с порошком, но за нас не беспокойся — мы оставили формулу и технологию в институтском сейфре,

и об этом никто не знает. По крайней мере, если что, то в институте продолжат. А тебе я оставлю полученнную нами дозу, если что-нибудь со мной случится, я тебя прошу — проникни к ним и зарази. Или найди человека, который этим займется. Твой любящий и глупый бывший муж Николай. Прощай, моя дорогая.

В конверте был еще листок. С инструкциями. Из глаз Лены лились безудержные, тихие слезы — она не плакала, нет, просто лились слезы. Потом она немного поспала. Проснувшись, она позвонила свекрови. Свекровь была недовольна.

— Лена, я буквально требую твоего немедленного возвращения! Я не нянька Борису!

— Где он?

— Он нагло ушел из дома, даже не спросил разрешения.

— Где он! Давно ушел?

— Еще утром — я ему не нянька, о чем официально тебя предупреждаю!

— Скоро приеду.

— Кстати, ты мне не говоришь, что с Николаем?

Лена не смогла ответить сразу. Она так надеялась, что свекровь забудет об этом спросить — о самом главном. А она не забыла. Насколько Лене было бы удобнее иметь совершенно бесчувственную свекровь... она такой ее и считала — почти.

— Николай умер, — сказала она, не заметив долгой паузы.

— Так я и думала, — сказала свекровь, словно Лена убила бывшего мужа.

Надо было спросить еще о Борисе, но язык не поворачивался. Она замерла у телефона — хоть бы линия сломалась!

— Под машину попал? — спросила свекровь. — Я всегда этого боялась. Ты уж займись похоронами, я тебе компенсирую расходы.

— Я сегодня приеду, — сказала Лена.

— Лучше оставайся с Колей, — возразила свекровь. — Он больше нуждается в твоей помощи, чем я.

— Нужно найти Бориса, — сказала Лена.

— Ничего с ним не случится.

— Но вы же знаете!

— В этот скорбный момент мы должны все думать о Коле, — сообщила свекровь.

Прости, Коля, сказала Лена мужу. Она с ним говорила долго, ей казалось, что он отвечал ей и даже иногда спорил. Но Коля был с ней согласен: сейчас важнее всего — Борис.

Лена просидела в комнате, пока Тамара не ушла в морг — в ней жила необоримая тяга к моргу — она там была ближе к своему Сашеньке. Как будто он еще не совсем умер.

Потом она осмотрела пакет.

Пластиковый пакет, скользкий, порошок кажется тяжелым, словно это золотой песок. Лена никогда не держала в руке пакета с золотым песком, но в свое время читала Джека Лондона.

Поверху пакет был оклеен скотчем. Лене захотелось понюхать порошок. Что с ним делать? Отдать директору? А что, если он тоже на содер-

жании у мафии? Она слышала, что теперь даже научные институты имеют крышу — люберецкую или тульскую, — все делятся.

Может, директор и организовал это убийство? Лена была уверена, что убили друзей наркоманы или наркодельцы. Испугались и убили. А виновата в этом она — ведь это она толкнула Колю на то, чтобы он занялся попифагом. И она не проследила — первые бумаги попали к Аскольду. Вот и теория. Можно идти в милицию. При условии, что милиция не находится на иждивении у Аскольда. Появилась цепочка: директор — Аскольд — милиция — мафия... Бред какой-то.

Никому она порошок не отдаст. Наверное, сама решит или обстоятельства за нее решат.

Она не посмела положить пакет в сумку. Ей уже начали мерещиться убийцы. Она даже подошла к окну, как делают в американских криминальных фильмах.

За окном был двор. В нем росли тополя, вдали была площадка, на которой сидели мамаши и возились в песочке дети, пользуясь передышкой в дождях. Недалеко от подъезда стояла машина — джип, из тех перегруженных металлом сверкающих монстров, которых и допускать до честной фермы не хочется.

Вот эта машина моя, подумала Лена.

Теперь надо было выйти из дома черным ходом и пробежать на соседнюю улицу. Но в доме нет черного хода. Товарищ Хрущев не позабылся о черных ходах, наверное, гебисты не велели.

А куда предусмотрительная женщина прячет пакеты с порошком, из-за которого убили ее бывшего мужа? Потребовалось минут пять, прежде чем она отыскала решение.

Спрятала.

И вышла на улицу.

Никто не обратил на нее внимания.

В джипе никого не было. Проходя мимо, Лена дотронулась до радиатора, радиатор был холодный.

Лена дошла до автобусной остановки. На остановке не было ни одного человека. Машины не проезжали. Она дождалась автобуса. Народу в нем было немного. Водитель открыл двери. Лена взялась за дверь и поднялась внутрь — тут же оттолкнулась от автобуса и подняла руку:

— Передумала! — крикнула она, чтобы водитель услышал. Водитель, может, и услышал, а может, нет. Автобус уехал. Лена пошла обратно, но не прямо к дому, а к детской площадке, где села на скамейку и просидела минут десять рядом с дремлющей бабкой. Порой ребеночек побегал к ней, дергал за рукав. Не открывая глаз, бабушка доставала из кармана плаща конфету и совала ребенку, тот бежал к песочнице. Однажды он решил схитрить, а может, его друг проявил инициативу. К бабке подбежал другой мальчик. Дернул ее за рукав и получил конфетку — где-то она читала об этом. Кажется, муравей несет что-то сладкое, другой муравей щекочет несугна уси-ками, и тот отрыгивает сладкую добычу.

Подбежал настоящий внук, дернул бабку, но конфеты не получил.

— Нельзя так часто, — сказала бабка, — вредно для здоровья.

Малыш тут же открыл рот, чтобы заплакать, и получил свою конфету.

Никто не следил за Леной. Это точно.

Лена вернулась в подъезд, поднялась на третий этаж и на лестничной клетке вытащила из-за батареи пакетик с поппифагом.

Сунула его в лифчик, то есть за корсаж, как делали героини Дюма.

Теперь уж пришлось ждать автобуса полчаса, и он пришел, набитый людьми. Поездка ждала долго, и он тоже был полон. Домой приехала вечером, нервно усталая — она уже не ждала ничего хорошего.

Дом был пуст и холоден. Свекровь даже не приходила сюда — потому что посуда, вымытая Леной перед отъездом, стояла на тех же местах, если не считать стакана, наполовину полного чаев, — это завтракал Боря.

Лена спрятала пакетик и пошла в кафе — ну куда ей еще идти? У дверей стоял Буреев. Был десятый час, изнутри доносились музыка.

Буреев не поздоровался. Отвернулся.

— Вы что? — спросила Лена. — Почему вы не хотите разговаривать? Что-нибудь случилось?

Буреев все равно не ответил. Не замечал. Лене и без того было плохо, а сейчас она поняла — Борю убили. Или посадили в тюрьму. А в тюрьму

ему нельзя, потому что ему нужна диета, у него живот разболится. Разве они не понимают, что человек болен гепатитом?

Она вбежала в кафе. Там было тесно. На ма-хонькой эстраде, похожей больше на стол для пинг-понга, не своим голосом кричал в микрофон случайный певец. Когда подошел Аскольд, она спросила:

— Это называется караоке?

Ничего глупее она в жизни не говорила — на-верное, от страха.

Но Аскольд понял, спрятал свои желтые глаза.

— Вы давно приехали? — спросил он.

— Только что с поезда.

— Мужа похоронили?

— Нет, его будут хоронить позже. Там вскрытие... — Она набралась смелости. Аскольд говорил обыденно — все еще могло обойтись. — А что с Борей?

— Никого у вас дома нет?

— Нет. И его нет. Я свекровь просила, но вы же знаете...

— Не имею чести. И вы прямо сюда?

— Куда же еще?

— Тогда поезжайте в больницу, — сказал Аскольд. — Может, успеете.

— Что успею?

— Он без сознания. В коме.

— Ну да, конечно...

— Я не уследил. Он принял слишком боль-шую дозу, а для его организма это смертельно.

Для другого, понимаете, еще не так трагично. А для него смертельно.

— Нет! — закричала Лена, и Аскольд потащил ее наружу, ему помогал Буреев, она не понимала, что происходит и куда ее ведут, она кричала: — Я больше не могу!

Аскольд, единственный там, понимал, что она потеряла сразу мужа и сына подряд и этого вытерпеть невозможно. А для Лены все концентрировалось в образе морга — она не могла снова уйти в морг, она о себе думала, хотя и этого не понимала. Боря еще был жив, и она шла к нему в больницу, хотя ее к нему и не подпустят, но она уже думала о морге.

Через неделю Аскольд, которого звали Иваном Тимофеевичем, хотя и это не настоящее его имя, докладывал своему начальству о ситуации в городе Веревкине, одном из незаметных, но важных центров всемирной торговли наркотиками. То, что в том городе жил Николай, что ему, Аскольду, очень нравилась сухая, быстрая и несчастная Елена, учительница физкультуры во второй школе, начальству знать не полагалось, и знало ли оно об этом на самом деле, Аскольд не догадывался. Дело в том, что порой начальство тоже предпочитает не раскрывать пределов своих знаний — идет соревнование обманщиков. Но что такое разведка? Это и есть соревнование обманщиков.

— Что вы думаете, Иван Тимофеевич, — мягко спросило начальство, — о судьбе опытов Николая... как его там?

Аскольд не стал запираться — он догадался, о каком Николае идет речь, и начальство знало, что он догадался.

— Лаборатория уничтожена, образцов вещества не найдено. Но главное — опыты прерваны. Документация изъята из сейфа и изучается.

— Подозреваемых нет?

— Этим занимается милиция, — сказал Аскольд, и начальство кивнуло, потому что знало об этом раньше Аскольда и лучше Аскольда.

— Несчастная женщина, — сказал Аскольд. — Как человек и чекист я не могу ее не жалеть. Такой будет несчастий.

— Я всегда выступал и выступаю против разводов. Ребенок, лишившись в детстве отца, растет психически неполноценным. Три четверти подростков-наркоманов — плоды неудачных браков, Иван Тимофеевич.

— Но в чем вина этой женщины?

— В том, товарищ полковник, что ни один здравомыслящий мужчина не покинет свою семью без уважительных причин. Эта причина, — начальство взяло с полированного стола остро заточенный карандаш и направило его конец в глаз Аскольду, — может заключаться в личной нечистоплотности супруги, в отсутствии правильного питания и распорядка дня. Да что вам говорить, вы же сами, полковник, разведены... к сожалению.

— У меня другое дело.

— Знаю, знаю... и знаю при том, что других дел не бывает. Вот так-то, голубчик.

Стороны остались на своих позициях.

В заключение беседы Ивану Тимофеевичу приказали продолжать контролировать мафию в Веревкине и Тульской области, а также не спускать глаз с Елены, потому что она находится в тревожном и нервном состоянии, и никто не знает, успел ли ее бывший муж чем-либо поделиться с бывшей женой. Как сказало начальство на прощание? «В нашем деле самое опасное — дилетанты, то есть любители».

Через две недели после похорон к Елене пришел директор. У Лены не было к нему претензий, потому что школа оплатила похороны, все пришли на кладбище, но поминок Лена устраивать не стала. Впрочем, некоторые ее понимали, а другие осуждали, потому что надо соблюдать народные традиции.

Директор пришел и сказал:

- Пора за работу приниматься. Не может больше школа без физкультурника.
- Я думала, что вы уже нашли.
- Где у нас найдешь, за такую зарплату. Поработай...
- Я хочу уехать из Веревкина.
- До каникул, до Нового года поработаешь, и я тебя отпущу.
- Может, не дотерплю.
- Да ты выйди, нельзя дома сидеть. Помрешь с тоски.

Директор ушел, добившись от нее обещания заглянуть в школу. Лена пришла, все делали вид,

что она болела ангиной, потому пропустила несколько уроков. Даже в зале дети делали вид, что ничего не случилось. Странно, почему вдруг распространяется такой гуманизм... тактичность? Откуда это?

Лене было приятно осознать, что она помнит учеников по именам.

Недели в школе как раз выпали на период ожидания.

Лена сдала анкету и фотографии — она хотела получить иностранный паспорт. К счастью, в Веревкине нет ОВИРа и ездить надо было в Тулу. А то бы в городе все уже знали, что, не успев похоронить близких, эта женщина собралась в круиз!

К тому же надо было заказать билет. И не просто билет, а сделать это через туристическое агентство. Ведь если она прилетит в Таиланд, то она даже не знает, в какую гостиницу ехать.

Вечерами Лена занималась английским языком — сама, с пластилнками, которые остались от попытки сделать из Бори джентльмена. И конечно же, она изучала географию. На уровне университета. Географию Юго-Восточной Азии. Так называемого Золотого треугольника.

Это местность, расположенная рядом с Бирмой, которую правящие там генералы велят всем называть Мьянмой, что могло бы быть даже смешно. Представляете, что англичане вдруг заставят нас именовать их страну «Грейт Бритн». Иначе разорвем с вами всякие отношения!

С Бирмой граничит страна Лаос, которая было построила социализм, но вроде потом отказалась и теперь живет мирно и прилично. Наконец, к этому треугольнику примыкает и Таиланд. Там, на стыке трех стран, лежат горы, где нет государственной власти, а правят только местные вожди и бандиты. Они контролируют все посадки опиумного мака и его переработку в опиум. Есть у них и настоящие фабрики, где опиум переплавляют в героин, потому что героин настолько концентрированный наркотик, что его можно привезти в кармане и погубить сотню таких мальчиков, как Боря.

Вот туда Лена и собралась.

Она не стала оставлять в ОВИРе открытку, бошась, что перехватит Александра Ивановна или кто еще из любопытных почтарей. Раз в неделю она звонила туда, и невежливая девочка сначала отказывалась смотреть, не поступило ли ее дело, но потом соглашалась и говорила, что не поступило. Когда же она сказала, что документы пришли, Лена так удивилась, что стала переспрашивать. Девочка сказала что-то обидное и бросила трубку.

После уроков Лена поехала в Тулу, еле успела до закрытия и вымогила у девочки, оказавшейся некрасивой и очкастой, свой паспорт, хотя другим она отказалась.

На следующий день Лена сказалась больной, си не терпелось, она с первым же поездом поехала в Москву.

На вокзале в Москве ей почудилось, что за ней следят.

Она не стала рисковать, а села в такси, которое в Москве очень дорого стоит, и велела ехать в Библиотеку иностранной литературы. На ходу придумала.

Возле библиотеки, скучного здания между улицей и набережной Яузы, она увидела скверик, совсем пустой, на холме. Она велела таксисту остановиться возле него, забралась туда, села на пустую лавочку и стала смотреть на высотку на Котельнической и кинотеатр «Иллюзион».

Оказалось, что на этот раз предчувствия ее не обманули.

Через две минуты возле библиотеки остановилось такси — из него вышел парень со скошенным подбородком. Здравствуйте-пожалуйте, давно не виделись!

Как же он выследил ее? Неужели они в нее вкололи какой-нибудь препарат или маячок? При современной науке это вполне возможно.

Ее выследили по номеру такси. Такси было с радиотелефоном, и Скошенный подбородок заметил, как она садится в машину. Из другого радиотакси за десяток долларов узнали, куда повезли клиентку — к Библиотеке иностранной литературы.

В библиотеке Лену не нашли. Скошенный подбородок вызвал подмогу, обыскали «Иллюзион» и окрестные дворы, проехали по набережной Яузы.

Когда Скошенный подбородок вошел в библиотеку, Лена выбралась из скверика и через дво-

ры старинной больницы на улице Радищева выбралась в тихий переулок. Потом поехала в агентство. Агентство она отыскала через газету, там продавали дешевые билеты и индивидуальные путевки. Дама с волосами цвета Красного дерева была любезна, но равнодушна.

Домой Лена возвратилась к вечеру.

Она не скрывалась, и они ее подхватили на вокзале. Там дежурили сотрудники. Они вели ее до дома в Веревкине. Но это уже не играло роли. Ни для нее, ни для ФСБ.

Лена подготовила версию: ездила в Москву заниматься английским языком в библиотеке. С детства она увлекается иностранными языками, а теперь подумывает изменить Родине.

Аскольд пришел к ней на следующий день, в четыре, после уроков.

Было еще совсем светло, и поэтому Лена открыла дверь, не спросив, кто там. Она думала, что соседка или почта.

Оказалось — главный бандит.

Конечно же, Лена не подозревала, что Аскольд, он же Иван Тимофеевич, — полковник госбезопасности, успешно внедренный в наркомафию Веревкина, волею судеб попавшего в самое сердце мировой сети продажи и транспортировки наркотиков. Лена думала, что он бандит, и относилась к нему как к бандиту. И сейчас, когда увидела его перед дверью, испугалась его как бандита, хотя, может быть, она бы испугалась еще больше, если бы догадалась, что он чекист.

— Только не закрывайте дверь, вы можете прищемить мне нос, — пошутил полковник. — Я к вам на минутку. Просто хочу узнать, как живете.

— Я не хочу с вами разговаривать.

— Клянусь вам, что не имею никакого отношения к смерти вашего сына. Я делал все, чтобы его спасти.

— Мне все равно.

— Да вы не бойтесь. — Аскольд как-то ловко отстранил ее и проник внутрь квартиры. Он прошел на кухню, будто знал расположение комнат, бывал здесь раньше, и Лена подумала — он уже меня обыскивал.

Аскольд уселся за покрытый kleенкой стол, за которым уже никогда не будут сидеть ни Николай, ни Боря, и попросил чай.

Лена даже не сделала никакого движения. Хозяйка всегда автоматически делает движение к плите.

— Не буду навязываться, — усмехнулся Аскольд. Лена никогда не имела возможности рассмотреть своего главного врага на свету и сейчас удивилась тому, что он куда старше, чем ей казался: у него была кожа как скала на ветру — она осыпалась и вся была в трещинках.

— Как вы намереваетесь дальше жить? — спросил Аскольд. — Не может быть, чтобы вы не строили планов.

— Я уеду отсюда, — сказала Лена. — До каникул доработаю, а потом уеду.

— В Москву или к родственникам в Курскую область?

Аскольд показывал, что от него нигде не скроешься.

— В Москву, — сказала Лена.

— Но надеюсь, что никаких глупостей вы не придумали?

— Нет, не придумала.

Она даже не улыбнулась.

— Учтите, я держу вас под контролем.

— Вот спасибо!

— Не иронизируйте. Мне еще не хватало глупостей. Кстати, вы не нашли тогда никаких записей Николая?

— Вы же знаете, что я ничего не нашла. И даже не искала. Мне было не до этого.

— Стараюсь поверить. Но так трудно верить людям. Знаете, кто лучше всего лжет? Те, от кого этого не ждешь.

— Если вы все сказали, то уходите. Мне никогда.

— Сериал смотрите?

— Уходите.

— Только два последних вопроса. Первый — вы разрешите позвать вас в кино? Нет, не сегодня и не здесь. Мне хотелось бы... можно на концерт. Вы не спорьте. Вы мне очень нравитесь.

Лена отвернулась к окну и спросила:

— А второй вопрос?

— Куда вы вчера ездили?

— В Москву.

— Конкретнее.

— Не ваше собачье дело, — сказала Лена.

— Как грубо.

— И если вы сейчас не уйдете, я открою окно и буду кричать, звать на помощь. Вам это нужно?

Аскольд поднялся, посмотрел ей в глаза, поймал взгляд.

— Вы не шутите, — сказал он. — По крайней мере у вас есть характер.

— И какой! — проговорила Лена. Этого не надо было говорить.

— Не удивляйте меня, красавица, — сказал Аскольд.

И он покорно ушел. Лена из окна смотрела, как он пересек двор, как остановился, обернулся и помахал рукой: был уверен, что она смотрит вслед.

Лена даже отпрянула от окна, и ей показалось, что она слышит его смех.

Через неделю она получила билеты — ей дал их в агентстве очень толстый предупредительный молодой человек по фамилии Домашник. Он рассказал ей об опасностях, которые поджидает в Бангкоке молодую привлекательную женщину. Он никак не мог взять в толк, какого черта Лена прется в Таиланд, да еще по индивидуальной путевке, когда есть такие чудесные для отдыха места, как Антalia или Канарские острова. К тому же он уже знал, что Лена — учительница физкультуры из Веревкина Тульской области, следовательно, до каникул ей положено учить детей кульбитам и прыжкам. Странные времена, обрушившиеся на

Россию, родили множество странных людей. Их плодили деньги, упадок порядка и анархистские устремления наших сограждан, которым даже в сне не положено было иметь таких устремлений. А так как Саша берег свое место и опасался крашеной наглой бывшей профсоюзной деятельницы командирши агентства Лили, то он и не задавал Лене лишних вопросов, чего она так боялась. Поняв, что вопросов не будет, Лена прониклась к Домашнику симпатией.

К билетам был приложен путеводитель по Бангкоку, небольшой и не очень полезный, если ты не намерена развлекаться и скучать разные вещи. Но Лена за последние два месяца достаточно вспомнила английский, чтобы разобрать книгу о Таиланде на английском языке, которую взяла в Библиотеке иностранной литературы, к тому же она купила и прочла несколько плохо изданных монографий, созданных сотрудниками Института востоковедения, — о студенческих движениях, о генералах, о королях и сельском хозяйстве той страны.

Как ни странно, она рассчитывала на помощь тайцев. Она смотрела по телевизору английский сериал «Хилтон—Бангкок» о том, как невинную девушки подставил коварный возлюбленный, и ее взяли, когда она вывозила из Таиланда наркотики. Она не поняла в сериале главного: за что девушку собираются казнить, если она ничего плохого в страну не ввела, а только вывозила. Вроде бы это забота ее собственной страны. Но

сериал убедил Лену, что тайские власти по одну с ней сторону баррикады.

Директор школы был расстроен.

— Ну подождала бы до января — съездила бы куда хочешь на каникулы.

— Ничего не могу сделать, — искренне отвела Лена. — Я хотела бы вам помочь, но не могу.

— Так почему же, несчастная душа?

Лена вспомнила старую книгу, «Тиль Уленшпигель», она плакала, когда читала ее в детстве.

— Пепел Клааса, — сказала она, — стучит в моем сердце.

— Ага, — согласился директор. Подчинился тону, а книжку вряд ли вспомнил.

Она нарочно сказала директору, что уезжает на два дня позже, чем собиралась в самом деле. Она понимала, что Аскольд и другие бандиты за ней следят. Чего-то боятся, тем более если это они убили Николая. А следствие по его делу не то чтобы закрыли, но фактически прекратили. Мало ли людей убивают в наши дни? А если он ученый, а не торговец? У нас и ученые не застрахованы. Может, у него ценные металлы в лаборатории хранились?

Это сказал следователь Сергеев.

— Вы знаете, что их не было, вы наверняка проверили.

— Может, и проверил. Но допускаю, что он их изготавливал.

— С ума сойти! В биологической лаборатории!

— Вы, может, и не знаете, гражданка свидетельница, но ваш бывший муж занимался не боль-

ше и не меньше... — тут следователь вперил в нее взгляд незначительных глаз и понизил голос: — как наркотиками! Секретными делами. Значит, у него они хранились. **А** их нет.

— Почему вы думаете, что они хранились?

— По самой простой причине. Если у тебя научная тема по биологической борьбе с посевами наркотических растений, — тут следователь вообще перешел на трагический шепот, — то тебе нужны вещества, с которыми ты борешься. Я же не могу допрашивать свидетелей, если свидетелей не имеется, понимаете?

Он был неумен и потому всех вокруг считал дураками — так ему было легче жить.

У следователя даже не было идеи, что же случилось в лаборатории. А может быть, он работал на двух работах — служил Отечеству и Аскольду. Думая так, Лена, конечно же, не подозревала, как она близка к истине. Ведь будучи чекистом, Аскольд представлял интересы государства. Следователь, даже если полагал иначе, служил тому же вездесущему господину.

Следователь делал вид, что в чем-то Лену подозревает, даже выяснял, что она делала в тот день и кто может это подтвердить. К счастью, она в тот день была в школе, и когда сказала об этом следователю, он расстроился, но отвязался. И хорошо, что отвязался и не узнал, что Боря болен наркоманией. Иначе она стала бы главной подозреваемой.

Лена вышла в шесть часов, к ранней электричке, уверенная в том, что все бандиты еще хра-

пят. На всякий случай в Москве она путала свои следы, а чемодан сдала в камеру хранения, но ~~но~~ на своем вокзале, а на другом.

Часа два она просидела на ветру в парке, в садике, который ей понравился еще в прошлый раз, возле Библиотеки иностранной литературы, в аэропорт Шереметьево она приехала заранее, но и там никого подозрительного не заметила.

Самолет был полупустой, туристы, какие-то иностранцы... Чего им у нас делать! Все равно долгов мы не отдадим. Лена читала книжку на английском языке и от волнения ничего не понимала. О, если бы знать, что ей предстоит, она бы наверняка зубрила английский с утра до вечера. Но разве увидишь свое будущее? Она была звездой в школе и даже звездой в юношеской сборной. А теперь кто? Озлобленная, выгоревшая изнутри уродина. Как рыба кета, которая идет на нерест и знает (если у нее в голове может уместиться такая простая мысль), что с нереста она уже не вернется. Ей остается мечтать и молиться, чтобы хоть одна из ее икринок достигла моря и выросла, а потом ушла на нерест.

Она совершенно не представляла себе, каким образом доберется до опиумных плантаций. Но была уверена, что это сделает. Даже не сомневалась.

Летели слишком долго, Лена никогда так долго еще не летала, покормили, потом все спали. Самолет прилетел к вечеру, и когда открыли двери, в самолет ворвалась волна внешнего воздуха совершенно особенного воздуха. Если смотреть

иллюминатор, то все аэродромы кажутся одинаковыми и ты не подозреваешь, что воздух здесь совсем другой.

Он был теплый, вечно теплый, и потому запахи спокойно существовали в нем, раскинув ручки и ножки и не боясь, что их выкурят морозом или велят убираться. Запахов было много, и они создавали сладкую, даже приторную симфонию. Лена слышала, что некоторые композиторы считают, что звукам соответствуют цвета, и Скрябин даже писал целые симfonии, которые играл, а над роялем зажигались лампочки. Ему бы в Таиланд, он бы нанюхался и не такое написал!

Таможенник улыбнулся и не стал смотреть вещи. Лена немного боялась, не подложили ли ей наркодельцы героина в сумку — с них станется, особенно если они тоже смотрели английский сериал.

Улицы вблизи аэродрома были тесные, набитые машинами, к запахам аэродрома прибавилась вонь большого города, но сладость и пряность не исчезли.

Гостиница снаружи была современной, но ничего особенного, внутри ее встретили поклонами и улыбками, словно она была американской миллионершей. Лена подумала: «Как здорово, что я уговорила Сашу Домашника забронировать мне гостиницу, в которой русские не живут». Лена только по рассказам знала, что русские, как вырвутся на волю, бросаются покупать что подешевле. Правда, это мнение частично устарело, пото-

му что теперь появились русские, которые спешат побольше истратить. Наверное, потом, бедолаги, приносят в себе СПИД-инфекцию и помирают... а разве нам лучше?

Лене еще не приходилось бывать в таком чистом и благоустроенном номере гостиницы. Она вообще, как и положено русскому человеку, в гостиницах не бывала. Да и попробуй устройся в гостиницу в старые времена! Ищешь родственников или знакомых, а им тоже не радость принимать гостей в двухкомнатной хрущобе.

Лена попробовала горячую воду — не может быть, чтобы она шла! Должно быть, отключили на самый жаркий месяц. Ничего подобного, вода шла. Да и в самом номере было не жарко, кондиционер работал бесшумно, видно, централизованная система.

Лена вымылась — так приятно после дороги! Потом открыла свои справочники — ее основной багаж, если не считать белья. Белья она взяла побольше, неизвестно еще, удастся ли вовремя постирать.

Перед Леной было две возможности: отправиться по городу погулять, посмотреть, как живут эти тайцы, или сразу же искать билеты на север, чтобы не терять ни минуты.

Разумеется, Лена была полна решимости любой ценой выполнить завещанное Николаем и отомстить врагам, безликим, если не считать Аскольда, и потому еще более страшным и всесильным. Но если тебе куда меньше сорока и в иной

ситуации ты бы сутками не спала, рассматривала таинственный город, то совсем ничего не увидеть, даже если близка твоя смерть, невозможно.

Лена решилась на компромисс.

Она тихонько спустилась вниз и вышла на улицу. Она отправилась пешком в контору Тайских авиалиний на Праджипатаи, дорогу туда она выучила дома, по плану Бангкока, который, оказалась, соответствовал правде.

Вряд ли кто-нибудь в отеле заметил ее уход, потому что в те минуты в просторный холл ввалилась толпа немецких туристов с такими большими и тяжелыми чемоданами на тележках, что все внимание гостиничных служб было приковано к этим новым гостям.

Лена шла быстро, хотя было жарко, и ей казалось, что она гуляет не спеша. Она только один раз спросила дорогу у пожилой женщины, которая показалась ей доброй. Она читала, что мужчины в Таиланде плохо, то есть неуважительно относятся к одиноким женщинам, даже иностранкам. Раньше они думали, что белые женщины — это как бы существа из другого мира, а теперь поняли, что белые женщины не отличаются от своих. Тем более женщины из России. Они были доступны и дешево стоили. Некоторые даже стали работать в публичных домах и стриптизах. Так что если хочешь, чтобы местные не распоясывались, веди себя недоступно.

Народу на улице было много, европейцев она не встретила — чужие запахи, чужие слова, как

будто люди не говорят, а притворяются людьми. Лена прижимала к груди сумку, в которой были все ее ценности — документы, деньги и разведененный порошок, разлитый в несколько флакончиков из-под валерьянки. Так было надежнее. Там лежала и записка от Николая с инструкциями; конечно, ее давно надо было сжечь и прах развеять по ветру — но Лена не смогла, Николай словно разговаривал с ней оттуда. Стеснялся, что находится в таком виде, в смысле мертвый, но что поделаешь — он же не виноват?

Она почему-то представляла себе, что агентство будет прохладным, солидным, с мягкими креслами и столиками. Но там было, как у нас в областном центре, жарко, под потолком поскрипывали фены, небольшая очередь у окошеч, где билеты на внутренние линии. Лена купила билеты туда, но не стала покупать обратный билет, хоть это было дешевле — она же не знала, где и когда она отыщет свои маковые поля. Она взяла билет до Чиангарае, это город на севере, откуда можно добраться до границы. Ей нужны приграничные районы — Золотой треугольник, это место, где сходятся границы Бирмы, Таиланда и Лаоса, самые дикие места, горы, водопады и горные племена. Ну, вы знаете, вы читали. Там правят жизнью местные наркобароны. Они игнорируют местные законные власти. Лена подозревала, что все не так просто, тем более со стороны Таиланда, который борется с наркотиками. Но самой понять можно будет только на месте.

Лена потеряла в кассе около часа и была довольна тем, что сама разобралась в расписании и получила тот билет, который хотела. И у нее еще осталось достаточно долларов, чтобы добраться до границы и оттуда — домой. И еще кое-что купить для Борьки.

Она чуть не заревела, когда поймала себя на такой простой и банальной мысли. На ужасной мысли. Ей показалось, будто Борис жив.

На улице стемнело — быстро неслись грозовые тучи. Стало очень душно и мрачно. Люди поспешили скорее закончить дела и спрятаться от дождя.

Как же так — в это время года дожди уже кончаются. Наверное, это связано с общими изменениями в климате. Вот спросить бы сейчас вон того странного человека в черном костюме и галстуке с маленькими слониками, что он думает по поводу этого дождя, и он ответит — природа совсем с ума сошла. Это все атомные испытания и промышленность. Наверняка у них такие же газеты, как и у нас. И тоже пугают.

Когда Лена вернулась в гостиницу, немцы уже рассосались по номерам и их место заняла одна большая европейская семья — там было столько детей, мужей, жен и любовниц, что казалось — это целый автобус из одного города — все были похожи друг на друга. Говорили они по-французски и могли быть французами.

Лена на всякий случай не оставляла ключа у портье, чтобы не привлекать к себе внимания —

в конце концов, ее могли выследить в Москве, если у них на аэродроме были свои информаторы. А почему бы и не быть? Аэропорт — самое удобное и нужное место для наркобаронов. Это их храм.

Лена обошла французскую семью, которая галдела, как возбужденный и даже озлобленный пчелиный рой. Она поднялась на третий этаж на лифте, который как раз стоял внизу с открытыми дверями.

Все складывалось как нельзя лучше.

Но так нельзя думать, особенно если ты находишься в сложном и опасном положении, особенно если ты совсем одна на свете.

В коридоре горел яркий свет, ковер под ногами был мягким, розовым, хорошо очищенным — от него даже пахло шампунем.

Лена стала отпирать дверь, а дверь не отпиралась — почему-то ключ не хотел поворачиваться. Ей бы уйти, а она продолжала упрямо бороться с ключом, злясь на него и на тайцев, которые не умеют делать нормальные ключи.

В конце коридора показались первые из французов, коридор откликнулся на их появление эхом. Лена с горя толкнула дверь, и дверь открылась. В комнате было очень светло — она еще утром подняла жалюзи, и солнце светило, как на веранду. Но окно было закрыто, потому что работал кондиционер.

Лена шагнула внутрь.

Из коридора несся семейный французский гул.

Кто-то толкнул Лену так, что она чудом не упала — а может, не толкнул, а ударил, но, видно, сам был растерян и разозлен французским нашествием и спешил уйти. Этот человек — Лена от неожиданности не успела разглядеть его — дернулся за сумку, но она крепко ее держала.

Дверь хлопнула. Лена стояла, опершись о стену спиной, комната была разорена, перевернута, растерзана до ниточки.

Лена совсем не испугалась.

Она была к этому готова, хотя не знала, конечно, в какой форме проявятся ее враги. Но они должны были проявиться.

По крайней мере теперь не на что надеяться.

Надо бежать.

Лена не стала трогать чемодан. Она положила в свою сумку нижнее белье, шампунь, крем, еще какие-то мелочи.

Человек, который искал средство Николая, был уверен в себе, ничего не боялся, и если бы не эти шумные французы, может быть, теперь ее и на свете уже не было. А может, ему не велели ее убивать, а только отыскать поппифаг и бумаги.

А может, это был русский? Тайцу труднее разобраться в наших бумагах.

Лена посмотрела на часы.

Она в номере три минуты. Это правильно. Больше у нее времени нет.

Лена вышла из номера, закрыла за собой дверь и взяла ключ, который, впрочем, никому не был нужен — эти люди умеют входить в номера без ключей.

Она спустилась по лестнице и остановилась на последнем пролете, глядя вниз, в холл.

Впрочем, что она может понять? Разве этот бой в мундирчике не может быть их агентом? Или носильщик постарше, тоже в мундирчике? Или сам портье? Или вон тот турист, который читает газету?

Никакой группы возле стойки не было — но ждать нельзя.

В приключенческих романах героиня пробегает подвалами и через кухню, потом через задний ход... но откуда Лене знать, где здесь задний ход и где кухня?

Ничего не оставалось, как спуститься по лестнице.

Никто не обратил на нее внимания. Если не считать отколовшегося от французской семьи длинного подростка с блудливым взором, который смотрел на ноги Лены. Ноги у нас красивые, пускай смотрит. Вряд ли они купили такую большую семью. Вернее всего — это личный интерес.

Лена даже нашла в себе силы вежливо улыбнуться сорванцу, хотя не была уверена, получилась ли улыбка лучезарной.

Ну что ж, сумка через плечо, босоножки, лучезарная улыбка — мы отправились в музей.

Главное — не задерживаться. И не смотреть, какая машина за тобой двинется по улице.

Для этого надо повернуть налево — тут широкий пешеходный проход, крытый, и сейчас по стеклянной крыше молотит густой дождь. Наро-

ду здесь немного, но впереди улица, по которой течет густой поток тайцев.

Только не надо оборачиваться, Елена! Если они за тобой идут, тебе все равно не убежать.

Лена увидела открытую дверь в магазин, который торговал сувенирами. Там были медные фигурки, длинные гнутые металлические курительные трубки, кривые кинжалы и всяческая чепуха, на которую Лена и не посмотрела бы в нормальном состоянии. Хотя, может, кинжал пригодится?

Она попробовала кинжал. Он был или из цинка, или из алюминиевого сплава, даже муху им не убьешь. Изящная женщина, даже в полутьме видно, как она накрашена, чтобы скрыть следы бурной молодости, подошла поближе, как заговорщица. Она посмотрела на Лену и сказала:

— Нет, вам это не подойдет. Вам нужен настоящий крис, чтобы его убить.

Лена поняла шутку и тоже улыбнулась.

Хозяйка отошла на несколько шагов. Она не хотела мешать.

Лена не удержалась и посмотрела сквозь витрину. Никто не заглядывал снаружи.

Это было отвратительно. Ну хоть покажитесь! Я хочу знать, кого мне бояться.

Никто не смотрел на витрину. Преследователи таились где-то поблизости.

— Спасибо, — сказала Лена.

Она вышла наружу. Дождь перестал молотить по стеклу, и небо стало голубым.

Лена пошла на соседнюю улицу. Она встала на краю тротуара, и когда такси притормозило,

приглашая ее сесть, она отмахнулась от него. Где-то она читала, что разведчик никогда не садится в первое такси — ни на стоянке, ни на улице.

Второму такси, которое и не собиралось останавливаться, Лена помахала сама и быстро влезла внутрь. Такси было старым, сиденья кожаные, потертые, не совсем чистые, пахнет жареным салом и одеколоном. Толстая спина шофера в футболке покачивалась в ожидании.

— Аэропорт, — сказала Лена. — Дон Маунг. Хау маch?

— Три хандред батс, — сказал шофер.

— Уан хандред, — сказала Лена, хотя ей хотелось согласиться — только бы он помчался. Но согласиться на бессмысленно высокую цену тоже нельзя — потеряешь лицо.

— Но гоинг, — сообщил шофер и сделал вид, что открывает дверь машины, предлагая Лене выйти.

— Уан фифти, — быстро сказала она.

— Ту фифти.

— Ту хандред, — сказала Лена окончательно.

— Ту хандред, — согласился водитель. Он обернулся, лицо было круглым, как спина, только без футболки. Лицо было добрым и красивым. — Ту хандред, — повторил он снова, как бы колдую и не веря пассажирке.

Лена знала, что больше полутора сотен давать не следовало.

Но она спасла лицо.

Машина ехала ни шатко ни валко — еще не наступил час пик, и только взбираясь на эстакады между бесконечными строительными пло-

щадками, такси застревало в потоке других машин, автобусов и мини-такси, переделанных из мотороллеров, — тук-тук, так они назывались.

Время от времени Лена оглядывалась. Но разве поймешь, следят за тобой ли нет? Сначала ее встревожила красная машина с открытым верхом. Водитель был в черных очках и желтой майке с черным драконом. Но потом машина куда-то свернула. Сзади пристроился автобус.

До аэропорта добрались за час.

Стойку Лена нашла быстро, зарегистрировалась, а потом отошла в тень, издали глядя на других пассажиров. Но ничего не смогла понять.

В самолете она задремала. Самолет был обычный, словно она летела в Симферополь. Небольшой, полный народа, много детей и вещей — обычный самолет.

В Чианграе на аэродроме ей объяснили, что в Чианг Саен можно полететь завтра с утра. Но лучше ей поехать туда автобусом. А пока можно переночевать — есть отель рядом с аэродромом.

Но Лена уже привыкла делать не то, что ей советовали. Главное — нарушить обычный порядок вещей. Она снова взяла такси — благо было недалеко от города, и отправилась в недолгое путешествие. Таксист спросил:

— В Боонбундан? «Рама» хотел?

— Нет, — сразу ответила Лена.

Таксист был удовлетворен.

— Бооняят, — сказал он. — «Вианг инн», правильно?

И Лена согласилась.

Таксист молчал, Лена смотрела в окно. Дорога шла между зеленых полей, на некоторых урожай был убран. В квадратах, залитых водой, стояли по щиколотку буйволы, на их спинах сидели изящные маленькие белые цапли, которые с грацией избалованных гурманов время от времени наклонялись, чтобы выклевать из шерсти червячка.

Город был средних размеров — но настоящий город, только куда более спокойный и мирный, чем Бангкок. Приятный город.

Дорога вела по берегу большого озера. Близился закат, солнце опускалось за холмы. Лена увидела высокую пагоду — изящную и женственную. Она была самым экзотическим предметом в Чиангарае.

Никто не обращал внимания на такси, в котором ехала женщина из города Веревкина Тульской области, чтобы нанести удар по наркомафии — бред да и только! Ну кто в это поверит? Впрочем, эта самая наркомафия больше чем поверила. Я правильно делаю, Коля?

— Простите? — сказал таксист.

— Нет, это не вам, — сказала Лена.

Гостиница оказалась обычной, современной, небогатой — и это было хорошо. За окном номера росли высокие пальмы, незнакомая золотистая с хохолком птичка сидела на подоконнике. Окно было открыто, и воздух был куда свежее и чище, чем в Бангкоке. Господи, видела бы меня, мамочка!

На мостовой, на посыпанной красным гравием дорожке стояли три женщины в открытых сундуках и разговаривали по-русски. Разговари-

вали громко, не стесняясь тайцев, и говорили, конечно же, о покупках, о том, что кожи настоящей здесь нет, а одну из них, Веронику, чернень-кую, худенькую, обхамил вчера один чернозадый, наверное, принял за проститутку.

Лена поймала себя на том, что замерла у окна, потеряла счет времени и ей интересно, кто что из женщин купил, какой у них паршивый гид, а сама Лина-люкс, видно, хозяйка фирмы, которая командовала поездкой, наживается бесстыдно на бедных бабах. А второй, толстой веселой, хамоватой — Лена так и не поняла, как ее зовут, — хотелось поговорить о каком-то Севе, который обращает на нее внимание, но не в том смысле, как ей того бы хотелось, хотя их теперь могут похитить. Обе собеседницы возмутились, но не убедительно, видно, не возражали против похищения.

Значит, в отеле остановилась русская туристическая группа, которой не сиделось в Бангкоке и захотелось настоящей экзотики. И в этом нет ничего удивительного, потому что русские группы теперь шныряют по всему миру. Ничего удивительного, если забыть о погроме, который ее недруги устроили в Бангкоке. Она думала, что убежала от них, но если подумать трезво, а не быть паникующей курицей, то станет ясно, что найти блондинку из России ростом в метр семьдесят шесть сантиметров, худую, гладко причесанную, которая наверняка направляется на север и будет разыскивать плантации опиумного мака, легче легкого. Тем более если ты наркобарон с неограниченными средствами.

Ты можешь даже отправить из России туристическую группу и внедрить в нее своего человека. Зачем одного? Всю группу составить из своих людей!

Лена отпрянула от окна — а вдруг они посмотрят наверх?

И тут же себя осадила.

Она перебарщивает. Такие совпадения бывают только в романах.

Кто мог знать, что Лена отправится именно в эту гостиницу и именно сейчас? А они ведь приехали сюда раньше — туристы как туристы.

Впрочем, лучше всего спуститься вниз и познакомиться с ними.

Хорошо сказать себе это, но труднее в самом деле заставить себя взглянуть на соотечественников, среди которых может оказаться твой будущий убийца.

Может, отыскать автобус? Где останавливаются автобусы к Золотому треугольнику?

Лена знала, что Золотой треугольник — это городок Соб Руак, который лежит в том месте, где речка Mae Сай впадает в великий Меконг. К северу от речки начинаются холмы Бирмы, к востоку лежит Лаос, за спиной — Таиланд. Там правят наркобароны, богатейшие люди планеты, большей частью китайцы или шаны... А она даже не знает, как туда добираться.

Ничего не оставалось, как спуститься вниз.

Спросить об автобусе или такси у портье.

Сейчас уже вторая половина дня, неизвестно, как часто туда ходят автобусы.

Лена хотела бы переодеться, но она смогли лишь вымыться и постирать белье. Она повесили

трусики и лифчик на перилах балкона. Русские женщины ушли. По улице шел самый настоящий слон. Ни он, ни прохожие не делали из этого сенсации. Ну слон, ну идет. Что такого? На слоне какая-то сбруя, а на сбруе сидит голый до пояса мужичок и потягивает слона бамбуковой палочкой.

Портье посмотрел на Лену скучными глазами человека, которому известны все тайны мира. Она не успела и рта открыть, как он не меняя интонации — словно автоответчик в телефоне, — сообщил, что автобус на Соб Руак, куда госпоже, разумеется, хочется попасть, отходит утром, он идет через Чианг Саен, билет стоит тридцать пять бат, дорога занимает два часа, если не попадете в засаду — говорят, что спецчасти ловят какого-то бирманского бандита. А может быть, бирманский бандит сводит счеты со спецчастью — вы же знаете, какие они!

Лена подозревала, какие они. Она послушно кивнула. Ей не понравилось, что портье так быстро сообразил, куда она стремится. Сейчас надо спросить, а далеко ли оттуда до маковых полей, но Лене не хотелось показаться полной идиоткой.

— И много людей ездит в Соб Руак? — спросила Лена.

Портье сделал странный неопределенный знак рукой, и, проследив за движением руки, Лена увидела четверых молодых людей в камуфляже, с рюкзачищами за плечами. Длинные космы спускались до плеч.

— Им, — сказал портье, — нужен героин, представляете?

Лена послушно кивнула.

— А вот этим, — портье показал на стайку американских бабушек с фиолетовыми волосиками, — нужна романтика. А вам?

— Я любопытная, — сказала Лена.

— По крайней мере честно, — ответил портье. — Но уверяю вас, что ничего, кроме сувенирных лавок и бирманских диссидентов, вы там не найдете.

— Не говорите, — вмешался молодой человек комсомольского вида, словно сошедший с плаката, который призывает на стройки коммунизма, а вовсе не в чащу наркотического леса, — не говорите так, я там был в прошлом году и могу гарантировать — впечатления незабываемые.

Он обращался к Лене, и она ничего не успела ответить, лишь сделала неуверенное движение, чтобы отойти в сторону, но от молодого человека так легко не отделаешься. Тем более что говорил он по-русски.

— Вася, — сказал он, — просто Вася. Родители наградили меня крестьянским именем, чтобы я сблизился с народом.

Вася откинул назад длинные волосы. Жест был отрепетированным и привычным. Он себя ценил и любил.

— Лена.

— Путешествуете одна или с супругом?

— Одна.

— И еще не решили, как добраться до Собруака? Вы романтик?

— Последний романтик, — сообщила Лена.

— Чудесно. Вы отважная русская девушка. Хотя среди землепроходцев не было дам, я отдаю вам сердце.

Глаза у него были очень светлые. Голубые прозрачные отмытые глаза. С плаката.

— А вы что здесь делаете? — спросила Лена.

— Лично я?

— Я поняла, что здесь целая группа.

— А я ее вождь, — сказал Вася.

Чистая белая футболка хорошо обтягивала его руки, и видны были все детали его мышц.

— Вы — гид?

— Лицо приближенное к самой Лине-люкс, там что-нибудь говорит это имя?

— Ничего не говорит.

— Как насчет чашки кофе или бокала пива? Фирма платит.

И в самом деле не имело смысла стоять у стойки. Подходили люди, отель оказался оживленным — и куда только не забираются люди, чтобы увидеть нечто такое, чего дома им не дают!

Бар, в котором они пили прохладное пиво, был полутемным, под потолком, медленно, чуть поскрипывая, кружились громадные белые крылья фена, словно там за потолком скрывался пикирующий бомбардировщик старых времен.

К пиву подали соленые сандвичи, Лена вспомнила, что давно не ела.

Вася был журналистом, но решил повидать мир, пока свобода на Руси не рухнула окончательно. Вот и нанялся в туристическое бюро к мадам Лине, у которой есть голова на плечах и она знает, что знания надо платить. Так что ему, Васе, удается посмотреть мир и даже при этом немного заработать. В последние полгода он осел в Таиланде, в Бангкоке, здесь оживленное место, сюда тянет

новых русских на секс-туризм, а забота Васи заключается не только в том, чтобы показать Изумрудную пагоду или королевский двор и, уж конечно, не музей — он должен знать все о приличных и неприличных притонах для холостяков и стараться спасти соотечественников от заразы — уж чего-чего, а СПИДа здесь достаточно.

Вася говорил легко, ему нравилась Лена, он не скрывал этого и сразу начал ухаживать за ней, так как был уверен в себе и в том, что любая из туристок, пожелай он, бросится к нему в постель. Лена не стала с ним пока спорить, но у нее отлегло от сердца — весь ее опыт, вся интуиция показывали, что этот человек не следит за ней, что он не имеет никакого отношения к наркобизнесу — он и есть тот, за кого себя выдает. Даже мышцы не настоящие, накачанные насосом. Пустой номер, последыш комсомольского племени.

— Чего одна полетела? — После второго бокала пива он перешел на «ты». — Бабок куры не клюют?

— Я любознательная, — сказала Лена.

Он положил ей на руку пальцы с хорошо остриженными ногтями.

— Ты во всем любознательная?

— Разве угадаешь? — Лена улыбнулась. Он его не боялась.

— Значит, завтра едем вместе, — сказал он уверенно. — Полсотни батов сэкономишь, разве не дело? Камешек купишь. Я тебе скажу, где там покупать.

— А наркотики там продают?

— Непохоже, чтобы ты была на игле.

— А я не на игле. Но начитанная.

— Конечно, можно раздобыть. Но я не советую. Здесь с этим строго. Недавно одну австралийку взяли в аэропорту. Я фотографию видел — чудесная девушка, ей бы мужиков любить, зачем польстилась? Расстреляли. Чтобы другим неповадно было.

— Знаю, — сказала Лена. — По телевизору показывали. Сериал.

— Вот именно. Так что давайте еще по стаканчику пива и отдыхать.

Он совершил неубедительное движение, словно ищет деньги, потом спохватился:

— Черт, кончилась мелочь, а крупные в сейф. С собой не ношу.

— У меня есть, — быстро сказала Лена. Ей бы раньше догадаться.

Но зато теперь сомнений не оставалось — таких крохоборов ее враги держать не станут. Впрочем, почему она к нему так жестока? Он ее угостил, теперь ее очередь.

Они выпили еще по высокому бокалу, потом в бар пришли две женщины, из туристок, и с ними пьяный старикиан, как объяснил Вася, бывший дипкурьер, который решил перед смертью поглядеть наконец на страны, в которых он многократно бывал, да все недосуг оглянуться — надо было денно и нощно беречь мешок с почтой.

Женщины были из тех, кто разговаривал под окном. Они вовсе не удивились появлению Лены — они уже всяких соотечественников нагляделись.

Лена сказалась уставшей, хотя было совсем не поздно, и попрощалась.

Вася туманно сказал:

— Увидимся, — чем Лену несколько встревожил.

Когда она выходила, то увидела, как в самом темном углу бара вспыхнула зажигалка — Лена напряглась, готовая бежать. Огонек осветил тайское лицо — скуластое, смуглое, с большими черными глазами. Человек внимательно смотрел на Лену, не обращая внимания на горящую зажигалку.

Лена не пошла в номер. Если кто-то следил за ней, он ждет, что она окажется одна.

Она заметила выход на веранду — в стороне от главных дверей. И быстро прошла туда. На веранде сидели люди, пили коктейли, в основном тайцы, но среди них было несколько европейцев. Лена старалась понять, следит кто-нибудь за ней или нет. И не поняла.

Вечерняя улица была красива. Солнце отражалось в мягкой невесомой пыли и заполняло красным светом весь этот мир. Белая пагода, что стояла неподалеку, казалась розовым зонтиком, воткнутым ручкой в землю.

Лена прошла к реке.

Она остановилась на покатом берегу — вода в реке была золотой, по ней медленно плыли лодки. Люди в них были неподвижны, словно вырезаны из черной бумаги. Воздух был очень теплым, но нежил, не обжигал.

На том берегу в дымке поднимались лиловые горы — может, это другая страна? И ей предстоит подниматься на одну из гор по узкой тропинке.

И тут как ударило: в сумке драгоценности.

Предчувствие заставило прижать сумку к груди
И вовремя.

Какой-то парень в майке и черных брюках — лица не успела разглядеть, да и плохо она отли-чала тайцев друг от друга — так сильно дернул к себе сумку, что Лена потеряла равновесие и чуть не грохнулась на землю.

Грабитель еще раз дернул — сильнее.

Он одолел Лену — сумка выскользнула из ее рук, и в пальцах осталась пустота.

Пока Лена пыталась понять, что случилось, грабитель уже успел отбежать на несколько метров и превратился в силуэт, подсвеченный солн-цем. Он несся, как в кинофильме — мелко и ча-сто перебирая ногами.

Ощущение безнадежности охватило Лену — как ударило в сердце.

Сначала Николай, потом Боря... теперь ее оче-редь.

Лена не бежала, а шла за грабителем, с каж-дым шагом отставая.

Но некто другой побежал.

Лене хотелось подбодрить помощника — но ведь интеллигентные люди не кричат на улице?

Пускай догонит!

Два силуэта неслись на фоне оранжевого неба. Люди останавливались и смотрели вслед. Но ник-то, конечно же, не вмешивался.

Преследователь догнал вора. Его силуэт изог-нулся над упавшим на землю силуэтом вора. На расстоянии не было видно — а что же с сумкой?

Сейчас он возьмет мою сумку и уйдет, поду-мала Лена. Она не могла допустить, что эта жут-кая история имеет хороший конец.

Но случился хороший конец.

Вася возвращался с сумкой в руке... нет, это не Вася. Это тот человек, который следил за ней в баре.

Он был в черных брюках — здесь очень любили черные брюки — и в рубашке военного вида защитного цвета.

Не молод. Впрочем, и в возрасте Лена не была уверена. Он был ниже ее ростом, но это не ощущалось, потому что таец был строен, широколиц и держался прямо — Лена сразу подумала, что он, вернее всего, военный.

Он протянул Лене сумку.

Господи, бывает же в жизни везение.

— Ой, спасибо, — сказала она, и голос ее прервался от накопившихся в глотке слез.

— Не расстраивайтесь, — сказал военный. У него был птичий говор, его английский было трудно понимать. — У нас много воров. Но я рад.

— Почему? — Лена держала сумку обеими руками.

— Я рад, что этот инцидент дал мне возможность познакомиться с вами.

Черт знает что — надо его осадить, этих таев следуют осаживать, иначе они тебя посчитают за проститутку. Но как можно осадить этого сержанта?

— Спасибо, — сказала Лена.

— Вас проводить в гостиницу?

— Мне нравится здесь, — сказала Лена.

Здесь очень красивый закат.

— О да, — согласился сержант, — здесь очень красивые закаты. Вы туристка? Вы едете в Золотой треугольник?

— Как вы догадались?

— Вы из России?

— Да.

— Наши парни в прошлом веке учились в русских военных училищах, — неожиданно сообщил сержант.

— Я читала об этом, — сказала Лена.

— Вы знаете об этом?

— Я учительница в школе.

Она не стала говорить, что преподает физкультуру.

— Я бы не сказал, — сержант улыбнулся — у него были хорошие настоящие зубы. Странно для мужика в сорок лет. — Я бы сказал, что вы фотомодель.

Лена расстроилась. Немного, но расстроилась. Она была обязана этому сержанту спасением своей жизни, а оказывается, он решил ухаживать за ней.

— Я смотрел на вас в баре, — сказал сержант. — Вы отстали от группы?

— Почему вы так думаете?

— Группа приехала вчера. А вы сегодня. Но мы знакомы с мистером Нестеренко.

— Кто это такой?

— Базиль, ваш гид. Я его знаю.

Благо сержант всегда может узнать правду. — Но и завтра поеду с ними на автобусе.

— В Соб Руак? — спросил сержант.

— Конечно. Ведь там Золотой треугольник?

— В Соб Руаке туристы и лавочки сувениров.

Что не настояще место — это Голливуд.

— Голливуд?

— Много декораций. Фанера.

- А есть другое место?
- Есть лучше места. Мае Сай. Я туда еду завтра в семь утра.
- Это далеко?
- Это недалеко, но немного в другую сторону. Если вы хотите, я вам все покажу. Там есть школа слонов. Вы знаете, как долго учат слонов?
- А почему все туристы едут в Соб Руак?
- Там удобства, там сувениры. Разве не понятно? Там можно подвести к речке и показать пальцем — вон страшные военные вожди! Они никого не боятся, они выращивают мак и продают героин.
- А на самом деле?
- Если вы хотите, я вас возьму в Мае Сай, и вы побываете в Бирме.
- А разве можно?
- Если очень попросить, то можно.
- Лена опомнилась — они стояли на открытом месте, люди, проходя, смотрели на них. Солнце село, и все вокруг стало синим. Только бесцветное зеркало реки, казалось, источало собственный свет.
- Пора в гостиницу, — сказала Лена.
- Будьте осторожны, — сказал сержант, — здесь очень много воров.
- Как вас зовут? — спросила Лена.
- Наронг, — ответил сержант. — А вас? Елена?
- Вы знаете?
- Я за вами слежу. Вы мне нравитесь, — сказал сержант.
- Спасибо за помощь, — сказала Лена. — Вам меня спасли.

— Я рад, что мог вам помочь. Значит, вы запомнили? Семь часов. У меня джип, ничего особенного. Но доедем быстро.

— Спасибо, — сказала Лена и решила, что ни за что в жизни не воспользуется приглашением сержанта.

Сержант прошел в гостиницу следом за ней и скрылся в баре.

Лена поднялась к себе.

Она положила сумку на кровать. Какая красива, какая чудесная сумка.

Лена пошла в душ и нежилась там полчаса, не меньше. По крайней мере Вася уверял потом, что стучался и не смог добиться ответа. Сумку Лена повесила на гвоздь в душе, чтобы не спускать с нее глаз.

Вася заявился снова, как только Лена покинула душ. К счастью, у нее был с собой халатик.

Она вышла из душа, вытирая волосы и потому покрытая полотенцем, как греческая плакальщица. Не сразу увидела, что в уютном кресле устроился красавец мужчина.

— Не запахивай халатик! — взмолился он. — Ты хороша под ним сказочно.

Лена кинула в него полотенце, она не хотела, чтобы это получилось игриво.

— Не суетись, — сказал он. — Я приду к тебе позже, а сейчас я хочу пригласить тебя.

— Куда?

— Ты совершенно незнакома с местной ночной жизнью. Мы с тобой пойдем в ночной клуб. Ты танцуешь? Конечно же, ты танцуешь!

— Я не танцую.

— Ну не могу же я сейчас прямо заваливать тебя на койку без красивых слов и объятий!

— Но с чего ты решил, что я этого хочу?

— Не хотела бы, сидела дома, — рассудительно ответил комсомольский вождь.

— Уйди, пожалуйста, — попросила она. — Ей-богу, спать хочется.

— Со мной?

— Без тебя.

— Может, ты нашла мужика получше?

— Что ты имеешь в виду?

— Местного бандита. Я видел, как вы по берегу гуляли. Но я бы на твоем месте был с ним поосторожнее. Мне его морда знакома. Точно знаю — где-то я его видел. Убьет — костей не соберете.

— Он меня не испугал.

— Знаешь, что сказал паук маленькой мушке? Он сказал ей: добро пожаловать в мою спаленку. Это английская поговорка.

— А чем ты лучше? — спросила Лена.

— Я лучше. Я, так сказать, русскоязычный бабник. Я не болен СПИДом.

Руки его никак не могли успокоиться, пальцы ну просто метались над коленками. Он был не уверен в себе.

— Иди в бар или в какой-там хочешь ночной клуб. Я сплю.

— Я везу тебя бесплатно на автобусе.

— Я заплачу тебе, зайчик, — сказала Лена.

В ее «зайчике» не было ничего ласкового.

— Хорошо. — Вася попытался сделать ходящую мину. — Я пойду погуляю, только умоляю

не запирай дверь. А то мне придется перебудить всю гостиницу.

— И не надо будить.

Вася был раздражен. Он легко краснел.

Он поднялся.

— Не надо меня обижать, — сказал он высоким голосом. — Родина далеко, Родина не услышит. Подумай, на что ты нарываешься, Елена.

Лена легонько подтолкнула его к двери.

Он показал на замок.

Лена заперла дверь. Конечно, он может завтра отомстить. Не возьмет ее на автобус. Но если за ней здесь следят, то, конечно же, они знают, что она собирается ехать на автобусе. А она... она поедет с сержантом. Если выбирать из двух зол... Впрочем, сержант пока злым себя не показал. Ведь не случайный же воришко напал на нее у реки. А если бы сержант был один из них — какого черта он возвратил ей сумку?

Она рискует? Она рискует здесь все время, каждую секунду. Она ведь не живая. Ей только кажется, что она живая. Он — рыба-кета, которая должна иметь икру, а там — что будет.

Лена все это понимала умом, но ее молодое и вполне жизнеспособное тело категорически возражало.

Она легла спать в трусиках, лифчике и халате. Она не хотела рисковать — хотя разве это помогает?

Окно было открыто — в этой гостинице без кондиционирования можно было и умереть.

Лена осторожно выглянула наружу — выключила свет и выглянула. Узкий балкон примыкал к ее комнате, под ним был обрыв — в три этажа.

Лена легла и думала, что не заснет. Она подумала, что сумке под подушкой быть плохо — сразу догадаются, если придут.

А куда еще положить?

Под шкаф?

На шкаф! На шкаф они полезут потом, когда остальное проверят.

Фен под потолком скрипел как астматик — с придоханием и шумом.

Она не подумала, не догадалась, что узкий балкон, который тянется перед ее номером, продолжается и перед прочими номерами на этом этаже. Надо бы догадаться.

И только задремала — а ведь задремала, — как почувствовала, что в комнате кто-то есть.

Сначала она замерла. Может, показалось?

Но, приоткрыв глаза, увидела, как некто влезает в комнату с балкона. Это был мужчина.

Надо позвонить портье. Или бежать к двери. Но дверь заперта.

Секундное колебание все погубило.

Мужчина, горячий и потный, уже сорвал с нее простынку и попытался навалиться на нее, заскрывая губами ее губы, прижимая их, придавливая руки — будто был опытен в насилии... А Леня сдуру возрадовалась, что это всего-навсего насильник, а не убийца и не грабитель.

Он оторвал на секунду губы и зашептал:

— Миленькая, дорогая, только не кричи, только не кричи, ты же будешь рада, ты получишь радость!

— Вася! — Спохватившись и сообразив, она стала сильнее и попыталась повернуться так, что

бы спихнуть его с постели, и ему пришлось все силы кинуть на то, чтобы остаться на кровати, которая отчаянно скрипела и даже визжала, недовольная тем, как обращаются с ее хозяйкой.

— Вася, не смей! Уйди, да уйди же!

Господи, как слабы резервы защиты у женщины, пойманной в кровати!

А он утоваривает! Он грозит. И грозит по делу.

— Ты только не кричи, ты закричишь — все, тебе в этой гостинице не жить. Ты думаешь, кто-нибудь меня обвинит? Да никто! Даже наши, туристы, тебя обсуждать будут. Полный позор, понимаешь?

Он даже перестал ее тискать, так загорелся ораторским порывом.

Она воспользовалась этим, чтобы еще более нарушить равновесие и столкнуть его с кровати.

Он рухнул на пол и грязно выругался. Но при том захихикал, будто они играли и он пропустил мячик в ворота.

Лена спрыгнула с постели и кинулась к двери.

Он недооценил ее. Они все ее недооценивают. Она же профессиональная спортсменка, вице-чемпионка Союза среди девушек по многоборью. Что значит, что она может перебегать, перепрыгивать и переплавать подавляющее большинство мужчин на этой планете.

В два прыжка Лена достигла двери, стала поворачивать ключ, но Вася тоже был не из слабеньких — он рванулся за ней, настиг ее и потянул к себе. Он ругался и царапался, все более возбуждаясь от этой борьбы.

— Я тебя... я тебя... — бормотал он. — Я тебя! ... объяснял вкратце, что он с ней сделает.

Все же ей удалось открыть дверь, дверь открывалась внутрь, и от этого ей было еще труднее, но, правда, Вася помог, потому что отрывал ее от двери, то есть помогал ее открыть.

Вдруг он сделал очень больно — ударил ее по шее, наверно, ребром ладони: забыл, что он мужчина, а она всего-навсего женщина, которую он полюбил.

Она начала лягаться, стараясь попасть ему пяткой в коленку. Он тянул ее назад и повторял:

— Только не кричи... не кричи, погибнешь, сука!

Она поняла, что ей не выбраться — он затачивал ее обратно, но тут из яркого света, бьющего из коридора, возник еще один человек.

Он был черный, вернее, темный — силуэт против света.

Он подхватил Лену под мышки и легко приподнял ее вместе с прилепившимся к ней, как рыбоцюман, Васей, и когда физиономия Васи появилась на свету, человек в дверях коротким и, видно, болезненным ударом своротил Васе челюсть. Вася охнул, совсем по-детски, и упал внутрь комнаты.

Лена встала, прислонилась к стене.

Ее спаситель оказался тайским солдатом, крупным словно европеец, скорее толстым и, глянчное, очень могучим.

Его мундир был обшит нашивками и увешан значками.

— Вери гуд, — сообщил он Лене.

— Спасибо, — сказала Лена.

Солдат подхватил бесчувственного Васю под мышки и потащил его по коридору. На ходу он сказал ей:

— Спать, спать, спать хорошо, больше не придет. Я буду тут стоять.

Лена подчинилась. Она закрыла дверь. Она поняла, без сомнения, что солдата поставил у ее дверей сержант Наронг. За что ему большое спасибо.

И не будет сержант Наронг нападать на нее по ночам, как пошлый Вася. Здесь встречаются благородные мужчины.

И с такой счастливой мыслью она заснула.

Проснулась почти сразу — так ей показалось.

В комнате было полутемно: горел ночник перед кроватью — она его не выключила или кто-то его включил?

В приоткрытой двери в желтой подсветке маячил силуэт солдата, при всем параде, даже в каске.

— Госпожа, — громко прошептал он. — Время.

Он выговаривал эти слова, словно вырубил вечером и боится забыть.

Лена посмотрела на часы.

Половина седьмого. Ей надо сделать выбор — на автобусе с соотечественниками в известный всему человечеству «Центр Золотого треугольника» или с иноземным сержантом, тоже, разумеется, небескорыстным, от которого так легко, как от Васи, не отделаешься — у сержанта небось целый взвод под началом.

Но Наронг уже доказал, что способен ее защитить, а Вася не только не доказал, но и не должен.

Если за ней следят, а за ней следят, то в семь утра они будут спать и не обратят внимания на сержанта. А вот в русский туристический автобус заглянут обязательно.

Видно подсознательно, Лена уже ночью принял решение, потому что солдат еще не успел закончить свою краткую речь, как она побежала в гулкий, обширный, облицованный розовой плиткой туалет и запустила воду в душе. Когда ей удастся помыться горячей водой!

Лена быстро привела себя в порядок. Со временем спортивного детства она знала, как плохо после дней подняться в ожидающий автобус, когда именно на тебя выплеснется утреннее раздражение.

Когда она вернулась в номер, солдат все еще стоял в полуоткрытых дверях, и Лена сразу выставила его в коридор.

Проверив, что дверь закрыта как следует, она сняла со шкафа пластиковый пакет с заветным зельем и записками Николая. Сунула на дно сумки, затем переоделась — третьей смены белья не будет. Надо вечером постирать.

Сумка была тугой — хоть и мало в ней вещей, но ведь чемодана нет. Леня взяла сумку и взглянула на балкон. Ей показалось, что некто, вот можно Вася, нет, скорее вчерашний грабитель, метнулся в сторону — значит, подглядывал. А может, показалось? Лучше бы показалось.

Лена вышла в коридор. Солдат улыбнулся ей, как долгожданной приятельнице. Она была чуть выше его ростом.

Солдат показал ей, куда идти, сам пошел сначала

Но ни у лифта, ни у главной лестницы не остановился, подтолкнул Лену дальше, к винтовой лестнице, служебной, узкой, железной.

Они спустились куда-то в тартарары, по крайней мере у Лены было ощущение бесконечного кружения по серым ступенькам. Кое-где по стелам горели маленькие лампочки, забранные в сетки. Потом они прошли через пустой склад, сквозь строй ящиков и мешков, никто их не окликнул и не заметил.

Лётучая мышь сорвалась с потолка и понеслась, суматошно ударяясь о стены, к выходу, будто спеша предупредить там, впереди, что идет Лена.

Они оказались на задворках гостиницы, солдат не закрыл за собой дверь. Он обогнал Лену, будто убедился в том, что она не убежит, и пошел впереди, сквозь непроницаемый в полумраке рассвета строй кустов.

Лена пошла за ним, кусты хватали за платье, за волосы, но через несколько метров кусты кончились, и они оказались на асфальтовой дороге, где стоял открытый джип, не то чтобы военного образца, но довольно старый. Сержант Наронг стоял возле него и курил длинную тонкую сигару. Он был в мундире — куртке и фуражке и форменных брюках, ботинки начищены.

— Вы быстро собрались, — сказал он негромко, как бы поощряя дрессированного медведя конфеткой.

— Я привыкла.

— Тогда поехали, — сказал сержант, показал ей место сзади, сам сел рядом. Солдат, который охранял Лену, сел за руль. Но никуда они не двинулись.

И ясно почему — через несколько секунд из кустов выскочил еще один солдат, он нес два термоса и картонную коробку. Он положил добро в багажник, а сам сел рядом с первым солдатом.

Сержант больше ничего не сказал, солдаты и без него знали, куда ехать.

Так как Наронг молчал и солдаты молчали, Лена тоже молчала. И даже хорошо было молчать и чувствовать, что ничего тебе не угрожает, а у солдат есть автоматы.

По сторонам дороги росли кактусы — изгороди кактусов, за ними бамбук. Сначала дорога была покрыта асфальтом и казалась темно-лиловой, потом джип съехал на грунтовую дорогу, и сзади джипа возникли почти непроницаемые клубы пыли, их пронзали горизонтальные лучи утреннего солнца, и где-то в пыли отчаянно брекали местные собаки — голоса у них были как у наших.

— Надо заехать в одно место, — сказал сержант.

Он дремал, повернув лицо к солнцу, и оно казалось бронзовым. Фуражка лежала на коленях.

Они въехали в деревню или поселок, джип затормозил у длинного одноэтажного дома, скрытого высокими деревьями с кронами, как у рыбаков. Сержант в сопровождении одного из солдат быстро зашагал к тому дому. Он не успел подняться на крыльце, как из дома выскочили несколько военных в небольших, видно, чинах, которые вытянулись при виде сержанта.

Тот прошел в дом, лишь кивнув им, а военные задержались еще на секунду или две, разглядывая Лену.

И тут Лене пришла в голову мысль, что он нарочно приехал в свою часть, чтобы товарищи по оружию увидели, какая красивая женщина поднимается ради Наронга на рассвете.

— Наронг хороший? — решила она спросить у шофера.

Ее старый знакомый сверкнул зубами и согласился.

Тут солдат показал, как сержант умеет стрелять из автомата, и сам обрадовался, как это у него получилось.

Господин хороший сержант вышел из дома минут через десять.

За ним — военные. Они уже не глядели на Лену, и она подумала, что им за что-то влетело.

Наронг сел на свое место и сообщил:

— Все. Дела закончены. Можно говорить.

Солнце быстро поднималось вверх, запели многочисленные птицы, большие летучие мыши пронеслись прятаться в чащу леса. Справа была видна река, за ней — голубые холмы.

Лена повернулась к сержанту, ожидая, о чем же он будет говорить. Он заговорил об истории.

— Мы, тайцы, — сказал он, — пришли сюда почти тысячу лет назад. До нас здесь жили моны, у них было государство Дваравати. Великое государство Дваравати.

— А где вы жили? — спросила Лена.

— Мы жили в горах, мы жили в Сычуани. Мы покорили эти места. Вы знаете, что мы никогда не были ничьей колонией? Никто нас не смог победить, а наши короли были очень умные, они все обещали всем, а ничего никому не дали.

Тут сержант рассмеялся. И добавил:

— Хорошая женщина тоже должна обещать. И ничего не давать.

Снова пошел асфальт, машину мягко покачивало, Лену стало клонить в сон. Сержант говорил ровным, спокойным голосом, как проповедник, который приезжал в Веревкин, то ли из Москвы, то ли из Нью-Йорка.

Возможно, Лена заснула, но ненадолго. Когда сержант повысил голос, она сразу проснулась.

— Вам скучно? — спросил сержант.

— Нет, мне очень интересно. Только я плохо говорю по-английски и не все понимаю.

— А я учился в Австралии, — сказал сержант. — У нас есть университет, но нет хорошего военного образования. Мне так хотелось получить хорошее образование, и я уехал в Австралию. По обмену. К нам приезжают изучать буддизм, а мы учимся стрелять из пушек.

Сравнение развеселило сержанта.

— А вы учились? — спросил он, отсмеявшись.

— Я вам говорила, что я учительница.

— У вас есть муж?

— Мой муж умер. Погиб.

— На войне? В Афганистане?

— Нет, на работе. На него напали грабители.

— Он был полицейским?

— Нет, ученый.

Сержант не поверил. Но не стал спорить, и принялся рассказывать о том, что раньше русских здесь не было, и он знал только, что они победили Гитлера под Сталинградом, но потом много русских стало сюда приезжать, и у них,

русских, свои сложные проблемы, среди них много преступников и даже наркоманов, знает ли Елена об этом?

Елена об этом знала.

Сержант оказался разговорчив, страшно напичкан, по утрам читал газеты. Эта мысль Лены получила подтверждение в каком-то городке, который они проезжали через полчаса. Без приказания солдат подрулил к лавке, в которой торговали всем на свете, крикнул в полутьму лавки, и через полминуты оттуда выскоцил хозяин, держа в руке тугой рулон газет. Джип тут же рванулся с места, и сержант принялся шуршать газетами.

Стало жарко. Лене еще не приходилось ездить по Таиланду без кондиционера и прочих удобств. Очевидно, осенью — не самые жаркие месяцы, но даже быстрая езда не спасала, так как горячий и пыльный воздух высушивал носоглотку, к тому же злые слепни или похожие на них хищники преодолевали поток воздуха, чтобы вонзить свои злобные жала в несчастную женщину.

Не прекращая читать, сержант вдруг спросил:

- У вас здесь враги?
- Почему вы так решили?
- На вас нападали.
- Сегодня ночью?

Сержант не ответил.

— Это мой соотечественник. Я ему понравилась. Он хотел большего, чем я способна была ему предложить.

Лена не была уверена, что правильно выразила свою мысль по-английски, но вроде бы сер-

жант понял — он замолк и снова принялся шуршать газетами.

Лена понимала, что этот разговор не закончен.

Ведь недаром он поставил ночью солдата перед ее дверью.

— Кстати, — сказал сержант, — молодой человек, который напал на вас на берегу...

— Вор?

— Он не вор. Он из окружения генерала Лю.

— Что это значит? — Лена напряглась. И этот сержант тоже охотится за ее секретами?

— У генерала Лю очень большая сила, — сказал сержант. — Он очень важный человек. Большой человек. Он делает героин. Вот я и подумал — приехала одинокая молодая женщина, не хочет ехать к границе вместе со своими друзьями из Москвы. Хочет ехать с моим ничтожеством. На нее нападает сам Маун Джо, приемный сын генерала Лю. Очень много чести для туристки. Как вы думаете?

Лена многое думала об этой ситуации, но не собиралась делиться своими думами с тайским сержантом, который тоже вроде бы знает больше, чем ему положено.

Солдат впереди сказал что-то.

Лена увидела, что холмы разошлись и показался город. Так как дорога сбегала к нему покато, то он открылся зеленою панорамой, очерченной вдали широким простором Меконга — Лена уже узнавали его. Город когда-то был крепостью — был виден ров и остатки стен. Из зелени поднимались белые пальцы пагод, а одна, старая, похожая на пирамиду, встретила их у въезда в город.

— Это Чиант Саен, — сказал сержант. — Здесь мы повернем на запад. Хорошо?

— Отлично.

— У меня тут дела. Подождите меня в гостинице, в «Чиант Саен», на веранде. Попрошу не отлучаться.

Сержант был предусмотрителен, он поговорил с прибежавшим встретить его портье, и тот провел, Лену в номер, где она смогла умыться с дороги.

Мужчина должен быть заботлив.

Постираю все вечером, подумала она. Чего сейчас мокрое белье в сумке везти?

Она сидела на веранде, громадные пышные деревья окружали ее, и между стволов был виден Меконг. Было относительно прохладно. Не спросив Лену, ей принесли высокий стакан, до половины набитый льдышками и наполненный подслащенным лимонным соком. Чудесно.

Ждать пришлось долго. Лена изгнала из головы все мысли, просто смотрела на реку. Она была как машина, которую надо включить. Она ждала, когда нажмут на кнопку.

Сержант Наронг пришел через два часа. Он даже не извинился.

— Я вымоюсь, — сказал он, — у нас в номере. Потом мы будем обедать. После обеда поедем дальше.

Шел одиннадцатый час утра. Обедом поздний завтрак можно было назвать лишь с большой на-тяжкой.

Еду им подали на веранде. Наронг был спокоен и предупредителен.

Лена подумала, он оговорился, сказав — наш номер, или в самом деле снял на несколько часов один номер на всех? И ничего дурного в виду не имел.

Когда обед был в самом разгаре — а он состоял из рыбных блюд — может, в Меконге водились такие крабы и креветки? — к гостинице подъехал пыльный автобус. Из него вывалились русские туристы. Злые, потные, усталые. Конечно же, пока что они едут по одной дороге.

— Наши пути разойдутся через несколько миль. — Наронг угадал ее мысли.

Лена смотрела на своих без всяких чувств, она даже не сообразила, что они тоже видят.

Вася удивился, посмотрев на веранду. Женщины зашептались.

— Приятная встреча? — спросил сержант.

— Нет, — сказала Лена.

— Они вам не причинят вреда.

— А я их и не боюсь.

— Даже гида?

Вася отвел глаза и быстро прошел в гостиницу.

Конечно, лучше бы их не встречать. Они могут сообщить куда надо.

— Хотите, мы им устроим дорожное происшествие? — спросил сержант. — Ничего страшного, но они никуда сегодня не доедут.

— Разве это что-нибудь изменит?

Сержант посмотрел на нее с искренним сочувствием, она уже была его знакомой, не чужой.

— Ваши дела так плохи? — спросил он. И, не дождавшись ответа, продолжил: — Я осмотрел вашу сумку. И удивился. Ни одного адреса, ни

денег — ничего интересного. Где вы храните ваши тайны?

Лена боролась с желанием тут же самой залезть в сумку и посмотреть, все ли на месте. И сержант, который умел угадывать ее мысли, сказал:

— Конечно, я ничего не взял. Это не в моих правилах.

Тогда Лена сказала:

— Может быть, пора ехать дальше?

— Почему?

— Я бы скорее доехала на автобусе.

— Вы бы никуда не доехали на автобусе, — уверенно ответил сержант.

У джипа Лене пришлось подождать своего спутника, который имел обыкновение исчезать без объяснений. Солдаты ждали его безропотно — такая у них служба.

Лена отошла в тень, к кустам, завидев большую оранжевую орхидею, пылающую на фоне темного ствола.

Вася выскочил, будто из-под земли.

— Не убегай, — прошептал он. — Я только хотел тебя предупредить.

Он стоял так, чтобы солдаты возле джипа его не заметили.

— О чём предупредить? — спросила Лена.

— Ты попала в ужасную ловушку.

— А тебе какое дело?

— Я здесь несу ответственность за всех российских граждан, — сказал Вася совершенно серьезно. — Не забывай, что у тебя есть Родина. А то некоторые наши соотечественники быстро об этом забывают, и это плохо кончается.

— Странно это слышать от тебя, — сказали Лена.

Страха не было — два шага, и солдаты увидят ее; да что шагать — достаточно повысить голос. Вася понимал это и продолжал горячо шептать:

— То, что разрешено между нами, русскими, совершенно запрещено с гражданами другой страны. Тем более с такими. Я боюсь за твою жизнь.

— Почему это вдруг?

— Да ты знаешь, с кем ты пьешь пиво и разъезжаешь в машине?

— Ума не приложу. Он какой-то военный. Он мне помог.

— Идиотка! Это сам полковник Наронг! Поняла?

— А я думала, что он сержант.

— Это заместитель начальника разведки Таиланда, который осуществляет контроль над наркотиками.

— Мне повезло.

— Кончай паясничать. Ты погибнешь! Ты не знаешь, какая у него репутация! Это убийца и садист. Нет преступления, которое он бы не совершил.

Сержант, а теперь полковник Наронг, который незаметно подошел совсем близко, спросил:

— Это русский язык? Это очень красивый язык. Я жалею, что не выучил его.

— Я — гид туристической фирмы, — сказал Вася и достал из верхнего кармана рубашки шизитную карточку. — Я привез сюда группу.

— Мне все известно, — сказал полковник с мягким акцентом. — Мне известно, какой вы гид и какую должность исполняете в русском посольстве.

стве. А сейчас вы, если не ошибаюсь, предупреждали госпожу Лену, что я — изверг. Я угадал?

— Я не говорю о политике, — сказал Вася. — Мне нужно было только узнать, где наша гражданка будет находиться в ближайшие дни. Наше посольство настойчиво требует информации о наших соотечественниках в Таиланде.

— Очень приятно. Я также забочусь о безопасности иностранцев. Пошли, Елена?

Лена пошла за ним, не оглянувшись на Васю. Тот молчал. Она спиной чувствовала его злой взгляд. Ну вот, теперь Аскольд и его друзья точно будут знать, где ее искать. Впрочем, она ведь не *сказала*, куда едет. А он не успел спросить.

— Ты не сказала, куда едешь? — спросил Наронг.

— Нет. — Вот и опять он угадал ее мысли.

— Тогда поехали.

Джип рванул с места, и путешествие продолжалось.

Теперь дорога шла по берегу Меконга. Жара разгулялась самая настоящая. Вот они — тропики!

Некоторое время полковник молчал. Вот теперь придется привыкать к тому, что ее милый сержант оказался полковником, садистом и еще начальником какой-то разведки. Впрочем, видно, судьба ее ведет — если кто-то сможет ей помочь, то это, конечно же, Наронг.

— Далеко еще ехать? — спросила она.

— Через час будем на месте.

И в самом деле, через час джип подкатил к очередной стайке бунгало, но над ними подни-

мались лесистые горы и не было привычного Меконга.

Воздух был свежее, пыль пропала, гестхауз назывался «Чад», на этот раз полковник оставил с ней одного из солдат, который и занялся устройством в гостинице.

Лене досталось бунгало — деревянный ящик на невысоких сваях, с собственной верандой. В бунгало было несколько комнат, солдат показал ей ее комнату, еще одна досталась полковнику.

Воздух в Мае Сай был свежее, чем в долине, холмы подступали совсем близко и были затянуты дымкой. Полковник сказал, что там — Бирма. Там еще идет гражданская война, о чем Лена и без него знала.

— У тебя есть деньги? — спросил он.

— Есть.

В английском языке нет разницы между «вы» и «ты», но для себя Лена поняла, что с этого момента полковник с ней на «ты».

— Солдат проводит тебя по лавкам. Это интересно. Через границу не ходи.

Солдат не столько должен был ее охранять, сколько присматривать за ней. Но Лена была уверена — пускай будет охрана. Ей надо осмотреться.

Солдата звали Сени. Это он прогнал Васю по чью. Он все время улыбался. Глуповато, конечно, но хотелось думать, что искренне.

Лена попросила времени, чтобы привести себя в порядок. Сени ждал ее на ступеньках коттеджи, по-местному бунгало. Он что-то негромко напевал, и от этого было спокойно.

Лена включила душ, заодно выстирала быстремько белье: ведь что будет дальше — неизвестно, пускай высохнет.

Сени повел ее по улице, в центре покрытой асфальтом, но тротуаров там не было — просто вытоптанные обочины.

Прохожие смотрели на нее с удивлением, даже с опаской — высокая белая женщина, не похожая на туристку, шла под охраной солдата. Значит, что-то неладно.

На центральной улице было множество лавок, большей частью небольших. Владельцы лавок сидели в тени, как в норах, курили, иногда болтали, но прохожих не зазывали.

По улице ходили не только тайцы, но и иностранцы — Лена уже угадывала их. Некоторые были в длинных до земли юбках — оказалось, как объяснил Сени, — это бирманцы, другие были в синих широких штанах, головы обмотаны полотенцами — шаны. Но больше всего было людей в различного рода военной и полувоенной одежде. Здесь пролегала неспокойная граница, и камуфляжные костюмы были самым надежным криком моды.

Сени показал Лене, куда ей надо зайти.

Это был нефритовый магазин. Сотни зеленых, розовых, опаловых фигурок стояли рядами на полках. Это было очень скучно, к тому же Лене не хотелось покупать нефритового слоника.

— Я хочу посмотреть на Бирму, — сказала Лена.

— Господин полковник может сводить вас туда.

▲ я не могу.

— Потому что простой солдат?

Сени вдруг обиделся.

— Я не простой солдат, — сказал он, — я лейтенант. Я адъютант туана полковника.

— Я не хотела тебя обидеть, Сени, — сказала Лена. — Я ничего не понимаю в ваших погонах.

Сени дулся недолго и повел ее к мосту через небольшую быструю речку. По мосту ходили тайцы, бирманцы... У того края моста стояло несколько бирманских пограничников, кое-кого они пропускали не глядя, других начинали расспрашивать.

«Я туда должна попасть», — сказала про себя Лена и посмотрела на речку. Речка была горной и мутной, пожалуй, не переплытьешь. «Ничего осталось два шага, и я их сделаю».

Она запустила руку в сумку — что же так давно не проверяла? — пакет с бутылочками и бумагами лежал там. Полковник и в самом деле проверил, но брать ничего не стал.

Они пошли обратно. Жара стояла дикая, хотя и не такая влажная, как в Бангкоке. Они спешно миновали торговую улицу. У одной из лавочек утиным выводком стояли русские туристы. Они повернули головы, следя за Леной, но никто ни слова не сказал. Впрочем, она и не успела обнестись среди них знакомыми.

Вася выскоцил из магазина и, увидев Сени, не посмел погнаться за Леной. Только крикнул вслух:

— Елена, ты сильно рискуешь! Еще не поздно вернуться! В ином случае я снимаю с себя отцовственность!

Елена обернулась. Туристки — группа пошуму-то была женская, Лена только сейчас догадалась, — согласно кивали. Они вспомнили совет

кие времена и предателей Родины. Лена была предательницей Родины.

— Что они говорят? — спросил Сени. Почему-то он решил, что Вася был не одинок в своем осуждении.

— Они советуют мне вернуться. Они за меня боятся, — осторожно ответила Лена.

— Он тебе говорил, что тuan полковник — бандит? — И Сени засмеялся, уверенный в том, что Вася именно так и говорил.

— А разве кто-то так думает?

— Разные люди думают, — ответил Сени. — Господин тuan очень много может и много знает. Он будет маршалом.

— Мне повезло, что я его встретила.

— Если ты будешь хорошо себя вести, то повезло.

— Разве я могу себя плохо вести?

— Господин тuan не знает. Он не знает, чего тебе нужно. И я не знаю тоже. Я бы не стал выбирать себе такую женщину.

— Судьба, — сказала Лена.

— Судьба, — повторил Сени. Каждый из них имел в виду свое.

— Жалко, что ты ничего не купила, — сказал Сени, когда они вернулись в бунгало.

— Почему?

— Тuan приказал мне платить за все. Но я сэкономил деньги туана. — Эта мысль окончательно развеселила Сени.

Он сообщил Лене, что вернется через десять минут, и велел никуда не убегать. Лена обещала.

Как только он ушел, Лене стало не по себе.

Казалось бы, день еще не завершился, рядом дорога, по ней проезжают машины, сбоку большущий веранда — там звенят ножами и вилками, слышны голоса — накрывают к вечеру столы. Солнце пробивает листву горячими лучами... Все равно страшно. Особенно сейчас, в шаге от цели. Скорее бы приходил Сени, а еще лучше — полковник.

Но пришел Аскольд.

Он вошел с веранды, он был спокоен.

— Здравствуй, Лена, — сказал он, — давно не виделись.

Здесь, в Таиланде, его глаза были к месту — здесь много тигров. Аскольд загорел — это верное, был в отпуске. Одет он был легко и элегантно. Видный мужчина.

— Здравствуйте, — сказала Лена.

— У нас немного времени, — холодно пронес Аскольд. — Так что без околичностей. Я прошу тебя отказаться от своей глупой затеи и отправиться домой. Немедленно.

— Садитесь, — сказала Лена. Она старалась показать, что не испугалась, а на самом деле страшно перепугалась. Ведь он может свободно убить ее и тут же уйти — в лес, в горы. Ну кто его найдет, если у него все наркобароны в друзьях?

— Спасибо, я постою, — сказал Аскольд и быстро оглянулся. Значит, не совсем уверен в себе.

— Я ничего не замышляла, — сказала Лена.

— Ты прилетела сюда, чтобы испытать определенный образец поппифага. Видишь, от меня нет секретов. Ты надеешься, что это средство побудит посевы мака и в мире наступит благодать.

— Я так не думаю.

Но он ее не слушал.

— Ты решила, что я связан с наркотиками, — сказал Аскольд. — Я могу дать тебе честное слово офицера и гражданина, что я борюсь с наркотиками, с наркомафией. Это моя работа, это мой долг.

— Тогда почему вы с ними?

— Я понимаю, что тебе хочется отомстить этим подонкам за смерть сына и мужа. Это очень тяжело. Но ты никому не отомстишь, кроме бедных крестьян. А им и без тебя плохо.

Лена продолжала упорствовать.

— Я вас не понимаю.

— Ты меня отлично понимаешь... Представь себе: вдруг — это лишь один процент вероятности — это средство будет работать. И ты, как сеятель со старого червонца, будешь ходить по полям и поливать их из бутылочки, которую таскаешь в сумке, если, конечно, твой новый друг не подменил жидкость.

— Вы кого имеете в виду?

— Полковника Наронга, местного разведчика, тесно связанного с мафией. Его называют черным полковником, даже его сообщники. Это страшная личность.

— Для меня он не страшнее вас, — уверенно ответила Лена.

Воздух неподвижно повис над верандой.

Лена поняла, что надо сделать.

Она подошла к двери и уверенно отстранила Аскольда. И оказалась на веранде. Там она остановилась, оперлась спиной о столб, и Аскольд был вынужден последовать за ней. На веранде было тяжело дышать, потому что воздух был абсолютно неподвижен.

— Допустим, — продолжал Аскольд: он торопился выговориться прежде, чем вернется Сени. — Допустим, что действует. Что произойдет? Крестьяне лишатся куска хлеба, но спрос на наркотики во всем мире вырастет и цены поднимутся тоже. Будет нарушен политический и экономический строй, порядок, причем во всем мире. Ты понимаешь, что такое баланс сил?

— И вы говорите, что боретесь с наркотиками.

— Конечно, борюсь. Но борюсь разумно. Мы можем сократить поступление наркотиков в страну, мы можем ловить дельцов и перехватывать транспортные. Но мы способны кого-то спасать и кому-то мешать только потому, что существует определенный порядок! Ты его хочешь нарушить? Ты будешь способствовать перемене торговых путей, страшной войне за перераспределение доходов и, главное, — ты толкаешь преступный мир к изобретению и разработке новых наркотиков, химических, куда более страшных, чем несчастный героин, на который ты подняла дамскую ручку.

Ее обидела эта «дамская ручка», и если она склонна была прислушаться к нему и чему-то поверить, то после этого выпада он стал ей противен.

— Я тебя не убедил?

— Нет.

— Если ты отдашь мне поппифаг, то я гарантирую тебе благодарность всей России. Мы будем и дальше бороться...

— И не мечтай...

По дорожке шел Сени, он издали поднял руку, но Аскольда пока не видел.

— Пойми, Лена, я лично ничего против тебя не имею, — быстро сказал Аскольд, — но твое сближение с черным полковником меняет суть дела. Если раньше мы могли быть уверены, что тебе не добраться до маковых полей, то теперь — кто знает... отдан!

— Нет.

— К сожалению, тебя придется убить, — сказал Аскольд.

— Вы?

— Ну что ты! Разве я похож на исполнителя? У каждого в жизни своя роль. До этого с тобой можно было говорить, и говорил я. Теперь разговоры кончились.

Аскольд повернулся и пошел прочь. На ступеньках веранды он встретился с Сени, улыбнулся лейтенанту, и лейтенант улыбнулся Аскольду, а когда поднялся и подошел к Лене, спросил:

— Это еще один твой знакомый?

— Это мой враг, — сказала Лена. — Он хочет меня убить.

— Что ты говоришь! — Сени обернулся к кустам, срывая с плеча автомат. Это была запоздалая демонстрация чувства долга.

Что, видно, ему и сказал возвратившийся полковник. Он не кричал, он был отвратительно строг.

В результате Сени обиделся на Лену. Словно это она нажаловалась начальству.

Полковник закурил свою сладкую сигару, уселся на стул — спина прямая, — сказал:

— Теперь тебе пора сознаться. Для твоего же блага. Я здесь кое-что могу сделать.

— Они убили моего мужа, — сказала Лена. Она предпочла говорить правду, хотя и не всю. — Теперь они нашли меня здесь. Они думают, что у меня есть бумаги и расчеты мужа. Но это не так.

— Он был атомный физик?

— Нет, биолог.

— Ясно, — сказал полковник. — Генетика.

Он опередил ее, поэтому так и не узнал правды, хотя Лена готова была признаться.

— А я уж подумал, — продолжал Наронг, — что ты связана с наркотиками. А это плохо.

— Я не связана с наркотиками.

— Я верю, — сказал полковник, — я понимаю людей. Я знаю, когда они говорят неправду.

Он был самоуверен.

— Но я хотела бы посмотреть, как разводят мак и как делают опиум.

— Зачем это женщине?

— А ты видел?

— Видел, и не раз. Ничего интересного.

— Я любопытная.

— Посмотрим, — сказал полковник. — Это будет зависеть от твоего поведения.

И усмехнулся. Лене не понравилась усмешка. Полковник был хорошим, добрым, щедрым, и в то же время в нем таился и другой человек, хуже первого.

— Пепел Клааса стучит в моем сердце, — произнесла Лена по-русски, как бы заколдовав себя. В сущности, она была еще нестарой женщиной, и ей хотелось жить, а она себя сделала смертницей. Смертницей или смертником? Интересно, это слово имеет женский род?

— Собирайся, — сказал полковник. — У нас с тобой есть дело.

— Дело?

— Через пять минут мы выходим. Жду в машине.

Он сбежал с террасы — он был легкий и жесткий. Он ей нравился — нравилось смотреть на него.

Лена проверила, хорошо ли выглядит — выглядела она плохо, — и пошла за полковником.

Они ехали недолго. За краем торговой улицы, в дальнем от реки конце, Лена увидела просторное двухэтажное здание, без всяких украшений — как говорится, стекло и бетон. Оно выглядело тяжело и неуютно среди деревянных строений и пальм городка. Перед зданием стояло множество машин — к удивлению, Лена увидела среди них дорогие «мерседесы», «тойоты», даже один «ягуар». Борис с раннего детства увлекался автомобильчиками, с ним было легко: если день рождения — подари новую машинку, и ребенок счастлив. Поэтому Лена знала все марки автомобилей, хотя ей это совсем не было нужно.

— Ты плачешь? — спросил полковник.

— Нет, это случайно. Плохая мысль... плохое воспоминание... — Она хотела поделиться с полковником своими мыслями и понимала, насколько это пусто и неинтересно для всех, кроме нее.

И неожиданно для себя сказала:

— Мой сын, который умер... он любил автомобильчики.

— А какая машина у него была? — спросил полковник. Он не понял ее и представил себе

молодого человека, который любит гонять в автомобилях. *

Не дождавшись ответа, полковник пошел внутрь здания. Несколько угрожающего вида охранники стерегли проход в зал, но полковника никто не остановил. Сени тоже прошел с ним.

Во внутреннем зале по стенам шли подсвеченные витрины, в них на бархате лежали различного вида и размера драгоценные камни.

Возле витрин ходили разного вида люди с записными книжками или даже радиотелефонами и изучали камни. Но, видно, большинство уже насмотрелись, и потому они перешли в комнату со стульями, похожую на просмотровый зал в небольшом доме отдыха, там они сидели и ждали ... Лена их видела через открытую дверь.

— Здесь, — сказал полковник, — будет аукцион драгоценных камней. Нет женщины, которой это было бы неинтересно.

— Мне не очень интересно, — сказала Лена.

— Не может быть, — ответил полковник и пошел к крайней витрине. — Вот здесь ты видишь рубины, в центре большой камень, каратов в тридцать, из Верхней Бирмы.

Рубин был неинтересен — темный камешек, как галька.

— Некоторые не отшлифованы, — объяснил полковник. — Но некоторые уже прошли гранильную фабрику.

А Лена смотрела на покупателей.

Рядом с ней стояла пара — сошедшая со страниц какой-то светской хроники. Седой, загорелый, подтянутый мужчина был одет в формаль-

ный костюм, при галстуке — даже уголок платка торчит из верхнего кармана. И леди при нем тоже не поскутилась на строгий английский костюм. Откуда они?

— Сюда приезжают солидные люди со всего мира, — сказал полковник. — Здесь самые хорошие и дешевые камни. Лучше, чем на Цейлоне. Посмотри на толстого мужчину за нами.

Там стоял толстый пожилой китаец в зеленом камуфляжном костюме без погон или знаков различия. Он навалился животом на край витрины и казалось — вот-вот раздавит ее.

— Это генерал Лю, — сказал полковник. — Он очень любит камешки. Но не выносит меня.

Полковник засмеялся, и толстый генерал услышал смех. Он резко обернулся, как на звук выстрела. Прищурился, разглядывая в полумраке зала источник смеха. Разглядел полковника и поднял толстую, обтянутую тканью руку, приветствуя его.

— Как я рад, — сказал генерал. — Как я рад! Так давно не видел уважаемого туана полковника.

Он говорил по-английски. Негромко, но в благопристойной тишине аукционного зала каждое слово было слышно, как по микрофону.

Легонько оттолкнув джентльмена, генерал подбежал мелкими шажками к полковнику, протягивая ему обе руки.

Полковник поздоровался. Лену генерал не замечал. Он перешел на незнакомый язык — тайский или китайский, Лена не разбиралась в этом. Она стояла, не смея отойти, чтобы не сочли это за невоспитанность. Ведь совершенно неизвестно, что

же делать честной русской женщине, которая стоит между двумя восточными владыками.

Разговор между полковником и генералом Лю был недолог. Неожиданно они вновь перешли на английский язык.

— Я хочу представить вам мою знакомую миссис Елену.

Генерал расплылся в улыбке, которая была недобродой и зубастой.

— Я знаю все о миссис Елене, — сказал он. — У нас есть много общих друзей..

Он поклонился — мотнул головой и тут же откатился — жирным шаром — прочь.

— Что он имел в виду? — спросила Лена.

— Наверное, тебе лучше знать... но вернее всего, он блефовал. Он готов на все, лишь бы огорчить меня.

Полковник сморщил лицо в плаксивой гримасе. Он шутил.

— Смотри дальше, — сказал он.

Они перешли к следующей витрине. Здесь ложали опалы. Обычные и звездные.

Это полковник сказал ей, что там — звездные опалы. Никогда Лене не приходилось видеть таких камней. Такой красоты.

Она не удержалась и ахнула.

Камней было два. Одинаковых, крупных, как волшебные глаза — только вместо зрачка горели звезды, дрожа ослепительными лучами. Словно эти камни вложили по маленькому солнышку.

— Нравится? — спросил полковник.

— Очень нравится. Я никогда не видела и не знала, что такие бывают.

Вот тогда он и сказал, что это — звездные сапфиры. Вообще-то камни не очень дорогие, но такого размера, чистоты и сияния теперь встречаются редко. Вот у моей бабушки, продолжал он, был звездный сапфир с куриное яйцо. Моя бабушка была женой губернатора Чиангара.

Лена не выразила должного почтения. Полковник не стал уточнять, тем более что и сам, может, не знал, с какой целью можно употребить звездный сапфир размером с яйцо.

Цена была указана в батах. Каждый из сапфиров был оценен, если она правильно поняла, в тысячу долларов или чуть меньше. У Лены таких денег уже не оставалось.

— Хочешь посмотреть, как торгуют камнями? — спросил полковник.

— Конечно, хочу, — согласилась Лена. Все равно до темноты еще оставалось время. Она уйдет от него в темноте — надо подняться выше по речке, ей казалось, что там были привязаны лодки. Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел, а от тебя, полстый генерал Лю, который плохо на меня смотрел, я тем более уйду.

Кто-то оставил им два места в первом ряду, но полковник отказался от этих мест — они сели в шестом или седьмом ряду сбоку.

— Я люблю смотреть, как торгуются другие, — сказал полковник, — а впереди все тебя видят, а ты — никого.

— Ты хочешь что-то купить?

— Я люблю красивые камни. Они лучше всего — лучше денег.

Наверное, он был взволнован — кто его ~~пол~~ — мет. Они здесь как индейцы — каменные лица никаких эмоций. Только ~~оскалятся~~ иногда — догадывайся: улыбка это или угроза. Впрочем, генерала Лю это была угроза.

Начали для разогрева, как объяснил Наронг, партии рубинов, мелких, для торговцев в Гонконге и Сингапуре. Крупные дельцы и коллекционеры их полковник показывал Лене — пока лениво ~~ожи~~ дали настоящих боев.

И бой начался на партии крупного жемчуга, выведенного искусственно, в Бангальском заливе, на японской фирме в Бирме. Видно, в жемчужинах было нечто особенное. Но стороннему случайному наблюдателю трудно следить за аукционом, потому что аукционер говорит слишком быстро, он угадывает мимолетные, почти неподметные движения рук или голов спорщиков в ~~залах~~. Кидает взгляд направо и налево и произносит словно торопится поскорее закончить эту неприятную для себя процедуру:

— Сто пятьдесят пять справа... сто шестьдесят слева, сто семьдесят пять по телефону...

С телефонами стояли маленькие аккуратные тайки. Сам аукционер был, кажется, якитай. Высокий, статный, с очень белым лицом и ~~тём~~ кими усиками под носом, как у Гитлера.

Потный неопрятный мужчина с белыми ~~пол~~ сами, веснушчатым красным лицом, в мятом, когда белом костюме вдруг завелся, когда ~~объяни~~ ли следующий лот — несколько очень ~~крупни~~ необработанных опалов.

Полковник объяснил шепотом Лене, что проходит и какие камни сейчас идут на продажу.

Мужчина воевал с кем-то, невидимым Лене, и результате потерпел поражение. Опалы ушли к кулакстой махонькой женщине, которая была, как казал Наронг, любовницей промышленника с французской фамилией.

Вдруг, а прошло, видно, уже полчаса, оживился Наронг. Он поднимал указательный палец на грудь, но аукционер видел эти движения прибавляя по тысяче батов.

Полковник покраснел — вернее, потемнел кожей, черный ежик на голове стал частоколом. Лена мысленно переводила баты в доллары.

На шести тысячах долларов он взял верх над генералом Лю.

— Не думай, — прошептал он, — что мне нужен паршивый рубин, но я не мог допустить, что генерал Лю его взял — он здесь не хозяин.

— А если он захочет еще что-нибудь взять? — спросила Лена.

— Если захочет, то я покажу ему, какие у меня другие зубы.

Он показал ей зубы. Зубы и в самом деле были блчьи.

И тут дошла очередь до звездных сапфиров. Генерал Лю, как назло, тоже их возжелал.

Когда цена поднялась до семи с половиной тысяч долларов, полковник в сердцах сказал:

— Они этого не стоят.

— Может быть, откажешься? — спросила Лена плосом жены. Аукционер крутил головой — тоглядит на Лю, то на полковника. Цена росла.

— Он первый откажется, — сказал полковник. Он разумный человек. Он очень богат и поэтому считает деньги.

— А ты нет?

— Никогда, — сказал полковник.

Господин, приехавший на «мерседес», вмешался в схватку, Лю отступил, и пришлось сражаться с парой англичан — бывших плантаторов, как сказал полковник.

Сапфиры достались полковнику за восемьсот.

— Приличная цена, — сказал Наронг. Он был доволен, он улыбался как победитель. — Адреналин увеличивается в крови, знаешь про адреналин?

— Конечно, — сказала она, — я же бывшая спортсменка и учительница физкультуры.

— Ах вот как, — сказал полковник, и Лена не могла вспомнить, говорила ли ему уже о своей специальности.

Они посидели немного, у полковника не было настроения сражаться дальше, а может быть, он исполнил свои желания. Генерал Лю вступил в схватку за следующий лот и поглядывал на полковника, но Наронг сидел, прикрыв глаза, отдал хал. И камни доставались генералу дешево, что, видно, его не радовало.

Полковник послал Сени расплатиться. Сени принес пакет с коробочками. Полковник положил пакет в верхний карман куртки и сказал, что пора уходить.

Лю обернулся им вслед. Лена перехватила его колючий взгляд. Конечно же, он все знает. Зин

бит, удивлен, как она попала в компанию к полковнику. Кто ее покровитель?

Когда они вернулись в бунгало, солнце уже клонилось к холмам за речкой. Оно ночевало в Бирме.

Слуга зажег на веранде свет.

Полковника свет не удовлетворил, он приказал принести настольную лампу. Его приказания исполнялись здесь мгновенно.

Он уселся на стул, обхватив ножки стула ногами как мальчишка. Разорвал пакет и стал открывать коробочки. Одну за другой. Камни он рассматривал со всех сторон, он наслаждался ими как кот, который играет с мышкой.

Одну из коробочек он подвинул по столу к сидевшей напротив Лене.

Там в вате лежал звездный сапфир.

— Спасибо, я его уже видела, — сказала Лена.

— Он твой, я его тебе дарю.

— Не надо.

— Я купил сапфиры, чтобы они не достались генералу Лю. Теперь один камень останется у меня, второй — у тебя. И мы друг друга всегда узнаем по этим камням.

— Как шпионы?

— Точно! Как шпионы.

— Это слишком дорогой подарок.

— Глупая женщина. У меня есть деньги. — Он вытащил из кармана рулон долларов, схваченный резинкой. — Это честные деньги.

— Я и без того у тебя в долгу.

— Я не прошу ничего взамен.

— Возьми камень и иди спать. — Лена была сердита, она в самом деле не хотела никакого спиртного. Зачем он ей: в могилу нести с собой или подарить свекрови — единственному близкому человеку на свете, если не считать мачехи в Курской области.

— Я возьму, — сказал полковник, — но в таком случае я буду обижен.

— Это твое дело, — сказала Лена. — Я тебе не жена и не любовница.

— А жаль, — сказал полковник.

Он медленно собирал со стола коробки, потом одним движением руки свалил их в пакет и поднялся. Но одна осталась лежать на столе.

Лена сказала:

— Ну как хочешь.

Полковник не ответил, а пошел, он всегда быстро ходил, на веранду.

Лена хотела остановить его, но потом гордия взяла верх.

Шаги полковника скрежетали по гравию до рожки.

Что же она наделала! Она осталась одна!

Лена непроизвольно сделала несколько быстрых шагов следом за полковником, но тут услышала выстрелы.

То есть ей трудно было понять, что следили за чем.

Она услышала выстрелы. Два или три. Она упала, как отлетела щепка от столба веранды, вторая щепка, которую она не успела увидеть, врезалась ей в предплечье, и стало больно.

Лена пригнулась и кинулась обратно в комнату — наверное, лучше было бы бежать в сад.

Она захлопнула дверь и почти сразу услышала, как на веранду кто-то взбежал. Она навалилась на дверь.

— Это я, мадам, — сказал Сени. — Не бойтесь, мадам.

Лена сразу открыла дверь.

— Я буду рядом, — сказал лейтенант. — Это приказ.

В зарослях и там, дальше, на дорожке, слышны были голоса, а потом выстрелы. Крик, снова голоса и беготня...

Лейтенант был напряжен. Он стоял возле окна, прижав затылок к раме, и выглядывая одним носом. Но за открытым окном была освещенная веранда, так что нос лейтенанта был хорошо виден нападавшим, тогда как он не видел ничего.

Какие дикие мысли скользят в мозгу, когда надо думать о другом — надо упасть на пол, заткнуть уши и ждать, когда кончится это ужас. Ведь лейтенант Сени стоит здесь и держит автомат только потому, что Аскольд и его нарколяди хотят ее убить. Догнать и убить. Они уже всех убили...

На веранде послышались шаги. Быстрые и четкие.

Это возвращался полковник Наронг.

Лена только тут сообразила, что сидит на краю, прижав к груди подушку. Она отбросила подушку, подушка шмякнулась на пол, Сени развернулся и направил на подушку свой автомат. Полковник остановился в дверях и спросил:

— Чего вы без света сидите?

Сени воспринял вопрос как приказание.
 Загорелась лампа под потолком.
 — Все кончилось, — сказал Наронг.
 — Спасибо, — поблагодарила Лена.
 — Спасибо — это мало. Ты кому-то очень ~~на~~ солила, — сказал Наронг. — Настолько, что ~~они~~ хотели догнать тебя здесь.

— Кто они? — спросила Лена. — Ты их видел?
 — Сейчас и ты увидишь, — сказал Наронг.
 Пошли.

Лена открыла рот, чтобы попросить его: не ~~веди~~ меня, я не хочу. Если вы поймали кого-то — ~~это~~ ваше дело. Мне нужно только дождаться, когда ты уснёшь, и убежать в Бирму. Вот и все.

Наронг потянул ее к двери.
 Они пошли через сад, к голосам и шуму, ~~ко~~ торый доносился со стоянки автомобилей, отдаленной от бунгало полосой пальм.

Тени от пальм, создаваемые лампами, ~~кою~~ рые висели на проводах и колебались от легких движений воздуха, медленно двигались по ~~тропе~~ и были бесконечны.

На асфальте возле машины с горевшими фонарями и заведенным мотором лежали два тела. Возле них стоял шофер полковника, гостиные слуги и несколько постояльцев.

Один из слуг как раз принес белые скатерти и намеревался закрыть тела ими, как простынями, но полковник остановил его.

— Смотри, — сказал он Лене. — Ты их знаешь?
 Вася лежал на спине, раскинув руки. Глаза ~~его~~ были открыты, словно он всматривался в ~~нас~~.

Белая чистая рубашка была заляпана кровью, очень неаккуратно.

Но не он удивил Лену — она, в общем, ожидала, что увидит его, с того момента, когда увидела всю туристическую группу у нефритового магазина на торговой улице. Ведь Вася с туристами намеревался отправиться совсем в другой город, а оказались они здесь. Случайностей такого рода с туристами почти не бывает.

Лену удивила женщина. Кажется, ее звали Вероникой. Одна из тех, кто так беззаботно разговаривал на улице в Чиангарае, из тех, что сидела перед ней в автобусе.

И Лене стало жаль, что она даже не поговорила с этой женщиной. В этом была несправедливость. Ведь ее заставили — как заставляли Лену. Может, у нее остался ребенок или муж — наверное, она должна была гулять рядом с Васей, делять вид, что они — обычные туристы. А Вася тем временем высматривал, на какой из веранд сидит его жертва. Ему не было ее жалко. А может, он тоже боялся?..

— Я не знаю женщину, — сказала Лена полковнику.

— А этого русского я знаю, — произнес Сени. — Он был в комнате мадам. Вчера ночью.

— Надеюсь, — сказал полковник, — что сегодня ночью на тебя никто не нападет.

— С чего ты так решил? — спросила Лена. — Разве у них больше убийц не осталось?

Она имела в виду Аскольда. Хоть он и отказывается от этого звания, это ничего не значит. Прикажут — выстрелит. Может, он и сам наркоман?

— Ты кого-то подозреваешь? Скажи мне. Полковник понял ее правильно.

— Даже если я и знаю человека — где его искать?

— Я тебя понял. Сени тебя проводит, а я отдаю распоряжения.

— Какие?

— Здесь не так много русских. Скажи только, он в туристической группе?

— Вряд ли. Неужели целая группа охотится за мной?

— Ты права. Вряд ли. Сени тебя проводит.

Слуги накрывали тела скатертями, загудели, сворачивая с улицы, карета «скорой помощи». Зазвыла вдали полицейская сирена.

— Пойдем, — сказал Сени. — Зачем тебе, мадам, показываться полиции? Они могут удивиться — русские занимаются своими бандитскими делами.

Пока они шли к веранде, Сени допрашивали Лену — а правда ли, что Россией правит мафия и все там куплено бандитами, даже правительство. Но что могла Лена ему ответить — Сени питалася газетной и телевизионной пищей.

— Некоторые не куплены, — сказала она. Пример перед тобой.

— Ты правительственный агент?

— Нет, я сама по себе. Они убили моего мужа и сына.

Сени вздохнул, выражая сочувствие. Он остался снаружи, но не ушел. Лена вошла к себе. Состояние ее было глупым, как будто она ее смотрела страшное кино, но оно не проникло в нее, а лишь запомнилось — картинками, сценами

ми, не имеющими к ней никакого отношения. Бунгало было непрочным и ненадежным — бумажный домик в странном лесу.

Лена не знала, останется ли солдат на ночь снаружи. Может быть, полковник решил, что теперь Лене нечего бояться...

Выстрелы и смерть Васи сбили все ее планы. Гостиница полна полицейских и всякого любопытствующего народа. Сейчас и Аскольд приблизится. Как ей уйти незаметно? Как добраться до реки? Надо ждать.

Закрыть окно невозможно — ночь жаркая, задохнешься. Хоть и крутится под потолком фен. Но все же Лена закрыла занавески на окне, потушила свет. Оставила только очник. Но все равно любой желающий мог подойти к окну, заглянуть в него и пристрелить Лену — даже удивительно, что они выбрали такой неудачный путь разделаться с ней. Вернее всего, были уверены в себе. А может быть... может, если полковник проверит, он узнает, что автобус с туристами ждал за углом и покушение было устроено таким образом, чтобы добежать до автобуса и не спеша уехать из города — кто заподозрит респектабельных туристов?

Полковник подошел к окну со стороны реки, раздвинул занавеску и прошептал:

— Не бойся меня, хорошо?

Она не успела испугаться.

Она была рада, что он пришел и ведет себя **так** пристойно.

— Что нового? — спросила она.

— **Их** ждал автобус с туристами, — сказал Наронг. — Они думали добежать до него, выкинуть

оружие, и тогда доказать что-нибудь было бы не-возможно. Да и кто бы стал стараться?

— Одной русской туристкой меньше, — со-гласилась Лена.

— Молодой человек, — продолжал полков-ник. — Базиль. Мы его называли Базилем, час до покушения встречался с генералом Лу. Это интересно, правда?

— Интересно. Но я догадывалась.

— Я тоже. Можно я влезу в окно? А то москиты заедят.

— Не стоит, — сказала Лена. — Я устала.

Полковник спросил:

— Ты собиралась завтра куда-то?

— В Бирму. Ты обещал.

— Боюсь, что не смогу тебе помочь.

— Что ж, я обойдусь без твоей помощи.

— Это будет неразумно. Ты никуда не пои-дешь. Но я не стану спорить. У вас, русских, осо-бенное чувство благодарности. Спокойной ночи.

Он задержался у окна, видно ожидая, что она его позовет, но Лена промолчала. Полковник по-вернулся и медленно пошел прочь.

...Наверное, этого не следовало делать. Она не думала, что так поступит. Но она страшно испу-галась остаться в комнате одна. Тем более что сейчас ее план добраться до пограничной речки казался наивным.

Вот уйдет полковник, единственный человек, который ей здесь помогает и защищает ее. Но он делает это не потому, что он — добрый дедушки из сказки... она ему нравится. Как женщина. На-верное, это лестно. Чего же ты, дура! Ты же со-

бралась умирать! Так добивайся своей цели. Без него ты ничего не сделаешь... Он тебе противен? Ни в коем случае! Ей давно ни один мужчина не нравился так, как этот тайский разведчик.

— Наронг, — позвала она, — не уходи.

— Ты предлагаешь мне провести ночь под твоим окном, как Ромео?

— Ну, положим, Ромео никогда не проводил ночь под окном, — вдруг улыбнулась Лена. — Они встречали рассвет в постели.

Полковник не ответил.

Он медленно, не спуская с Лены глаз, вернулся к окну и перепрыгнул через подоконник — хорошо тренирован.

Он сразу обнял ее и замер.

— Ты только не думай, — начал он по-английски, но потом не справился с чужим языком и закончил фразу по-тайски. Она не поняла слов, но значение их было понятно без перевода.

— Скажи, чтобы солдаты ушли, — попросила она шепотом.

— Не сходи с ума, они только этого и ждут, — ответил шепотом Наронг. — Как только Лю узнает, что я здесь с русской женщиной, без охраны... тут нам с тобой и пришел конец.

Он потушил лампу.

Неподалеку все еще шумели голоса, перекликались полицейские или санитары, загудела машина.

Господи, какая я бездушная... я хочу отаться мужчине, который... по приказу которого убили глупого Васю. И Вася, и еще одна, почти незнакомая женщина лежат на траве...

Взревел мотор? Может, их увозят?

— Ты о чем думаешь? — Полковник оторвал губы от ее шеи — а она и не заметила, что он целует ее... как она могла не заметить, — от его прикосновения к груди по спине пробежали мурашки. И он поцеловал ее по-настоящему... сколько же лет у меня не было мужчины! Это преетупление!

Она позволила ему раздеть себя и осталась стоять посреди комнаты, пока он раздевался — быстро и ловко, не кидая одежду на пол, где валялось ее платье и трусики, а вешая на спинку стула — он был виден, потому что свет фонаря проникал сквозь окно.

Она села на край кровати.

Он сел рядом.

— Как странно, — сказал он, — я так к тебе отношусь...

— Я понимаю.

Он сильно и приятно нажал на грудь и заставил ее лечь на кровать. Кровать взвизгнула, и она испугалась, что Сени услышит.

Но потом ей уже было не до Сени, потому что на мгновение ей стало больно — будто он был ее первым мужчиной, но тут же она сама отыскала губами его губы, и губы ее стали мягкими, влажными, жадными, а внутри нее все разрывалось щекотного счастья, которое требовало встретить его, обнимать, ждать и, главное, не закричать от наслаждения, которого она, оказывается, никогда раньше не испытывала.

Она хотела говорить с ним и рассказать ему все, что с ней случилось, но он почти сразу заснул, прижавшись к ней всем телом, и она, приняв себя, спохватилась, что ей повезло — не иначе

рассказывать, даже Наронгу. Зачем? Что она о нем знает? Он хотел подарить ей камень... за несколько тысяч долларов. Откуда эти деньги?

Вдруг ей страшно захотелось поглядеть на звездный сапфир. Еще два часа назад она и подумать о нем не могла.

Она осторожно отвела руки Наронга, он уютно забормотал во сне на непонятном, как будто детском языке, но не проснулся.

Камень лежал на столе, в коробочке, как она его принесла, так и оставила, не раскрывая.

В окно светила луна. Этого света оказалось достаточно, чтобы в камне вспыхнула чудесная звездочка.

Она смотрела на камень, чуть поворачивая его, и звездочка плавала внутри, дрожа лучами.

Темная тень закрыла свет...

Лена вздрогнула. И тут же поняла, что под окном прошел солдат.

Ну и пускай себе ходит.

Громко звенели цикады и ворковали ночные птицы... а может, лягушки.

Лена вернулась в постель. Постель была теплой, но не жаркой, у Наронга была прохладная чистая молодая кожа.

Не просыпаясь, он обнял ее крепче, и его губы стали искать ее рот.

— Глупый, я тебя растерзаю, — прошептала Лена по-русски. — Ты не понимаешь.

Он понимал. Или понял потом.

Когда Лена лежала на спине, раскинув руки, она подумала, что ей должно быть стыдно перед солдатом.

— Извини, — сказала она, — что я кричала. Но мне было так хорошо.

— Это хорошо, — промурлыкал Наронг. И сразу заснул. Теперь он забудет провести меня в Бирму, подумала, засыпая, Лена.

Она проснулась утром от того, что полковник Наронг поднялся и, стараясь не шуметь, одевался. Косые лучи солнца били в окно, пронизывая тонкую занавеску, оглушительно пели птицы.

— Чудесное утро, — сказала Лена, — как ты спал?

Наронг подошел к ней, наклонился, поцеловал в глаза, в щеки — нежно целовал ее, и Лена нежилась, как в теплой воде.

— Мне жаль, что надо уходить.

— Дела?

— Конечно, дела, — сказал он. — Если забудешь о них, тебя съедят.

— Ты обещал мне.

— Я никогда не забываю об обещаниях. Ты ночью встала и смотрела на камень. Он тебе нравится?

— Очень.

— Я рад. Одевайся, иди завтракать, я вернусь через час и тогда скажу тебе...

На веранде уже стоял юный слуга, он принес поднос с завтраком и расставлял на столе приборы.

— Может, позавтракаешь? — семейным голосом сказала Лена.

— Я утром пью только холодную воду, — ответил полковник.

Ночью она даже в мыслях не могла бы назвать Наронга полковником. Какое дело ее губам должна эта чина этого человека? А сейчас назвала.

Белье почти высохло, она переоделась, умылась — все еще было не жарко.

Она вспомнила о смерти Васи — ночью не помнила.

И начали возвращаться черные мысли, и начало овладевать ею чувство долга перед Николаем и Борисом.

Неужели он не обманет ее? Но ведь с его точки зрения глупо потакать причудам и капризам иностранки. Тем более если дело явно связано с наркотиками.

Вместо Сени в саду разгуливал другой, незнакомый солдат. Наронг возвратился точно через час, как обещал.

— Здесь недалеко, — сказал он, — но, к сожалению, плантации находятся под контролем Лю, помнишь его?

— Помню.

— Так что ты посмотришь и сразу обратно. Большего я тебе не обещаю. И попрошу тебя не жечь, не вытаптывать, не заливать напалмом поля крестьян.

— Что ты знаешь?

— Когда-то я читал, — сказал образованный полковник, — что сделать великую скульптуру просто — надо взять камень и отсечь от него все лишнее. Так же и в деле разведчика. Я ведь хороший разведчик. Я собираю всю информацию и выбрасываю лишнюю.

— Расскажи обо мне.

— О тебе мне трудно рассказывать.

Они вышли к машине, солдат сел за руль, полковник рядом с Леной.

— И все же расскажи. А то я сама расскажу.

Снизу от реки поднимался туман, сверху низко ползли облака, так что дорога очутилась между двумя белыми массами. Солнце пропало, и птицы примолкли, хотя из тумана доносились разрозненные голоса и вскрики птиц.

У Лены уже пропало настроение исповедоваться. Она смотрела на профиль полковника и любовалась его строгостью, точностью линий. **Мне** повезло, думала она, мне так повезло, что этот мужчина любил меня. И, может, любит сейчас.

— Ты представляешь для них опасность; нужно было стеченье обстоятельств, чтобы тебя до сих пор не убили — у тебя удачная карма...

— Карма?

— Вы называете ее судьбой, но это больше, чем судьба.

— Лучше бы мне не существовать.

— Тогда бы я тоже не существовал. Тебе этого хотелось?

Она положила руку ему на коленку.

— Хорошо, что ты существуешь, — сказала она.

— Но ты меня отталкиваешь.

— Я думаю, — сказала Лена, — что ты **многое знаешь**, еще о большем догадываешься. Тебе нужно мое признание?

— Я ломаю голову — в чем твоя угроза. Ты **мне** кажешься самой безобидной женщиной на свете.

— Так и есть, — призналась Лена.

Машина остановилась, не доехав до моста, скрытого в тумане.

Из тумана вышли два человека, в одежде **шинель** — бирманских торцев.

Наронг заговорил с ними. Они слушали с не-подвижными и даже скучными лицами — наверное, им уже давали эти инструкции.

— Вот это, — сказал полковник Лене, — Маун Джо, он говорит немного по-английски. Маун Каун не говорит.

Горцы поклонились. Они не встречались с Леной взглядами.

Полковник был неуверен, как будто не хотел отпускать Лену, но гордня не позволяла отказаться от обещания.

— Ты где оставила камень? — спросил он.

— Он со мной, в сумке. И это еще не значит, что я хочу убежать. Но у меня все ценное с собой, в сумке.

— Хорошо, — поморщился полковник, — я думал, что ты его потеряла. Я жду вас здесь же через шесть часов. Слушайся во всем этих людей.

— Я уже поняла.

Она пошла к границе, но Маун Джо допытал ее, дотронулся до плеча и сказал:

— Иди туда.

Показал вверх по реке.

Все правильно. Они не хотят идти через мост, они перейдут речку выше, где лодки.

Она оглянулась. Полковник стоял по пояс в тумане. Он смотрел ей вслед. Поймав ее взгляд, улыбнулся, видно, уже не надеялся, что она обернется.

Лена шла между двумя шанами — один спереди, второй сзади. На них были синие куртки, синие же широкие, короткие штаны, которые были еще недавно в моде у наших женщин, головы

обмотаны полотенцами — будто это солдаты в униформе очень экзотической армии.

Отвратительный запах догнал ее. Она обернулась — Маун Каун раскурил толстенную сигару в кукурузных листьях — точно как початок. От нее исходила вонь.

Лена испугалась, что эта вонь всех вокруг беспечтует, но второй шанс не обратил внимания на этот проступок коллеги.

Скользя по росистой траве, они съехали к реке. Она и здесь была такой быстрой, что, пожалуй, не переплыть. Несколько узких долбленок с высокими загнутыми носами лежали, вытянутые на берег.

— Садись, — сказал Маун Джо.

Лодку было трудно разглядеть. Клочья тумана то скрывали ее целиком, то на несколько секунд открывали.

Они стащили лодку с берега, и она закачалась в неглубокой воде. Лена забралась в неустойчивую лодку — более ненадежного судна ей видеть не приходилось.

Маун Каун толкнул лодку в корму и прыгнул в нее, когда она уже заскользила по воде.

Лодку понесло вниз, все быстрее и рискованней — Маун Джо подобрал со дна небольшое весло и стал управлять им, Маун Каун раскачивался в корме, как противовес.

Лодку несло на устои моста, но шансов это не беспокоило, Лена решила, что это и ее не должно беспокоить.

Стоки моста, зеленые от лишайников и плесени, пронеслись в нескольких сантиметрах. Ниже

по течению река становилась шире и спокойнее. Тогда Маун Джо начал править к дальнему берегу.

Они пристали как раз там, где начиналась узкая тропа.

Она круто вела вверх среди кустов, в большинстве своем оказавшихся, как назло, колючими.

Тропинка становилась все уже, Маун Джо не опасался колючек, а о Лене никто и не думал. К тому же из зеленой чащи вылетали отвратительные москиты и даже оводы.

Жарко в этой чащце было так, словно ее не прощетывали с прошлого года.

И только когда Лена готова была уже повернуть назад к цивилизации, лимонаду и славному возлюбленному, тропинка вывела их на простор — то есть на сельскую дорожку.

По ней они пошли быстрее.

Дорожка забирала все выше и выше, и так продолжалось минут сорок. Лена терпела. Почему, в конце концов, она, профессиональная спортсменка, должна уступать двум необразованным горцам?

Колючки и бананы сменились настоящими деревьями, уже потерявшими листву.

Неожиданно дорожка вывела их на маленький перевал.

И с него открылся чудесный вид на долину, частично поросшую лесом, а кое-где лес раздавался, уступая место сухим рисовым полям... И не только рисовым полям.

Маковые поля еще цвели — кое-где отцвели, а так — цвели.

И потому казались аккуратными красными заплатками.

Вот они, вот она, Америка Колумба! Неужели нужно радоваться выполненному долгу? Надо. Другого пути нет.

И стало жалко, что она больше никогда не увидит Наронга, не вернется в то самое бунгало, не говоря уж о городе Веревкине Тульской области.

Маун Джо обернулся к ней и спросил.

Вопроса она не поняла, но поняла, о чем он хочет спросить: какое из полей ей больше по душе?

Она показала на то, которое было ближе других, оно лежало на склоне, как раз под ногами. Заодно Лена отметила положение соседних участков.

Туман разошелся — впрочем, они забрались довольно высоко. Облака также сначала источились, а потом и вовсе рассеялись.

Спускаться пришлось без дороги, Маун Джо шел медленно и все время оборачивался, провеся, ступает ли Лена в его след.

Большой жук пробежал по ветке рядом с лицом Лены, паутина покачивалась там, куда он ринулся, испугавшись людей. Паутина была размешром с дверь — не только жукам там место найдется.

Сзади похрустывали ветки — спускался Mayn Каун.

Без кругозора, без горизонта теряешь ориентацию и непонятно, сколько прошел и сколько осталось идти.

Поэтому поляна, засеянная маком, показалась неожиданно.

Отсюда сверху было видно, как она спускается полого к домику или, скорее, шалашу на склонах, видно, там сидел сторож.

Маун Джо остановился на краю макового поля. Оглянулся, как бы спрашивая, что делать дальше.

Лена пережила несколько секунд тупой растерянности. А что в самом деле делать? Вот она проехала полмира, она добралась до поля, она никогда еще не видела столько маков сразу. Некоторые уже отцвели, и тяжелые, похожие на спелый инжир светло-зеленые коробочки покачивались под ветерком.

Лена прошла к полю, вошла в него. Маки были высокими, куда выше, чем у нас, она раскрыла сумочку, вытащила оттуда платок с завернутым в него пузырьком, заткнутым резиновой пробочкой. Потом поднесла платок к носу, словно намереваясь высморкаться, тут скромность одолела даму, и она отвернулась от своих спутников.

Пробка поддалась легко, и несколько капель поппифага упали на листья и цветок мака. Лена заткнула бутылочку пробкой.

Вот и все.

Трудно поверить Николаю, но если поверить, то этого достаточно не только чтобы погубить маки на этой плантации, но и на соседних — насекомые, птицы и даже ветер могут разносить вирус.

— Спасибо, — сказала Лена своим спутникам. — А теперь покажите мне другую делянку.

Они поняли не сразу, но, видно, время было, и шаны подчинились.

Они пошли дальше, а когда проходили мимо шалаша, оттуда спрыгнул голый до пояса дикарь и начал что-то яростно выговаривать шанам. Горцы с презрением отмахивались от него. Он вытащил из-за пояса нож и помахал им в воздухе, не

намереваясь никого убивать, а Маун Каун вытащил из-под подмышки грозного вида пистолет и тоже им помахал.

Молодой дикарь кричал им вслед, а шаны ускорили шаги, видно, им ни к чему был шум.

Когда они вышли к следующей плантации, Маун Джо сказал Лене:

— Быстро, быстро!

Лена кивнула. Лучше вернуться и потом придумать, как с пользой употребить оставшуюся жидкость.

На этот раз пробочка упорно не открывалась, и вроде бы Маун Джо заметил, что белая женщина занимается недозволенными вещами. А может, торопился, пока не прибежали бандиты генерала Лю.

А вдруг в бутылочке не поппифаг? А вдруг его подменили?

Нет, характерный чесночный запах сохранился на пальцах.

— Пройдем вот так. — Лена показала путь вдоль долины, чтобы пройти мимо еще одной поляны. Но ее спутники отказались.

Они велели ей снова карабкаться наверх.

Они карабкались, стало невыносимо душно, они добрались до вершины, и Лена с облегчением подумала, что теперь начнется спуск к речке. Но она ошиблась. Наверху их ждали солдаты.

Сначала она жутко расстроилась. Ведь они только начала губить посевы. А что, если на этих участках ничего не получилось? Ведь она надеялась потеряться, уйти от шанов. Впрочем, замыслы ее были неконкретны, как будто она должна

была ужалить, выпустить яд... или сделать как кета. Кета с запасом неиспользованной икры...

Шаны поднимались покорно — они тоже увидели солдат.

Маун Джо сказал:

— Ты иди, женщина. Тебя ловили.

Он подтолкнул Лену вперед, чтобы показать этим, что он здесь ни при чем, проводник и только.

Все было просто, обыденно, никто не собирался Лену мучить и убивать.

Шаны куда-то исчезли. Сначала Лена долго шла по тропинке, по жаре, солдаты шли быстро, не обращая внимания на нее. Хорошо еще, что она так исхудала за последние недели, что мышцам нечего было тащить на себе. Потом тропинка стала шире, превратилась в грунтовую дорогу, разбитую машинами. Лена представляла себе, как ее приведут к генералу Лю и он будет пытать ее, как советскую партизанку. Думать об этом не хотелось, поэтому она думала о том, что полковник Наронг обязательно придумает что-то, чтобы ее освободить. Он должен успеть, иначе наши мафиози до нее доберутся. А ведь они ей будут мстить за Васю.

Через несколько минут они добрались до небольшой деревни или, вернее, базы в лесу, партизанской базы. Там стояли бараки с окнами без стекол под тростниковых крышами, в зарослях белело каменное здание, но туда Лену не повели. Ее оставили в небольшом бараке, раздelenном пополам вертикальной решеткой. По одну ее сторону стояла лежанка, покрытая циновками. Там предстояло томиться Лене, по другую стоял стол и стулья — там сидели ее стражи, которые ни на

секунду не выпускали ее из виду. На это можно было наплевать, если человеку не надо отправлять надобности. Но терпи не терпи — приходится привыкнуть и к тому, что ты снимаешь грязные, отвратительные трусы на глазах у солдат.

Дня через три, когда в барак заглянул офицер, она постаралась объяснить ему, что человеку свойственно мыться. Тот сморщил нос, почуял что-то, и ей принесли целую бадью теплой воды. Хватило, чтобы помыться и постирать. Это был радостный день.

Мешали жить мыши и тараканы — они не кусались, не злобствовали, но чересчур суетились, а давить их было бессмысленно — новые придут.

Потом потянулись одинаковые дни. Не стала делать с первого дня зарубок, как граф Монте-Кристо, вот и потеряла счет дням.

Никто не приходил и не спешил ее спасать.

Никто не интересовался даже содержимым ее сумки.

Лена сидела в тюрьме вторую неделю, когда Аскольда вызвало к себе высокое начальство.

Не для разноса. Его уже разносили после смерти майора Вероники Кротковой. Она была ценным сотрудником, преданным делу защиты Родины, отмечена наградами и поощрениями, со знанием иностранных языков, близкий человек к самому генералу Прохорчуку. А с ней погиб еще один агент, Василий Нестеренко, человек, правда, пустой, даже выведенный за штат. Но ведь мы не бросаемся людьми! Нам дорог каждый живой человек.

Нет, не для разгона вызвали Ивана Тимофеевича.

— Мы получили сведения, — произнесло начальство, которое воспринимало себя во множественном числе, — это преувеличение или факт?

— Пока, надеюсь, преувеличение, но сами понимаете, ручаться может только Господь Бог.

— Докладывайте, не стесняйтесь. Вы уже достаточно напортачили.

— Это женщина, — Аскольд говорил с искренней печалью в голосе, — связавшись с одним черным полковником, сумела забраться в такие места, где и мужчине трудно...

— Без эмоций, полковник, — сказало начальство. — Мы с вами не чай распиваем. Смог провалить операцию...

— Не я стрелял, а ваша Кроткова, — буркнул Аскольд, но начальство не любит, когда его перебивают, и потому оно стало барабанить пальцами по столу.

— Продолжай, — сказало оно, отступившись.

— Факт остается фактом, Сидорова жива...

— Не тяни, я понимаю, почему она жива. Уже нет резона убивать ее. Уже не остановишь.

— Главное — достать противоядие.

— Надо было не противоядие искать, а на пути этого...

— Поппиаг.

— Надо же придумать название. Уроды!

— Не мы придумали.

— Продолжай. Объясни мне по-человечески, почему ты ее не убрал с самого начала?

— С самого начала? За что? А потом было поздно. Ускользнула. Вы же знаете, что нет хуже любителей, они непредсказуемы. Профессионала я бы тысячу раз просчитал и снял его... Но главный фактор — ну гениальная баба, преклоняюсь! Кинуть такого гуся! Самого полковника Наронга.

— Не отвлекайся. Читал я объективку на твоего полковника. Большая сволочь. Но нас с тобой это не тревожит. Так что доставай противоядие. И без него не возвращайся. Ты понимаешь, что ты делаешь с мировой политикой?

— Никто, боюсь, не понимает.

Поэтому на некий день заточения к Лене сно-ва пожаловал Аскольд.

— Ну и миазмы у тебя, — сказал он. — Пора выбираться на свежий воздух.

Лена встретила Аскольда равнодушно, тупо: она уже одурела от вони, духоты, насекомых — как удивительно, что человек может пережить все это и даже, если удается заснуть, видеть какие-то цивилизованные, даже радостные сны. Это возмущало — не утешало, а возмущало: хуже нет, чем проснуться и провалиться из веревкинской весны в гниль лесной темницы.

— Я тут тебе банан принес, — сказал Аскольд и протянул банан.

Ему была противна эта баба — удивительно, что совсем недавно он видел в ней прелестную, хоть и грубо-ватую женщину. Это было существо, не более того, все узники постепенно превращаются в животных. Если вам будут говорить о чистых, мужественных и причесанных узниках — это инсценировка, липа.

Аскольд ожидал от нее человеческого движения — отказа от банана.

Но Лена вяло протянула руку, взяла банан и начала его чистить.

— Я стараюсь объяснить тебе, — твердил Аскольд, — что ты на свете живешь не одна.

— А кто еще? — спросила она без издевки, без иронии — просто хотела для себя уточнить, кто же, кроме нее, живет на свете.

Аскольд знал, что у Лены опять подвело живот — ее мучил колит, а может, амебная дизентерия — черт его разберет. А при этом Аскольде приходилось терпеть — не пойдешь же к параше, что стоит в углу темницы.

Аскольд не смог сразу ответить на вопрос Лены — он понимал, что тут он бессилен. К каждому человеку можно подобрать ключи через родных, близких или любимых. А Лена была защищена своим сиротством. По ней — хоть все жители Земли помрут от простуды — все равно.

Аскольд судил профессионально, упуская из виду важный движущий мотив Лены — месть. Месть тем, кто убил Николая и Бориса, и спасение бесчисленных Николаев и Борисов, обреченных на смерть, если она за них не вступится.

— Мы с тобой живем в жестоком мире, — произнес он наконец.

— Вижу. — Она не улыбнулась.

— Мы никогда не сможем сделать его идеальным. Но он, видно, не хуже всех других миров.

— Каких? — тупо спросила Лена, но на этот раз Аскольд не стал ей отвечать, а продолжал свою мысль, чтобы не забыть, не сбиться.

— От того, что здесь, в Лаосе или Бирме, крестьяне выращивают мак, их дети могут пойти в школу, а они сами наесться досыта. Так что пойми диалектику — не бывает просто плохого или просто хорошего события. Для того чтобы вырастить, обработать мак, превратить его в опиум — многие и многие тысячи людей гнут спину и честно трудятся. Пойми же меня правильно и не старайся показаться романтиком — но еще тысячи людей, которые хранят, распространяют наркотики, тоже имеют детей и жен — и тоже их кормят. Это работа. Это часть экономики нашей планеты. И еще неизвестно, кого больше — тех, кто трудится, производит наркотики, или тех, кто их употребляет.

Тут Аскольд лукавил, но он не давал времени Лене подумать и возразить.

— Там, где есть, скажем, крысы, там существуют и собаки, охотники за крысами.

— Кто собаки?

— Я, к примеру, собака. Ищайка. Я положил жизнь на то, чтобы вылавливать наркотики, уменьшать вред от них, ловить особо наглых и опасных дельцов.

— Ты ловишь? А я думала, ты делаешь.

— Нет, я тебе уже говорил — я сотрудник особого отдела ФСБ. Я и мои товарищи рискуем жизнью, здоровьем — всем, чтобы в мире было меньше наркотиков, меньше бед и страданий и погибало меньше мальчиков.

— Вы? — тупо и недоверчиво переспросил Лена:

— Постарайся мне поверить.

— Нет.

— Тогда слушай и понимай! — Аскольд уже почти отчаялся вдолбить разум в голову этой скотины. Пора ее списывать — от нее смысла нет и быть не может.

— Слушай. Подумай. Вот в этом мире появились вы с вашим бывшим мужем. И тайком, не поставив в известность соответствующие органы, кинулись наводить в мире порядок. А в чем ваш порядок?

— Уничтожать, — сказала Лена.

— Не уничтожать, а умножать, — возразил Аскольд, отодвигаясь подальше — от этой женщины воняло. — Вот ты уничтожила посевы на одном другом, десяти участках...

— На двух.

— Дура! Ты не знаешь, что творится! Оказывается, этот самый поппифаг распространяется как чума. Вирус переносится ветром, насекомыми, дождем... мы не успели пресечь это в первый день. А сегодня вирусом поражены фактически все поля в долине Сальвина и в верховьях Меконга. Сотни тысяч людей остались без дохода, без денег, теперь они бросятся воровать, убивать друг друга. Был худой мир, он был лучше доброй ссоры. Знаешь, что ты наделала, безмозглая кукла? Ты уничтожила мир.

— Не врешь? — спросила Лена и улыбнулась.

Аскольд удивился — занятый собственными речами, он выпустил из головы, что с дьявольской настойчивостью эта женщина стремилась именно к уничтожению посевов — он признался ей в том, что она его победила. Черт побери — начальству в таких ошибках признаваться не следует.

— В общем, ситуацию еще можно взять под контроль, — сказал Аскольд. — И ты должна нам помочь.

— Зачем?

— Я же тебе объяснил! Чтобы спасти сотни тысяч честных тружеников.

— Значит, больше не будет опиума?

— В этом и заключается твоя главная глупость! — закричал Аскольд. — Свято место пусто не бывает. Мы знаем, как бороться с героином, мы знаем пути и методы, мы можем контролировать его... ты уничтожишь источники героина — тут же появятся химические средства — они и сейчас уже есть, их куда труднее уловить, они действуют как пули: одна таблетка — и человек погиб. Понимаешь ли ты, что в своей слепоте ты губишь весь мир!

Лена отвернулась от него. Она не могла и не хотела задумываться — она сделала, что хотела, доплыла до нерестилища и погибла. Вот и все. А уж другие пускай решают...

Аскольд знал, что должен пристрелить эту женщины, ничего, кроме отвращения, не вызывавшую. Но не мог этого сделать. Он не убийца. Пускай меры принимает генерал Лю. Я улечу домой, и мы будем думать, как налаживать новые связи, как выпутываться из смертельной ситуации, в которую нас загнала эта злобная цапля.

Аскольд вышел из темницы. Солдат запер дверь. Аскольд пошел по тропинке среди банановых кущей к бараку — временной базе генерала Лю, у которого тоже возникли серьезные трудности в связи с гибелью посевов.

Генерал надеется на Аскольда. Генерал напуган. Конкуренты, а еще хуже — бирманские гвардейцы могут воспользоваться его бедами. Самое отвратительное заключалось в том, что стали поступать дикие, невероятные новости из лабораторий: вирус уничтожал сырец — не только мак, но и сырец опиума в лабораториях, и как от этого защититься — непонятно.

Аскольд подошел к бараку.

— Генерал здесь? — спросил он у офицеров, что лениво играли в шашки на веранде, начертив мелом доску и используя вместо шашек крышки от коки и лимонада.

— Подожди, — сказал один из офицеров, — генерал занят.

Они не считали Аскольда достаточно важной фигурой. Аскольд и не настаивал на этом.

Он оперся о перила веранды. Лес подходил к строениям — так их труднее найти вертолетам разведки.

Один из них жужжал неподалеку — Аскольд уже привык к этому — бирманцы, возможно, готовили очередное наступление, неудачное, как и все предыдущие.

Жужжание превратилось в гул, в рев — это был не один вертолет, несколько машин приближалось к лесному лагерю.

Аскольд перепрыгнул через перила и кинулся к банановым зарослям.

Ракеты с вертолетов разрывались рядом с бараками и над бараками. Зрелище было подобно пиротехническим эффектам американского боевика про вьетнамскую войну.

Аскольд вжался в землю — земля была сухой, в горах давно не было дождя.

Мягкий толстый банановый куст свалился перед ним, открыв вид на поляну — из вертолетов высаживали бирманские солдаты и бежали к баракам. Никто не мешал им.

Аскольд лежал и смотрел, как из разрушенного ракетой барака вытаскивают генерала Лю. У толстяка, видно, были перебиты ноги — они волочились по земле, а в пыли оставалась красная дорожка.

Аскольд стал отползать в чащу, к зарослям бамбука.

Наверное, это было лишним — его сразу заметили. Он увидел дуло автомата и стал подниматься.

— Я случайный человек! — закричал он по-английски.

Солдат расстрелял его.

А полковник Наронг отыскал Лену в темнице.

— Не трогай меня, — сказала она, — я очень прязная.

— Не все ли равно, — сказал Наронг. Но нежных объятий не было. Он приказал вызвать медиков.

Когда он через час пришел в вертолет, где кое-как обмытая и перевязанная она лежала на носилках, Лена спросила:

— Как ты меня нашел?

— Совместная операция, — сказал он. — Мы помогли бирманцам, а они отдали тебя мне.

— Зачем я тебе?

— В гарем, — сказал полковник Наронг.

— На меня нельзя смотреть.

— Я тебя откормлю, — сказал Наронг.
— А где Аскольд?
— Кто?
— Русский, который приходил ко мне.
— К сожалению, здесь не было ни одного русского, — сказал Наронг.

Он протянул ей банку пива. Банка была теплой.
— Спасибо, — сказала Лена. — Так что же с ним случилось?

— Его больше нет. С ним случился... несчастный случай.

— Ну и хорошо, — сказала Лена. Ей не было жалко Аскольда. Она так и не поверила тому, что он боролся с наркотиками. Он был одним из них.

— Ты не полетишь со мной? — спросила Лена.

— Я прилечу к тебе вечером.

— Куда?

— В госпиталь в Чиангара.

— Спасибо, — сказала Лена.

— Я не хотел оставлять тебя здесь, — сказал Наронг. — Я тебя люблю.

И подошел к люку, там обернулся и помахал ей, словно стеснялся слов, которые вырвались у него, отважного черного полковника.

Когда вертолет поднялся, она села на носилках. Два солдата и медсестра, что летели с ней, не мешали.

Лена стала смотреть в круглое окошко вертолета. Ей хотелось убедиться в том, что и в самом деле ей что-то удалось.

Внизу были горы, зеленые массивы леса, бурые и зеленые проплешины полей. Правда, красных заплат она не заметила.

В госпитале ей сказали, что она истощена, и физически и морально. Ей надо отдохнуть. В санатории.

Она легла в постель и задремала. Было чудесно, она была чистой-чистой, отмытой, продезинфицированной, даже волосы, хоть их и остригли бобриком, были сказочны чисты. Вы не поймете, повторяла Лена, что значит для женщины стать чистой после долгих-долгих дней в темнице с тараканами и крысами. Я могу понять графа Монте-Кристо, который так беспощадно мстил своим тюремщикам. Но ее-то тюремщики уже уничтожены. Нет Аскольда, нет генерала Лю.

Ее разбудили два офицера, полицейские. Они принесли ей джинсы, белье — целую сумку, словно кто-то ходил в магазин и выбирал по ее размеру. Она обрадовалась тому, что Наронг продолжает заботиться о ней.

Офицеры попросили ее одеться и подождали в коридоре.

Пришел доктор и вежливо попрощался с Леной. На дорогу он дал ей с собой таблетки в баночке. Велел принимать через четыре часа. Таблетки назывались «валиум», наверное, вроде валерьянки.

Сандалии немного жали, с белья и джинсов она сорвала этикетки и наклейки.

Один офицер шел впереди, второй сбоку, они не разговаривали с ней, и Лена решила, что она сейчас увидит Наронга.

Серая машина, «тойота», ждала у входа в госпиталь.

Они доехали до аэродрома. Все было рассчитано точно. Ей вручили билет до Москвы. И сто долларов.

— А где Наронг? — спрашивала она. — Где полковник Наронг?

Ей никто не ответил.

Лена поняла, что так, наверное, лучше всего — она сравнила фотографию в паспорте с собой в зеркальце.

В Шереметьеве пограничница тоже долго сравнивала ее с фотографией, и Лена ее понимала.

Ее так и не пропустили на Родину. Пришел лысый майор и отвел ее в белую комнату.

Два часа Лену допрашивали, где она пробыла все это время, не видела ли она там наших граждан и прочую чепуху. Она отвечала, что была больна и лежала в деревне. Так случается — заблудилась и заболела.

Ничего они от нее не добились.

Потом майор и второй, в штатском, вышли, но дверь закрыли неплотно, и Лена услышала, как майор сказал:

— Пока пускай едет, ничего не добьемся.

— Может, изолировать?

— За что?

— Героин?

— Ты ей подсовывать будешь? Да? А санкции ты получил?

— А если он вернется?

— Вот вернется, и решим... А пока...

Что «пока», Лена не узнала, потому что штатский заметил щель и прикрыл дверь.

Может, они не знают, что случилось с Аскольдом? Места там глухие, базу уничтожили полностью...

Майор ей сочувствовал. Неизвестно почему. Прощаясь, передал ей скоросшиватель с ксероксами статей из газет.

— Ознакомьтесь в поезде, гражданка Сидорова, — сказал он.

Лена подумала, что слово «госпожа» произносить неловко, не прививается оно в России.

В поезде Лена начала читать. И удивилась — в суматошном ускоренном движении последних дней она не замечала нарастающего гула лавины, которую сама же столкнула.

Она читала заметки по порядку, с того дня, как она попала на участок опиумного мака, и до последних новостей.

Сначала шли сообщения туманные и не всем понятные. «По сведениям западных агентств, в известном центре наркобизнеса, так называемом Золотом треугольнике, появилась неизвестная ранее болезнь, поражающая плантации мака...», «Вирус, поразивший посевы опиумного мака в Юго-Восточной Азии, продолжает распространяться. Ученые не торопятся с выводами», «Азиатские наркобароны не могут выполнить обязательства перед рынком. Обострение положения в Золотом треугольнике...», «Передел собственности в мире наркотиков. Бои в районе Сальвина. Гибель диктатора джунглей — генерала Лю», «Бешеный скачок цен на мировых рынках героина. Перестрелка на Шереметьевской таможне. Активизация афганских боевиков на Памире».

Лена, конечно, понимала, что это все — ее месть. Но когда ты сидишь в недотопленной электричке, по проходу спешит продавец газет с криком: «Бои в районе Ходжента. Боевики оппозиции захватили горный перевал», а за ним другой продавец, стараясь перекричать первого, взвывает к любителям шоколада с фруктовой начинкой, когда на твоих туфлях лежит чья-то собака, а сверху норовит упасть лопата, в такой момент нельзя, невозможно воспринимать себя спасительницей или губительницей мира.

Лена не смогла дочитать заметки в скоросыпвателе, хоть путешествие до Веревкина неблизкое. Но она откладывала их, потом начинала читать снова — ей не было страшно. Это чужое. Даже когда в одной из последних заметок было сообщено, что вирус мака уже перекинулся на посевы риса, что ставит под угрозу урожай в Юго-Восточной Азии, она не встревожилась. Она стала думать, как ей объяснить отсутствие директора школы, а потом вспомнила, что надо сделать камень на могиле Бори... и на могиле Николая, ведь свекровь не поможет... Что же ты, кета? — спохватилась она уже на платформе в Веревкине, выметала икру и собираешься жить дальше?

Не знаю, ответила она себе.

И беспокоюсь — как там полковник Наромг.

Пошел первый снег. Он падал на грязные лужи, дул промызывающий ветер — сразу запершило в носу. Организм привык к тропикам.

Ожидая на площади перед вокзалом автобус, она увидела, как Оксана, бывшая подруга Бори, садится в белые «жигули», а ее там ждет черно-

волосый парень. Может, брат, может, жених. Окликнуть ее? Захочет ли Оксана вспомнить Борю?

Пока Лена стояла в нерешительности под мокрым снегом, Оксана увидела ее. Она захлопнула дверцу машины, опустила стекло и, когда проезжала мимо, помахала из машины Лене.

— С приездом! — крикнула она.

Это хорошо, что такая плохая погода. Лена никого не встретила ни на улице, ни во дворе. Прощла к себе. Из почтового ящика торчали газеты, те, что не поместились, лежали на полу, под ящиком, аккуратно сложенные в стопку кем-то из соседей.

Лена собрала газеты, прошла в дом.

На кухне на столе стояла чашка Бориса с темным сухим осадком на дне.

Лена села за кухонный стол и заплакала. Она долго плакала.

Потом стала убираться, мыть пол, принялась за стирку — как автомат. И все плакала.

Потом села за кухонный стол и стала читать газеты, за последние дни. И почти сразу наткнулась на заметку — ну прямо как судьба распорядилась: «В интервью, которое дал корреспонденту агентства Рейтер начальник управления по борьбе с наркотиками Таиланда бригадный генерал Наронг Чинарат, тот заявил, что сама природа пришла на помощь правоохранительным органам, наслав заразу на маковые поля. Генерал Наронг Чинарат заявил, что он надеется на успехи учёных, которые спасут от вируса посевы риса».

Вот и слава Богу, сказала Лена. Хоть он жив. Они там так боялись, что Наронг женится на мне... Ей хотелось верить в то, что ее выслали враги

Наронга. Это было совсем не похоже на предсмертное поведение кеты.

На следующий день Лена пошла к свекрови. Свекровь была ею недовольна. Никакой заботы о семье. Ты сама виновата в собственных несчастьях.

В школе директор обрадовался ей и старался вести себя обыкновенно.

— Когда выходим? — спросил он.

Лена обещала выйти сразу после каникул.

В кафе «Свежий ветер» было пусто. Там открыли окна, покрасили стены в желтый цвет. Стало светло и скучно. Оказывается, кафе перекупил какой-то кавказский человек. Неделю назад была колоссальная для Веревкина разборка, старые хотели получить кафе обратно. Но его уже защищала милиция. Вы помните Буреева? Здоровый такой? В больнице умер, не приходя в сознание.

Через два дня неожиданно приехал майор Виктор Степанович из Москвы. Он сказал, что стали известны обстоятельства гибели Ивана Тимофеевича. Лена с трудом сообразила, что имеется в виду Аскольд. В связи с этим у органов появились новые вопросы — не будет ли любезна граждanka Сидорова на них ответить. Ведь она была в тех краях именно в те времена. Что знает? А вдруг встречала Ивана Тимофеевича?

И тут Лена сказала — чего ей бояться? — что он допрашивал ее в лагере генерала Лю. Честное слово. Потому что он сам принадлежал к мафии.

— Чепуха, — ответил неуверенно майор Виктор Степанович, которому далеко не все сообщили, — по моим сведениям, он был внедрен в их системы.

Лена напоила Виктора Степановича чаем. Он был вдовцом, сын учился в Петербурге, дело с наркотиками ему навесили из-за болезни другого сотрудника. Виктор Степанович рассказал Лене куда больше, чем положено, но, конечно же, не все.

Виктора Степановича беспокоило распространение вируса. Оказывается, в газетах пишут далеко не все. Уже ООН занялась этой проблемой. Урожай в Таиланде погублен, стране грозит голод, болезнь перекинулась на Лаос, Бирму и даже Вьетнам. Есть случаи гибели посевов в Индонезии. Наступает мировая катастрофа.

— А мак? Опиум? — спросила Лена. Она не осознавала мировую катастрофу, она хотела узнать, исчез ли в мире геройн?

— Какой там опиум! — сказал Виктор Степанович. — Конечно же, геройн почти исчез. Конечно же, цены подскочили...

— Но молодежь не может купить так дорого, — сказала Лена. — Значит, сокращается...

— Что сокращается? — спросил Виктор Степанович.

— Потребление.

— Может быть, я не специалист, — сказал Виктор Степанович. — Но свято место не бывает пусто. Завтра им подсунут другие наркотики.

— Но не опиум! — закричала Лена.

— Ну, не опиум, — согласился Виктор Степанович, который не понял, почему так взорвалась его собеседница.

Он уехал с вечерним поездом, долго толтался в передней и сказал, глядя печальными карими глазами на Лену:

— Если бы вы позволили, я бы вас навестил снова... или, может, вы приедете в Москву? У меня есть знакомый режиссер, я могу достать билеты в Дом кино.

— Спасибо, — сказала Лена.

Всю зиму ученые то открывали противоядие против вируса, то сдавались. Лена позвонила Виктору Степановичу, тот обрадовался, думал, что Лена хочет встретиться, а она сказала, что вирус называется поппифаг и Николай оставил записи в сейфе института.

Виктор Степанович вздохнул и ответил, что все это было известно органам еще до ее возвращения. Но вирус уже настолько мутировал, что даже если бы нашли против него вакцину, она бы не помогла спасти рисовые посевы. Тем более что болезнь перекинулась на Китай. Вы понимаете, чем это грозит?

Лена сказала, что понимает, но в самом деле, хоть и должна была связать свой рейд с мировой катастрофой, этого не делала. Иначе получалось бы, что права не ее ненависть, а Тигриный глаз. Аскольд, оборотень Иван Тимофеевич. А так нельзя...

Весной официально было объявлено, что болезнь распространяется на пшеницу. Страны закрывали границы и объявляли карантин. Первый белковый завод в Москве открылся на базе Останкинского комбината, но работал он на нефти — надо же было кормить скот. Хотя скоту недоставало пищи, и копров резали.

У Лены еще оставались доллары. Она поставила камень — общий — на могиле Николая и

Бори, хотя свекровь возражала и требовала отдельные памятники.

Зарплата была маленькая, но если ничего не нужно, то и на зарплату проживешь.

Лена собрала все оставшиеся деньги — долларов триста — и пошла к Клаве. Ей сказали в школе, что Клавка живет плохо.

Клавка, увидев Лену, принялась реветь. Она легко ревела. Ее супруг разорился и от мести подельщиков свалил в Штаты. Обещал ее вызвать к себе — и с концами! Ты понимаешь, он меня бросил и теперь трахает фотомодель! Он всегда мечтал о фотомодели.

— Кому он там нужен, — неосторожно сказала Лена.

— Мне-то был нужен, — обиделась Клава. И тут же забыла о бедах, стала спрашивать — что там, в Таиланде, что можно купить? Она собиралась заняться челночным бизнесом, даже нашла себе спутника, но тут начались эти перевороты и беды с пропитанием — даже в Турции! Вот и приходится влачить.

Лена вынула триста долларов и дала их Клавке.

Когда Клавка отревелась, она стала звать Лену в членки. Ведь людям всегда надо одеваться, даже если вместо хлебушка ты жрешь белковые котлеты.

Лена отказалась, но показала ей звездный сапфир.

Клавка, как сама сказала, отпала.

— Я все продам, — сообщила она, — даже квартиру. Ты его на мои деньги купила?

Если сказать, что так, Клавка умрет, но отнимет.

— Нет, — сказала Лена правду, — мне пода-
рил поклонник.

— У тебя? Был? Такой? Поклонник?

Если бы Клавка посмела, она бы продолжила монолог и рассказала бы Лене, что у той не фигу-
ра, а стиральная доска. Но не посмела, а стала просить камешек на время. Лена его, конечно, не оставила. Она любовалась им. Он напоминал Наронга, золото Меконга и звон цикад.

**БУДУЩЕЕ
НАЧИНАЕТСЯ
СЕГОДНЯ**

Я знал одного мудреца, который даже зажимал нос, как только приходилось поднимать завесу будущего.

М. Салтыков-Щедрин. «Помпадуры и помпадурии».

Сергей Сергеевич был жестоко простужен, и, наверное, поэтому все выборное действие проходило перед его взором в некотором тумане. Он мечтал об одном: чтобы этот день наконец завершился, и не важно, кто победит. Он пытался даже отпроситься после обеда, но председатель избиркома сказал:

«Ты с ума сошел! Сейчас с огородов народ хлынет».

И тут же вылезла Митрофанова, заявившая, что необходимо доставить урну пенсионерке Самохваловой на Лесистую, 20, потому что у нее (пенсионерки) отнялись ноги, но она желает выполнить свой гражданский долг.

И вот тогда Сергей Сергеевич взбунтовался. И поставил условие: он пойдет с урной, но требует сопровождающее лицо, которое эту урну вернет на участок. А сам он отправится домой, болеть.

После небольшого спора Сергей Сергеевич отстоял свое право умереть в домашних условиях. Они пошли вдвоем с Мишенькой из техникума, а за ними увязался наблюдатель от национально-патриотичес-

кой партии, Ким Корай, приехавший в Веревкин с юга, а потому обозленный на всех кавказцев и про-чих лиц темноволосых национальностей.

Идти было недалеко, одну автобусную остановку, но пешком. Мишенька, невысокий увалень с проводом в ухе, с помощью которого он наслаждался тяжелым роком, нес урну, прижав к груди. Сергей Сергеевич брел за ним, а маленький, высущенный жизненными неладами и нелюбовью Ким Корай старался идти рядом и все сбивался на рысь.

— Мы наладим нормальную жизнь, — говорил он. — Потому что имеем концепцию очищения национальной идеи. Барбудов прошел Афган и Чечен, всюду налаживал. Хватит нам расхлябанности. Понастроили коттеджей из гранита на вольных просторах, а мы задыхаемся в коммуналках.

Он и еще что-то говорил, но Сергей Сергеевич слушал плохо.

Ким Корай жил в собственном, изобретенном им с помощью еженедельника нацпатриотов «Надево!», приятном и тревожном мире. Там он сводил счеты с врагами, изгонял чужаков, наводил порядок и твердое распределение.

Мишенька был аполитичным молодым человеком, он хотел торговать кассетами, но оказался слишком ленив, и кассетами торговали другие, которых Ким Корай не любил.

Ким Корай сказал, что пошел с ними потому, что от каждого голоса может зависеть будущее.

Сергей Сергеевич не верил в это и, как человек пожилой, был убежден, что будущее идет своим ходом и не зависит от отдельных голосов.

Пенсионерка Самохвалова долго не отзывалась. У Сергея Сергеевича кружилась голова, ноги стали ватными. Наконец она открыла дверь. Самохвалова была разочарована приходом людей с урной, потому что, призналась, уже начала писать жалобу на игнорирование прав пенсионеров.

В нарушение всех правил Ким Корай принялся говорить ей о том, что пора гнать цветных и наводить порядок. Старуха сказала: «Я думала, что евреи уже уехали». «Не только в евреях наши проблемы, — ответил Корай, — хотя и в сионистах, конечно». Бабуся велела всем выйти в коридор. Сергей Сергеевич боялся, что потеряет сознание и не дождется, когда пенсионерка наконец заполнит бюллетень.

Потом они вышли на улицу, и Сергей Сергеевич сказал Мишеньке:

— Урну никому не отдавать!

— Не нужна мне ваша урна, — обиделся Корай.

Он стоял перед портретом Барбудова. Барбудов был в черном мундире без знаков различия, он протягивал руку вперед, за его спиной колосилась нива, а над головой было начертано: «Путь к изобилию!»

Сергей Сергеевич пошел домой. На площади репродуктор выплескивал песни шестидесятых годов, люди ходили умытые и одетые на полпути к празднику — так одеваются в гости к свекрови.

Дома Сергей Сергеевич согрел себе чай.

Потом надел плюшанцы.

Избирательная кампания была сложной и бурной, старый городской голова Пичугин — или, по-современному, мэр — нажимал на то, что сделано. Хочел идти по старому пути. Область обе-

щала немедленно осыпать город благодеяниями, если Пичугин возьмет верх над Барбудовым. Но Пичугин уже обеспечил детей и родственников, и все шло к тому, что Барбудов, хоть чужой и даже пугающий обывателя, может взять верх.

Сергей Сергеевич напился горячего чаю, зас-ставил себя лечь и закрыть глаза. Кровать как будто покачивалась на волнах.

В глаз Сергею Сергеевичу ударил яркий луч света. Было позднее утро.

Свет был странным, как будто кварцевым и даже сопровождался запахом близко пронесшейся молнии.

Сергей Сергеевич старался понять, что же его разбудило.

Ага, звонок в дверь.

Он поднялся, откинул плед. Он всегда спал на диване, и не потому, что числился в старых холостяках: такова была генетика потомка мелкопоместных дворян, для которых диван был мужским ложем, а кровать — женским и любовным.

Сергей Сергеевич открыл дверь.

Там стояла Зинаида из жэка.

Она была бледна и даже напугана.

— Вальков? — формально спросила она и протянула Сергею Сергеевичу ведомость. Ткнула пальцем в графу, где расписаться. Потом молча сунула ему книжку оплаты коммунальных услуг.

Дверь закрылась. Сергей Сергеевич раскрыл книжечку. Первая же страница грозила: «Запрещается передавать в чужие руки. Действительно только при предъявлении удостоверения №2».

Вторая страничка была разграфлена на квадратики, и каждый обещал: «Сахар — 500 г». Следующая страничка была посвящена маслу, только нормы оказались поменьше: «Масло — 200 г».

Сергей Сергеевич поглядел на обложку. На ней возникли буквы:

ТРЕТИЙ КВАРТАЛ.

Сергей Сергеевич решил позвонить на избирательный участок. Но на звонок никто не откликнулся.

Избирательный участок располагался в школе, где Сергей Сергеевич преподавал биологию. И учитель решил отправиться туда, тем более что простуда и недомогание прошли.

Улица была пустынна. До революции она называлась Николаевской, потом, в двадцатых, получила экзотическое наименование «Поезд Троцкого», а с конца двадцатых и до разоблачения культа личности была улицей Кагановича. Затем ей суждено было несколько лет побывать Целинной улицей, и вот теперь она снова стала Николаевской... ан нет! Какой-то шутник сорвал табличку «Николаевская» и вернул старую — «Целинная». Кому это понадобилось?

И тут Сергей Сергеевич увидел двух молодых людей в черных мундирах со множеством скрипящих черных ремней. На груди у каждого висел автомат.

— Стой, — сказал один из них. — Документы!

— Доброе утро. — Сергей Сергеевич уважал любую законную власть, но никогда не заискивал перед ней. — У меня нет с собой документов.

— Придется задержать, — сказал один из молодых людей.

— Простите, но что произошло? Зачем вам мои документы?

— Произошло то, что и должно было произойти, — сказал молодой человек. — Пешел, отец, тебя проверить надо.

Сергей Сергеевич не стал спорить и побрел по улице, тем более что вели его в том же направлении, какое он выбрал для себя сам.

Он подумал, что лицо молодого человека ему знакомо, и обернулся.

— Иерихонский! Паша! А разве ты не уехал в техникум? — узнал он своего ученика.

— Иди, папаша, — ответил Иерихонский. — Там разберемся, кто куда уехал.

В скучном сером вестибюле школы, одну сторону которого занимала раздевалка, стояло несколько столов. За ними сидели люди, большей частью, разумеется, знакомые Сергею Сергеевичу.

Паша Иерихонский был строг. Он толкнул бывшего учителя дулом «калашникова» в спину, и тот ткнулся в стол, за которым сидел директор школы Райзман Илья Семенович.

— Проверить удостоверение, место жительства, национальность, — велел Паша.

Райзман начал суетливо перекладывать бумажки с места на место.

— А по какому праву, — спросила физкультурница Арефьева, — сионист у цэрэушника документы проверяет?

В вестибюле воцарилась глубокая тишина.

Два мальчика внесли большой портрет Барбудова в золотой раме. На этом месте за сто лет сменилось много портретов, от его величества до вождей и даже поэта Пушкина.

Буфетчица в кокошнике и платье из самодеятельности вспыла с большим подносом: Сергей Сергеевич подумал, что она принесла чай для членов комиссии. Но на подносе стояли штоф и чарка.

— Испытать тебе, — сказала она и зарделась.

Паша Иерихонский выпил из чарки, потом кинул ее так, чтобы угодить Райзману в глаз. Сергей Сергеевич вспомнил, что у Паши Иерихонского был в свое время конфликт с директором школы.

— Я не дал вам повода... — Райзман поднялся с места, но Иерихонский приказал:

— Молчать!

— Иерихонский, — не выдержал Сергей Сергеевич, — как вы смеете!..

Паша начал стрелять на звук голоса. Пули свистели возле ушей Сергея Сергеевича, но, по счастью, пролетали мимо.

И тут прозвучал пронзительный голос:

— Прекрати!

Стало тихо.

К Сергею Сергеевичу подошел сам Барбудов, лысый и внушительный.

— Поймите его, — сказал он. — Жизнь, полная лишений, презрение и обиды, наносимые русофобами..

— Отец Паши Иерихонского работал в горкоме, — твердо сказал Сергей Сергеевич.

— Неужели вы верите сионистским наветам? — укоризненно спросил Барбудов. — А я вас искал, стремился, удостоверение по форме два вам принес. Ну держите, держите, дорогой мой человечище.

Барбудов дал Сергею Сергеевичу удостоверение, тот попытался открыть книжечку, заглянуть внутрь, но книжечка оказалась склеена намертво.

— Мне нужны беспартийные активисты, которые пользуются доверием населения, — сообщил Барбудов. — А то нам, диктаторам, так трудно в одиночестве!

Он обнял Сергея Сергеевича за плечи и повел к двери. У выхода обернулся и вытащил пистолет.

— Не надо, — сказал Сергей Сергеевич.

— Нет, надо! — крикнул Барбудов и выстрелил в директора Райзмана. — За всех погубленных тобою детей!

Сергей Сергеевич вырвался из объятий Барбудова и побежал на улицу.

Барбудов гнался за ним и управлял движением Сергея Сергеевича.

Сергей Сергеевич успел заметить, что на всех домах уже висят портреты Барбудова — в косоворотке или в черном мундире — с надписями: «Наш отец — патриотизм без косых, черномазых и интеллигентов!», «Он не забудет мать родную», «Плоть от плоти, кровь от крови». Некоторые портреты разевали рот и говорили речи, но на бегу Сергей Сергеевич не успевал услышать, что они произносили.

Вскоре они оказались на вокзале. Играли духовой оркестр. Барбудов взбежал на трибуну и встал рядом со старым мэром.

— Мы будем достойны! — закричал он. — Доверия! Мы подхватим ваше знамя! Наше знамя!

Бывший мэр, Пичугин, из секретарей горкома, одряхлевший на этом сытом месте, вздыхал, как морж, и никак не мог понять, что произошло.

— От имени общественности слово прощания произнесет наш любимый учитель биологии...

Сергей Сергеевич догадался, что речь идет о нем, и, пытаясь спрятаться, сел на корточки.

Но Барбудов указал на него пальцем.

Сергей Сергеевич с некоторым успокоением понял, что сидит уже не на корточках, а на ночном горшке. Толпа перед ним расступилась, телевизионная камера жужжала прямо в лицо.

— Иди с горшком, — потребовал Барбудов.

— Не могу! — отозвался Сергей Сергеевич.

— Он у нас принципиальный, — сказал Барбудов, склоняясь к уху предшественника. — Быстро в поезд. Все готово.

Мэра, его заместителей и иных важных персон старого времени бегом сопроводили к вагонам. Сергей Сергеевич стоял с горшком и не знал, куда его вылить.

— Постыдился бы, — сердилась заведующая музеем. Барбудов стоял на трибуне и махал рукой вовслед поезду. Мэр и его заместители высунулись в окна и махали в ответ. Когда они чуть проехали, поезд взорвался, и его обломки усыпали пути.

На площади скопилось много людей, и все кричали «ура» Барбудову.

И тут паровозная труба спустилась и ударила Сергея Сергеевича по голове... И он пошел домой. Из последних сил доплелся до койки и, хотя

день еще не кончился и музыка играла из-за ставен, рухнул на диван...

Он проснулся.

Утро было светлым и чистым, за окном пели птицы и перекликались автомобильные гудки. У соседей заиграло радио.

Сергей Сергеевич лежал, не в силах свалить с себя гнет ужаса.

Приснится же такое!

Как только он подумал о кошмаре, сразу охватила тревога: кто же победил на выборах?

Босиком Сергей Сергеевич подбежал к телефону.

Он позвонил в школу. Долго не подходили. Старого учителя начала гладить тревога. Но тут он услышал ворчливый голос Нюши, пожилой уборщицы, знавшей в городе всех и вся.

— Нюша, — закричал Сергей Сергеевич. — Почему никто не подходит?

— Некоторым спи, сколько желаешь, а другие должны подводить бессонные итоги.

— Ты скажи, кто победил?

— Бешбармак взял верх, наш-то теперь подавать будет на пересчет, а какой пересчет, если у Бешбармака перевес в двадцать процентов. Нельзя народ мучить недоплатами и, прости за выражение, коррупцией.

— То есть у нас теперь... национальные патриоты в городе?

— Они самые, милый, они самые.

— И талоны уже выдают?

— Вот этого не скажу, — ответила Нюша. — Если больше вопросов не имеешь, я пойду убираться, а то нашкодили за вчерашний день — тут бригада нужна, а не одна старуха на нищенской зарплате.

Сергей Сергеевич долго не мог заставить себя выйти на улицу.

Кошмар, привыкшийся только что, оказался лишь репетицией к реальности.

«Ну нет! — сказал он себе. — Ну уж нет! Общественность не допустит! Есть же в городе здоровые силы. Мы можем объединиться и дать отпор. Москва не за горами».

Сергей Сергеевич решительно оделся, но, правда, при этом с внутренним ужасом прислушался, не раздастся ли звонок в дверь. И когда звонок все же раздался, то он пошел к двери без задержки, обреченно и подавленно.

За дверью стоял молодой человек, в котором Сергей Сергеевич узнал своего бывшего ученика Паши Иерихонского. В черном мундире без знаков различия. Он был худ, бледен и восторжен.

— Простите, что я поднял вас с постели, Сергей Сергеевич, — сказал он. — Но сегодня наш день — день победы национальной идеи!

— Начинаем выяснять состав крови? — спросил Сергей Сергеевич. — Или искать чернозадых?

На лице Паши Иерихонского отразилось удивление.

— Как вы можете так говорить? — спросил он. — Я же был вашим учеником! Неужели вы капитулируете? Неужели вы не могли вложить в меня добро-го и вечного?

Сергей Сергеевич смолчал.

— А я вам пригласительный билет принес, — обиженно сказал Паша. — Мы устраиваем гала-концерт. Вы в первом ряду, через два места от Никифора Фокиевича.

— Это кто еще?

— Это наш вождь, Барбудов. — Паша зарделся.

— Ах да, он же по документам проходил. А где прежний?

— На вокзале. Как с утра сдал дела, помчался в Тулу жаловаться. Только уж очень большой разрыв в голосах — народ знает, в каком направлении лежат его успехи.

— А гулять по улицам не опасно? — спросил Сергей Сергеевич.

— Мы для того и пришли к власти, — серьезно сказал молодой человек, — чтобы навести порядок в нашей области. Настоящий, справедливый порядок, невзирая на лицо, национальность и политику. Вы меня понимаете?

— Пока не очень, — признался учитель. — Ну, давай билет. Заранее отпечатали?

Юноша лукаво улыбнулся:

— Мы были уверены в своей победе, Сергей Сергеевич.

Сергей Сергеевич стал читать программу концерта.

Там была музыка Вагнера, Моцарта... но, с другой стороны, Мендельсона и Дунаевского. А также народные песни, включая солистов областной филармонии.

Дождавшись, когда Паша уйдет, Сергей Сергеевич вышел за ним на улицу.

Улица была обыкновенной. И то слава Богу! Люди ходили, машины ездили. Встретились, правда, двое юношей в черных мундирах, но они скромно уступили Сергею Сергеевичу дорогу.

На каланче пожарной команды висел портрет Барбудова. Он держал в руке томик Пушкина. Надпись на плакате звучала несколько загадочно: «И друг степей калмык!»

— В каком смысле? — вслух сказал Сергей Сергеевич, и некто в черном, следовавший за ним, произнес:

— В смысле дружбы народов.

Вглядевшись в черты лица человека в черном, Сергей Сергеевич узнал Барбудова.

— Здравствуйте, — сказал учитель. — Не думал, что в утро победы вы пойдете гулять по улицам.

— Это мой долг, — скромно ответил Барбудов. — Мне нужно как можно лучше уяснить характер состояния дорожного покрытия, и в то же время хочу понять, нет ли перегибов.

— Что вы имеете в виду?

— Ну вот, смотрите! — Барбудов показал на свой портрет, висевший на пожарной команде. — При чем здесь калмыки? На ваше счастье, я рядом оказался, а без меня вы бы черт знает что подумали! Решили бы, что я и есть лицо калмыкской национальности.

— Это ужасно!

Барбудов не уловил иронии и поспешил в здание пожарной команды, чтобы навести там порядок.

Догнал он Сергея Сергеевича на перекрестке, у клумбы, которую пытался возродить каждый новый мэр, но эта затея всегда проваливалась.

— А я смогу, — сказал Барбудов. — Даже если будем держать здесь круглосуточный караул и расстреливать каждого, кто подойдет на десять шагов. Как вы думаете, подействует? Надо с экологами посоветоваться.

— Экологи вам посоветуют, — согласился учитель.

— Но в первую очередь меня беспокоит внешний вид моих помощников. Уж очень они воинственные. А ведь у нас воцаряется ласка!

— Что воцаряется? — переспросил учитель.

— Ласка, любовь к людям, забота о стариках и младенцах... Как вы думаете, меня правильно поймут, если я легализую проституцию?

— Неправильно.

— Вот и я этого боюсь. А ведь напрасно. Если мы будем держать секс под контролем, то спасем девочек от венерических заболеваний.

И исчез Барбудов, словно его и не было.

На углу стояли веселого вида «гвардейцы» и выдавали прохожим апельсины из большой корзины, что стояла перед ними. Люди брали. А если кто не брал, «гвардейцы» с хохотом разбивали ему о лоб яйца, которые лежали в другой корзине.

Сергей Сергеевич взял апельсин.

И сказал:

— Шутки у вас дурацкие!

— Так у нас праздник, Сергей Сергеевич, — возразил один из них. — Завтра примемся за работу, будем чистить и мыть нашу державу, чтобы не было нам с вами за нее обидно. Едут к нам помощники со всех краев уничтоженного демократами родного Советского Союза.

— Ты не прав, Викентий, — прервал его товарищ. — Скажи: Великая Россия. Ве-ли-кая Россия.

И со смехом он разбил яйцо о лоб своего напарника.

Впрочем, подумал Сергей Сергеевич, на деле оказалось все куда более обыкновенно, чем во сне. Конечно, есть некоторые странности в поведении — но как можно было ожидать точного повторения пройденного? Может, даже свежая струя, какой бы странной ни казалась она непривычному взгляду. Но, в конце концов, из чего выбирать? Так ли уж лучше был предыдущий журлик, который не способен был видеть ничего, кроме собственного кармана, и полагал, что лукавое служение Туле и лично товарищу Белугину спасет его от всяких бед?

На главной площади, за памятником Ленину, который указывал на разрушенную еще до войны церковь, собралась толпа горожан. Там была выстроена эстрада. «Умеют же, черти, у нас работать, когда захотят!» — умилился Сергей Сергеевич.

Вокруг эстрады стояли очевидцы, а на ней под аккомпанемент трех баянов плясал «Камаринскую» директор школы Райзман. Плохо плясал, но старался. Он был потен и растрепан.

— Илья Семенович, отдохнули бы!

— А кто будет изображать радость? — запыхавшись, спросил директор школы. — Вы меня готовы заменить?

— Если вам плохо, то разумеется.

Сергей Сергеевич направился к эстраде. Над ней был протянут розовый в цветочках плакат:

ЖИЗНЬ ПРИ БАРБУДОВЕ СТАНЕТ ЛУЧШЕ, СТАНЕТ ВЕСЕЛЕЕ!

— Сергей Сергеевич, — попросил его Паша Иерихонский, — не мешайте представителям национальных меньшинств выражать свою радость. Веселье должно быть непринужденным.

Он переоделся: на нем был длинный, до земли, халат, а на голове полотенце, перехваченное толстыми веревками. В руке была большая кружка. На ней наклеены буквы:

«Помогите голодающему Ираку!»

— Стоит ли нам ввязываться? — спросил Сергей Сергеевич.

— А как же? — растерялся Паша.

Барбудов, вышедший из толпы, обнял Сергея Сергеевича за плечо и повел прочь.

— Нам нелегко, — говорил он. — Со всех сторон непонимание, иногда даже злоба. Мы же хотим создать нечто чистое, без примесей. Вам приходилось читать труды академика Гумилева? Кстати, сын Анны Ахматовой, немало пострадавшей от сионистов. Он много пишет о витальности, о жизненной силе народов, которая зависит от чистоты расы. Кстати, еврейская национальность, по мнению этого великого ученого, лишена чистоты и витальности. Вы представляете? У меня просто глаза открылись, когда я прочел.

Барбудов подвел Сергея Сергеевича к полянке за площадью, где обычно летом проводились танцы. На полянке лежало много металлических частей, а также два или три полуразобранных автомобиля. Вокруг них весело, с прибаутками, сутились молодые люди в спецовках или просто в трусах.

— Вот и добровольцы, — с улыбкой сказал Барбудов. — Собираем танки в помощь соотечественникам в ближнем и дальнем зарубежье. И ваш совет нам тоже пригодится...

— Мой совет? — удивился Сергей Сергеевич.

— Не виляйте, не виляйте, дорогой учитель. Вы биолог, а в мире голодают миллиарды несчастных людей. Да вы посмотрите вокруг! Разве на пенсию проживешь? А индонезийцы? А, извините за выражение, негры? Все голодают! Дадим вам лабораторию, если хотите — институт. Будете вы у нас разрабатывать дешевую пищу для голодающих! Пора подумать об этом. Ну как, готовы?

— Боюсь, не по плечу...

— Мы вам помощников подберем, добровольцев, славных ребят, с хорошими анкетами.

— Ну уж и не знаю...

— А мы вам уже и здание выделили!

Защитник голодающих поднял палец, и перед ними остановился «мерседес», за ним два мотоцикла и три джипа сопровождения. В мгновение ока Сергея Сергеевича затолкали на заднее сиденье.

Вышли они возле детского дома. Здание небольшое, построенное еще до революции как пристальное.

Через боковые окна вылетали кроватки, одеяла, тумбочки и детские игрушки. Рядом с дверью уже прибивали мраморную вывеску:

ИНСТИТУТ БИОЛОГИЧЕСКОГО ДОСТИЖЕНИЯ.

— Заходите, заходите, не стесняйтесь, — сказал Барбудов. — Здесь все свои.

Растерянный Сергей Сергеевич последовал за Барбудовым внутрь. Там было пусто, на лестнице как раз раскатывали ковер.

— Сейчас ваш кабинет покажу, — сказал Барбудов.

В коридоре второго этажа стояли кучкой дети.

— Некоторых воспитанников пока оставим тут, — сказал Барбудов, — может, они вам пригодятся.

Он открыл дверь в обширный кабинет с табличкой «Директор С.С.Вальков». Кабинет был огромен — бывшая столовая вместе с кухней.

— Будете иностранные делегации принимать, — сказал Барбудов.

— А где лаборатории? — спросил Сергей Сергеевич. Разумеется, в этой оперативности было нечто пугающее... но и лестное для старого учителя. Всю жизнь он стремился к большой науке, и всю жизнь его туда не пускали.

— Все в подвалах и наверху. Начинайте работать, подбирайте персонал. Заместителем будет Паша Иерихонский.

И тут же исчез, словно и не было.

Сергей Сергеевич уселся в мягкое кресло. Нажал кнопку селектора. Наугад.

Тут же открылась дверь, и хорошенъкая девица заглянула внутрь.

— Вызывали, Сергей Сергеевич?

— Потом, потом, — испуганно сказал Сергей Сергеевич и попытался взять себя в руки. — Извините, как вас зовут?

— Леокадия, — сказала девушка. — Можно просто Люся.

— Я вас позову, если что.

— Слушаюсь, шеф, — сказала девушка. —

Только учтите, никакого секса в рабочее время! После шести — пожалуйста, служебный комплект белья уже получен.

— Вот это лишнее, — заявил Сергей Сергеевич.

— У нас все теперь будет делать только для счастья народа, — сказала девушка и вышла из кабинета. Юбка сильно обтягивала ее зад, но в одном месте материя оттопыривалась: угадывалась пистолет.

«Ну что ж, — подумал Сергей Сергеевич, — девочке приходится охранять свою честь».

Он углубился в чтение документа, лежащего в папке на столе.

Комплекс мер по осчастливливанию населения гор. Веревкина (с распространением опыта на всю державу). Докладная записка.

В записке говорилось, что все беды идут оттого, что в мире развелось слишком много лишних ртов — несчастных голодающих людей, которые уже не приносят пользы и не представляют ценности как генетический материал. Задачей института является разработка средств по ликвидации этой проблемы. Наиболее цивилизованным средством является переработка лишнего населения в удобрение для увеличения урожая. Однако, учитывая общий гуманный характер позиции доктора наук Барбудова и его партии, все мероприятия этого рода проводятся только на основе добровольного согласия сторон и полной радости. Для первых опытов выделяются воспитанники детс-

кого дома гор. Веревкина, относящиеся к кавказской, еврейской и цыганской национальностям.

Записка была подписана Вальковым С.С., директором Института биологического достижения.

Сергей Сергеевич в ярости нажал на кнопку.

Вошла полная брюнетка средних лет.

— Вызывали? — спросила она.

— Где Люся?

— Люся на сексуальном обслуживании делегатов профсоюзного семинара, — сказала брюнетка. — Меня зовут Кларой.

— Клара, там в коридоре дети!

— Шестнадцать человек. Ваши указания?

— Накормить!

— Невозможно, Сергей Сергеевич, — сказала Клара. — Детская столовая закрыта и переведена в казармы гуманитарной помощи. Есть только лимитный буфет для руководства и научных сотрудников.

— Почему нет столовой?

— Зачем кормить? Уже подготовлены чаны для варки.

— Вы что, с ума сошли?!

— Есть мнение, что это не дети, — твердо сказала Клара. — Это инопланетные пришельцы, которые хотят нас покорить.

Сергей Сергеевич вылетел в коридор.

Снизу поднимался пар.

Паша Иерихонский вел по лестнице первую девочку. За ним парами шли остальные воспитанники.

— Стойте! — закричал Сергей Сергеевич. — Вы куда?

— Дезинфекция! — радостно сообщил Паша.

Сергей Сергеевич обогнал процессию. Внизу в вестибюле стояли большие котлы. Возле них — доброго вида старушки в синих халатах.

— Раздевайтесь, дети, — сказал Паша, — мы сейчас будет дезинфицировать ваше бельишко.

Дети начали раздеваться.

— Прекратите! — закричал старый учитель.

Дети, смеясь, кидали в кипящие котлы свои трусики, маечки и платьица.

Старушки ворошили белье в котлах длинными палками.

— Какой запал! — засмеялся Барбудов, подойдя сзади. — Неужели вы думали, Сергей Сергеевич, что мы изверги? Мы за чистую нацию, но с помощью гуманизма.

— А дети?

— Детям ничего не будет. Постирают — и играть на полянку. Поехали, Сергеич, на семинар. Надо обсудить хозяйствственные дела. Как бы шахтеры не стали бастовать.

— Какие шахтеры?

— А для руководства институтом у вас нервишки не годятся...

От дверей Сергей Сергеевич обернулся и увидел, что Паша поднимает над котлом девчушку. Малышка старается закричать, но только сипит от ужаса.

Сергей Сергеевич проснулся.

Он лежал на родном продавленном диване — потный и несчастный. Как же прошли выборы?

В дверь позвонили. За дверью стояла Зинаида из жэка. За ней Ким Корай из избирательного участка, наблюдатель.

— Ах, это вы, — проговорил Сергей Сергеевич. — Ну, как дела?

— Вальков? Сергей Сергеевич? — спросила Зинаида, будто раньше соседа и в глаза не видела. — Вам талоны положены.

— И удостоверение по форме номер два, — добавил Ким Корай. — О чистоте расы и намерений. Получите и распишитесь.

Над Веревкином стояла тишина, прерываемая редкими выстрелами.

ПОКАЗАНИЯ ОЛИ Н.

Меня зовут Олей. Мне шестнадцать лет. Я проживаю в поселке Гроды, перешла в десятый класс. Отец оставил маму, когда мне было три года, мама работает медсестрой в больнице.

Эти показания я даю добровольно, по собственной инициативе.

Об Огоньках я узнала в первый раз два года назад, когда по телевизору показывали первый из Огоньков, который нашли в Кении. Может быть, о них говорили раньше, но я не помню.

Я как сейчас вижу изображение на экране телевизора — белая капля, которая касается земли и дрожит. Обозреватель сказал, что это удивительное и еще не разгаданное природное явление. Вернее всего — следствие вулканической активности. Ученые изучают температуру и характер явления. Тогда это не произвело впечатления, может, потому что Огонек был маленький и разрушений не причинил.

В следующий раз об Огоньке говорили в передаче «Очевидное — невероятное». Оказалось, что этих Огоньков в той местности насчитывается несколько, а один из них стал причиной большого лесного пожара. Двое ученых, которые обсуждали

этую проблему, высказывали соображения, что раз температура Огоньков очень велика, такой на Земле раньше не наблюдали, значит, это плазма. В местах, где горит Огонек, всегда есть движение воздуха, который сгорает в его пламени. Один из ученых говорил, что Огонек — это шаровая молния, только стабильная, а другой уверял, что это природная ядерная реакция. Хотя радиации не отмечено.

Я не могу сказать, когда Огоньки стали обыкновенным делом. Сначала о них говорили только по телевизору и в газетах, на последней странице, где пишут о всяких курьезах. Потом стали говорить все чаще, потому что Огоньки оказались не такими уж безобидными. И главное — они стали появляться в разных концах Земли.

Я помню, как меня поразили кадры Огонька в озере Чад. Из озера был фонтан с паром, а изнутри его подсвечивало — это было похоже на фонтан на Сельскохозяйственной выставке в Москве.

В июле приехала тетя Вера. Она живет в Перми. Она рассказала, что у них там много разговоров об Огоньке, который нашли на колхозном поле. Там играли мальчишки, один из них подбежал слишком близко и обжегся. Этот Огонек оценили войсками, и всех из деревни выселили. Но в газетах тогда еще о наших Огоньках не писали.

В первый раз я испугалась, когда показывали большой Огонек в Риме. От него начался пожар — выгорело несколько кварталов. Представляете — вокруг черные балки, пепел, а посреди на пустыре спокойно горит Огонек.

В августе по телевизору показали, как в Соединенных Штатах бомбили Огонек в пустыне Невада. Над пустыней стояли пыльные столбы, вспыхивали красные взрывы. А потом показали Огонек. Он переместился на дно воронки от бомбы и горел даже ярче, чем прежде. Будто нажрался взрывчаткой.

В сентябре прошлого года было опубликовано сообщение Организации Объединенных Наций. И тогда всем стало известно, что в мире уже горит несколько сотен Огоньков и с каждым днем число их увеличивается.

Ким, он учится со мной в одном классе, принес тогда к нам домой памятку. Эти памятки распространялись во всех городах, и там было написано, как следует себя вести, если ты увидел неучтенный Огонек, и куда звонить. Там были инструкции, чтобы не приближаться, по возможности огородить это явление и следить, чтобы не произошло возгорание. Главное — ни в коем случае не принимать самому никаких мер против Огонька.

Хотя уже наступала осень и Огоньки начали менять жизнь всей нашей Земли, для нас, в поселке, они оставались иллюзией, как болезнь оор — пишут, говорят, а нас не касается. Мы продолжали ходить в школу, и Сесе, это прозвище Сергея Сергеевича, все так же кидал свою папку на стол и говорил: «Здравствуйте, громодяне». Мы ездили всем классом на картошку. Так как все время шли дожди, работать в поле было трудно. Дожди шли везде, и говорили, что виноваты в этом тоже Огоньки. Те из них, что возникли на дне озер, рек и

оceanов, вызывали сильное испарение и нарушили баланс погоды. Осеню Огоньков было уже так много, что мы почти не видели солнца.

Тогда, в поле, это и случилось.

Был ветер, дождь перестал, и почему-то нам не хотелось уходить в сарай, где нас разместили. Ребята разожгли костер, мы пекли на нем картошку. Мы немного пели. Потом пришли Ким с Селивановым, они ходили в магазин за водкой, но водки не достали. Я была рада, потому что уже видела раз Кима пьяным, и это было отвратительное зрелище. А как он может не пить, если у него такой отец и старшие братья?

Даша Окунева начала спрашивать Сесе, что он думает об Огоньках, насколько это опасно. Сесе отвечал, что нельзя недооценивать эту опасность для человечества только потому, что естественное желание человечества — спрятать голову в песок. Потом Сесе понял, что никто его не слушает, потому что не хотелось слушать о плохом. Я тогда подумала, что мы ведем себя так, как будто говорим об ороре. Эта болезнь для других, не для нас, есть специальные люди, ученые, которые занимаются вакцинами и лекарствами. Они в конце концов обязательно догадаются и сделают что надо. А раз мы не можем помочь, то лучше не думать. От этого легче не будет. Ким тихо сказал мне, что нужно поговорить. Я знала, о чем он будет говорить. Все знали, что я ему нравлюсь. Я пошла с ним в сторону. Он хотел, чтобы мы ушли в кусты на краю поля и он меня целовал, но у меня не было настроения, а Селиванов стал кри-

чать от костра, что все видит. Я сказала: «Не надо, Ким, пожалуйста. Совсем не такой день».

— А какой день? — спросил он. — Дождика нет.

Чтобы переменить тему, я спросила, как его мать. Клавдию Васильевну еще на той неделе увезли в Москву, в больницу, у нее подозревали орор.

— Ты не бойся, — сказал он, — я не заразный.

— Я не боюсь.

Мне стало его жалко, потому что многие избегали их дом. Можно сколько хочешь говорить, что орор не заразный, но люди боятся, потому что ведь как-то заражаются.

Я поцеловала Кима в щеку, чтобы он не думал, что я такая же, как другие.

Наверное, он понял. Он пошел обратно к костру, ничего больше не говоря.

Мы стали есть печеную картошку.

Даша Окунева сказала:

— Смотрите, к нам кто-то идет.

Она показала к деревне — там загорелся фонарик, будто кто-то шел по полю.

Мы сидели на брезенте. Ким обнял меня за плечи. Мне было его жалко. Я держала его за пальцы, пальцы были холодными.

Фонарик не приближался. Он горел совсем низко, у самой земли.

Сесе вдруг поднялся и пошел туда.

Он прошел шагов сто, не больше. Оказалось, что фонарик горит недалеко — просто в темноте не разберешь.

Сесе остановился и сказал:

— Вот и дождались.

Он сказал негромко, но мы в этот момент молчали и услышали. Я сразу поняла, что он имеет в виду. И другие тоже.

Мы подошли к Огоньку.

Огонек, словно живой шарик, лежал на земле. Он был ослепительно белый, и жар от него чувствовался в нескольких шагах, хотя размером Огонек был не больше детского кулака.

Он был такой легкий, словно воздушный шарик, который прилег на землю, уставши летать, но мы знали, что у этих Огоньков очень глубокие корни — тонкие плазменные нити, пронзающие землю на метры. Уже были случаи, когда такой корешок доставал до подземной воды и получался взрыв. Может взорваться что угодно, но Огонек останется как прежде, несокрушимый, легкий и даже какой-то веселый.

Летучая мышь пролетела низко над Огоньком, не сообразив, что это такое. Она исчезла, ярко вспыхнув.

Мы вернулись к нашему костру и затушили его.

Картошку доедать не стали — никому не хотелось. Мы пошли к правлению, чтобы позвонить в Москву. Даша Окунева начала плакать. Холмик, лучший математик в школе, хороший мальчик, он мне в прошлом классе нравился, пока я не стала ходить с Кимом, стал говорить Даше, что ничего страшного не случилось. Уже сообщали, как успешно идут опыты по нейтрализации.

Мы не оборачивались и шли быстро.

В правлении мы прошли к председателю в кабинет. Председателя не было, его позвали. Предсе-

датель был очень огорчен тем, что пропало несобранное поле. Приедут из Москвы, обнесут его колючей проволокой, будут делать опыты, топтать картошку. Теперь никого туда не загонишь убирать — кто пойдет?

Председатель нас отпустил, но автобуса или грузовика в колхозе для нас не нашлось, и мы пошли пешком, до станции было шесть километров. Моросил дождь. Мы сидели на влажных скамейках под навесом у кассы. Середина сентября, а казалось, что вот-вот пойдет снег. Холмик разговаривал с Сесе, а я слушала. Ким с Селивановым исчезли — им сказали, что какая-то тетка у станции продаёт самогон.

За лесом, по ту сторону путей, пыпало багровое зарево. Что-то горело. Зарево отражалось в очках Сесе и Холмика. Они казались мне марсианами, которые живут совсем иначе, чем обычные люди. И еще я тогда подумала — может, совсем не к месту: пройдет десять лет, и если мы будем живы, то Сесе и Холмик сравняются. Сейчас между ними большая разница в десять лет, а тогда будет небольшая разница в десять лет. Тем более что оба очкарики.

— Почему мы должны все и всегда понимать, — слышала я слова Сесе. — Обезьяна не знает, как работает двигатель внутреннего сгорания, но знает, что ее везут в машине. И ее обезьяньему мозгу никогда не подняться до понимания.

— Но мы же люди, — говорил Холмик. — Мы учимся. Всему можно научиться.

Они разговаривали совсем как равные.

- Научиться с какой целью?
- Чтобы решить задачу, чтобы побороть препятствие.
- Я далек от мысли одушевлять природу, — сказал Сесе, — но я вижу определенную закономерность между нашими усилиями и ее реакцией на них. Пока человек был частью природы и подчинялся ее законам, антагонизма не было. Но стоило ему выделиться из нее, как он себя ей противопоставил. И началась война.
- Вы нас так не учили, — сказал Холмик, и мне показалось, что он улыбнулся.
- До некоторых вещей лучше доходить собственным умом.
- И вы видите в этом систему? — спросил Холмик.
- Скорее логику. Действие — противодействие. Когда-то давно люди перебили мамонтов. Жрать стало нечего. Но они выпутились — научились пахать землю. Заодно свели леса. Снова кризис. И снова люди выпутились. Последнее столетие мы называем техническим прогрессом. А для меня это — эскалация противостояния. Ты этого не помнишь, а мы учили всеобъемлющую формулу: «Нам нельзя ждать милостей от природы. Взять их — вот наша задача». Не знаю, насколько искренен был Мичурин, когда пустил по свету этот страшный афоризм. Это лозунг грабителя.
- Я помню другой лозунг: «Если враг не сдается, его уничтожают», — сказал Холмик.
- В применении к природе он неплохо действовал.

Из темноты надвинулся ослепительный глаз товарного поезда, и мимо пошли стучать темные громады вагонов. Грохот поезда заглушил слова Сесе и Холмика. Я видела, как они сдвинули головы и кричат друг другу.

— Любая система должна иметь средства защиты, — услышала я голос Сесе, когда поезд наконец утих. — Мы двинулись в наступление, будто нашей целью было убить Землю. И наше наступление начало наталкиваться на проблемы, которые были рождены этим наступлением. И мне даже видится некоторая корреляция. Мы губим леса и реки, уничтожаем воздух, повышаем уровень радиации. Результат — вспышки новых болезней. Рак, СПИД, орор...

— Вы неправы, Сергей Сергеевич, — сказал Холмик. — Это не ответ природы, а наше действие. Мы воздух портим и сами им дышим.

— Ты упрощаешь.

Было очень тихо, и их слова были слышны всем. Все слушали, о чем они говорят.

— Возьмите орор, — сказал Холмик. — Сначала его вирус был исподтишка, выборочно, а потом мутировал. Рак — детские игрушки. Но вирус потому изменился, что его травили лекарствами, а он хотел выжить. Значит, это не природа, а только один вирус. И мы его сделали таким.

— А я убежден, — сказал Сесе. — Мы бьем по природе, и чем сильнее, тем сильнее отдача. Пока мы не угрожали самому существованию биосфере, а лишь вредили, то и ответные шаги системы

были умеренными. Они не угрожали нам как виду. От рака умирают выборочно и чаще к старости. Но как только мы перешли критическую точку, то и меры стали кардинальными.

— Вы имеете в виду Огоныки? Тогда я тоже не согласен.

Кто-то в полутьме хихикнул. Холмик обожает спорить.

— Почему?

— Потому что Огоныки угрожают не людям, а всему живому.

— Не знаю, — сказал Сесе. — Когда система, лишенная разума, сопротивляется системе, претендующей на обладание разумом, действия ее не-предсказуемы.

— А вот идут две системы, обладающие разумом, — сказал Карен.

По платформе шли Ким и Селиванов. Они шли, упершись плечами друг в друга, изображали пьяных. Я сразу поняла, что им ничего не удалось отыскать. И Сесе тоже обрадовался. Я почувствовала, как с него спало напряжение. Я очень хорошо чувствую людей. Селиванов начал говорить нарочно пьяным голосом, кто-то из мальчиков спросил, чего же они не позаботились о друзьях, а Селиванов сказал, что на вынос не дают. Сесе вдруг озлился и потребовал, чтобы Селиванов перестал говорить глупости.

— Все равно сгорим, — сказал Ким. — Трезвые, пьяные — все равно. Все глупо.

— Перестань, Ким, — сказала Даша Окунева. — Мне тебя слушать противно.

Тут пришла электричка. Она была почти пустая. Мы сели тесно, чтобы согреться — в электричке было холодно и полутемно. В последние недели электричество экономили, некоторые электрички сняли, на улицах горели лишь редкие фонари, а днем в домах отключали свет.

Огонек возле нашего поселка появился в конце октября. Даже странно, что он не появился раньше. Как-то Холмик сказал в классе:

— Какая-то дискриминация.

Он предпочитал шутить об Огоньках. Это делали многие, у них защитная реакция. Потому что люди ко всему привыкают. Даже к Огонькам. Никто их уже не считал. Загорался новый, сообщали куда следует, потом приезжала команда, обносила место проволокой, ставила стандартную предупредительную надпись, хотя и без этого никто к Огоньку не подойдет. И уезжали. А вы продолжали жить. Как прежде. Потому что сами по себе Огоньки никому не вредили. Не Огонек ухудшал нашу жизнь, а то, что с ним было связано.

У Кима умерла мать, но ее не привозили хоронить — ооров хоронят в больнице. Ким с отцом ездили туда. Раньше Ким сидел на парте с Селивановым, но, когда стало известно, что мать Кима умерла от оорора, Селиванов отсел от него. Я подумала тогда, что мне надо было совершить поступок и сесть рядом с Кимом. Но я не села. Потому что не хотела, чтобы кто-то подумал, что я навязываюсь.

В конце октября было объявлено, что в этом сезоне школу не будут топить и потому с мороза-

ми занятия прекращаются. Это было крушением. Наверное, в Москве или в Париже люди больше знают и говорят об Огоньках. А у нас это не так заметно. Конечно, свет на улицах не горит, но у нас он всегда горел плохо. И в магазинах совсем плохо с продуктами, даже с хлебом перебои. Но нас никогда хорошо не снабжали. И дожди идут, и яблоки не созрели. Но картошку все-таки собрали. Люди скупали в магазинах соль и спички. Мать тогда сказала: «Как будто война». Я не поняла, а она пояснила: «В России, когда грозит война, всегда скупают соль и спички». Но войны никакой не было. То есть война продолжалась — на Ближнем Востоке, в Африке, но у нас войны не было. Но когда Сесе пришел в класс и сказал: «Ребята, занятия на неопределенное время отменяются», мы сначала обрадовались, потому что не поняли, что это означает.

А когда поняли, почти все испугались. Даша спросила: «А как же я в институт попаду?» Но еще глупее была реакция Карена. Он как закричит: «Да что вы! Если мы в этом году десятый не кончим, я в армию загремлю!» Кто-то сказал: давайте будем рубить дрова. Сначала раздались голоса в поддержку, но потом Холмик напомнил, что у нас в школе батареи центрального отопления — не ставить же буржуйки в классах, как в революцию. Сесе старался быть спокойным и даже оптимистичным. Он объяснил, что перерыв будет только до весны. Как только потеплеет, уроки возобновятся.

Он сказал, что мы будем заниматься самостоятельно по программе, которую он даст индивидуально, что можно будет ходить к нему домой на консультацию. Он так горячо говорил об этом, что мы поняли — школа для нас кончилась.

Ким пошел со мной из школы. По улице мело. Мы прошли мимо нашего Огонька. За последние дни он подрос, стал с футбольный мяч, жар чувствовался уже в десяти шагах, воздух стремился к Огоньку, чтобы сгореть.

Ким дошел до моего подъезда. Наш дом двухэтажный, баракного типа, остался еще с первых пятилеток. Мне было холодно. Ким хотел сказать что-то важное. Поэтому он закурил. Потом сказал:

— Оль, выходи за меня замуж.

Это было совсем неумно. Бред какой-то.

— Ты что, — сказала я. — Я об этом совсем не думала.

— Я серьезно говорю, — сказал Ким. — Если ты боишься орора, я тебе даю слово, что нам всем — отцу, братьям и мне — в Москве делали анализ, мы не носители.

— Я не о том.

— А о чем?

— Мне шестнадцать. Недавно исполнилось. Тебе тоже. Я понимаю, если бы тебе было двадцать, ну хотя бы восемнадцать. Люди никогда не женятся в нашем возрасте.

Я, наверное, говорила очень серьезно, как учительница, и он рассмеялся.

— Ты дура, — сказал он. — Люди не женятся, а мы поженимся.

— Ты мне очень нравишься, — сказала я. — Честное слово. Но давай поговорим об этом через два года.

— Через два года мне будет не с кем говорить, — сказал Ким. — Потому что мы с тобой будем мертвые.

— Не говори глупостей.

— Ты это тоже знаешь. И трусишь. А я тебе говорю — пускай у нас будет счастье.

— Это не счастье, — сказала я. — Это не счастье — делать то, чего мы не хотим.

— Я хочу.

— Ты глупый мальчишка, — сказала я. — Ты струсили.

— Я не струсили. Я лучше тебя все понимаю. Мать умерла при мне.

— При чем тут это?

— Это все вместе, — сказал он. — Земле надоело нас терпеть. Почему ты хочешь подохнуть просто так, даже не взяв что успеешь.

— Ты думаешь, если плохо, то все можно?

— Завтра об этом догадаются все. И законов больше не будет.

— Пир во время чумы? — спросила я.

— Конечно. Ты подумай. Завтра я спрошу.

— Уходи, — сказала я. — Мне это неприятно.

— Законов не будет, — усмехнулся он. — Только сила.

— И где ты этого наслышался? — возмутилась я. Тогда Ким ушел.

Я смотрела ему вслед — такой обыкновенный мальчишка. Хорошенький, чернявый, на гитаре

играет, в авиамодельном кружке занимался. И мне стало очень страшно, потому что он сказал про силу. Может, это был детский страх, а может, женский. Еще вчера у меня было место, где собирались такие же люди, как я, — школа. И был порядок. Школы нет, и Ким в один день стал не мальчиком. Или я этого не заметила раньше?

Я не пошла домой. Был день, светло. Только холодно.

Я поднялась по Узкой улице, мне захотелось посмотреть на наш поселок сверху. Дверь в церковь была открыта, и перед ней было много людей. Внутри пели. Я никогда не видела столько людей у церкви. А внутрь даже не войдешь. Я вдруг подумала — сейчас по всей Земле люди куда-то идут, чтобы только не сидеть дома. Одни в церковь, другие в мечеть, трети в райком, потому что хочется найти защитника.

Я вышла на обрыв. Река замерзла, и по ней неслась снежная пыль. Ветер был ужасный. Я вдруг посмотрела вверх и подумала — почему все говорят про летающие тарелочки? Вроде бы их видели? Почему они не прилетают? Именно сейчас они должны прилететь и сказать, что знают, как нам помочь. Надо бы сказать маме про Кима — может, это смешно? Но потом я поняла, что мама страшно испугается. Она каждый день приносит с работы разные истории — про самоубийства, про грабежи. На станции я сама видела военные патрули — никогда еще не было военных патрулей на тихой пригородной станции.

Я не знаю, почему стало так плохо с энергией — но это было во всем мире. Но вечерами телевизор еще работал. Через несколько дней после того как закрылась школа, я увидела по телевизору съемку Земли со спутника — не помню, как называлась передача. Мама тоже была дома. Она была еле живая после дежурства. Она рассказывала, как в больнице делают железные печки. Им привезли дрова — некоторые предприятия закрыты, и все рабочие рубят лес, чтобы не замерзли в городе. Мы сидели дома и смотрели на Землю сверху. И тогда я поняла, как плохи наши дела. Огоныков на Земле было много тысяч. Они горели точками по всей суще, только не равномерно — в некоторых местах они пылали впритык друг к дружке, в других местах, например, в тундре, их было куда меньше. Всего их было столько, словно какой-то злодей истыкал иголкой полотно Земли.

Мы с мамой знали, что Огоныки не только плодятся, но и растут. Мама сказала:

— Еще совсем немного, и они соединятся.

— И тогда будет новое Солнце, — сказала я.

А диктор говорил, какие общие исследования ведут ученые разных стран. Потом об энергетическом голоде и изменении климата на всей Земле из-за того, что количество кислорода в атмосфере уменьшилось и происходит интенсивное испарение. Поэтому облачный слой почти непроницаем для солнечных лучей и растения не получают света и тепла. Произошло резкое похолодание, и надо ждать сильных бурь. Потом нас призывали к спокойствию и порядку.

Я почти перестала спать. Я видела, что случилось, когда новый Огонек проснулся под домом у станции. Дым был до самых облаков — весь дом сгорел, даже не все успели убежать. И мне начало казаться, что если я засну, то под нашим домом тоже появится Огонек и я не успею убежать.

Потом налетела первая из больших бурь. Она началась ливнем. Ливень сожрал снег, на реке появились полыни. Ливень не прекращался, а ветер становился все сильнее. С некоторых домов сорвало крыши. Мать оставалась в больнице — их перевели на казарменное положение. Бензин выдавали только «скорой помощи» и милиции.

Я как-то пробралась к маме — очень проголосдалась. Дома все кончилось, я думала, что у мамы должна быть какая-то еда. Больные лежали в коридорах и в холле. Некоторые просто на полу. Мать вынесла мне тарелку супа, и я съела его, сидя у горячей печки. Мама была совсем худая, глаза красные, она сказала, что у них больше всего сердечников и астматиков — люди умирают от перепадов давления и недостатка кислорода. Еще там было много покалеченных и даже с огнестрельными ранами — мама шептала мне про то, как милиция сражалась с бандой грабителей и было много убитых и раненых. Она велела мне переехать в больницу — тут спокойнее, а дома опасно. К тому же в больнице не хватает санитарок, от меня будет польза. Потом она рассказала, что возле госпиталя был Огонек, но он погас — это было так странно, что приезжала комиссия

из Москвы. Они ничего не нашли, даже следов Огоńька.

Когда буря немного улеглась, я пошла домой, чтобы собрать вещи, и встретила Холмика. Я его давно не видела. Холмик сказал, что он в дружине — они собирают в магазинах и на складах продукты и теплые вещи, свозят это в стационарные склады, потому что их охраняют солдаты.

Он сказал:

— Каждый должен делать полезное.

Мы с ним стояли совсем близко от Огоńька, что горит во дворе дома. Я к этому Огоńьку привыкла. И каждый день смотрела, как он понемногу растет.

Холмик был возбужден, ему казалось, что он делает что-то нужное. А я, насмотревшись на больных, сказала ему со злостью:

— Ты хочешь, чтобы мы умерли на неделю позже?

— Я хочу, чтобы не умирали.

— У тебя есть надежда?

Я спросила это потому, что хотела, чтобы меня кто-нибудь успокоил.

— Да, — сказал Холмик. — Потому что Земля больна оспой. А каждая болезнь проходит.

— Это ты сейчас придумал?

— Это только образ.

Мы отошли под стену, где меньше дуло. Я спросила, кого из наших он видит. Холмик сказал, что с ним в дружине Селиванов. Я удивилась, потому что Селиванов тупой и бездельник.

— Люди меняются. — сказал Холмик. Потом подумал и добавил: — У нас тоже не все ангелы. Некоторые берут для себя.

Но не стал объяснять, относилось это к Селиванову или нет.

И еще сказал:

— Вчера расстреляли трех мародеров. Только я не пошел смотреть.

— А Кима не видел?

— Нет. Селиванов говорил, что он уехал в Москву.

— Спасибо.

— Ты за что благодаришь?

— Не важно. А как Сесе?

— Ничего, — сказал Холмик, но так сказал, что я сразу же стала настаивать. — Что случилось?

— Он болеет, — сказал Холмик.

— Чем болеет?

— У него оopor.

— Не может быть!

— Почему?

— Ты сам видел, сам?

Я поняла, что все могут умереть или заболеть, а Сесе не может, не должен, потому что это несправедливо!

— Да, — сказал Холмик. — Я его видел.

— Он в Москве? В больнице?

— Нет. Он дома.

— Почему?

— В Москве больницы переполнены. Ты не представляешь, что там делается. Теперь у кого оopor, остаются дома.

— Я скажу маме — его возьмут к нам в больницу.

— Не возьмут. И он сам не согласится. Он же понимает.

— Что здесь можно понимать?

— То, что в больницах еле справляются с теми, кому можно помочь. Опорным помочь нельзя, ты же знаешь!

— Но ведь говорили про сыворотку!

— Оля, я пошел, ладно? Некому сейчас делать сыворотку.

Он убежал, а я пошла домой. Я думала, что надо навестить Сесе. Кто за ним ухаживает? Ведь он жил один, рядом со школой.

Я вернулась к Огоньку. Он был такой же, как вчера. Я подумала, как я мало о нем знаю. Ведь он живой или почти живой. Он растет. Он хочет нас всех убить. Или он не знает, что убивает? Между мной и Огоньком был железный столбик — его поставили, когда огораживали Огонек. Если стоять, прижавшись щекой к углу дома, то край Огонька касается столбика. Коснулся, мигнул, отодвинулся. Снова коснулся... Уйди, говорила я ему, пожалуйста, уйди... Долго смотреть на Огонек нельзя — болят глаза. Оспа Земли, повторяла я про себя. Оспа, которая может покрыть всю кожу, и тогда больной сгорит. И это случится очень быстро. Если бы я знала, что я сейчас умру, но мама будет жить, и Холмик будет жить, и Дашка — это было бы плохо, но не так страшно, честное слово. Но если я знаю, что вместе со мной умрут все, даже самые маленькие ребятишки, и вместо всех домов и церквей, музеев и заводов будет только огонь — это страх непереносимый.

И у меня в сердце была такая боль, что я даже забыла о Сесе. Холодно-холодно и тошнит.

У самого дома меня вырвало. Может быть, потому что я давно не ела, а тут съела целую тарелку супа в больнице. Может, от ужаса. И сколько мне жить в этом ужасе? Мама говорила в больнице, что у них много самоубийц, которые не сумели себя убить. Оказывается, больше половины самоубийц остаются живыми.

Я включила телевизор, но он не включился. Снова начался ливень, и он бил по стеклу словно кулаками. Начало темнеть, и дали свет. Я экономила свет, у меня горела только одна лампочка в большой комнате. Ливень стучал в окно, и я не сразу поняла, что там человек, который тоже стучит. Я не подумала, что это может быть Ким, и открыла. Мне было не страшно — мне было все равно.

Это был Ким.

Он был в кожаной куртке и кожаных штанах. Совсем пижон. И кепка у него была черная, кожаная. Он отпустил черные усики.

— Привет, — сказал он. — Где мать?

— В больнице, — сказала я. — А мне сказали, что ты в Москве.

— Я в Москве, — сказал он. — Там все лучшие люди.

Я поняла, что он пьяный.

— Ты чего приехал? — спросила я. — Домой?

— Нет. Я к тебе приехал. Ты помнишь наш разговор?

— Кимуля, — сказала я. — Неужели ты об этом можешь думать? Я сегодня была в больнице. У мамы. Ты бы посмотрел. И Сесе болен.

— Пустые слова, — сказал он и глупо засмеялся. Он сел в кресло и вытащил из-за пазухи пистолет, настоящий, черный, блестящий, словно мокрый.

— Видишь? — сказал он. — Пир во время чумы. Предлагаю участие.

— Дурак ты, Ким, — сказала я.

— Я на тачке приехал, — сказал он. — Дружок ждет. Мы славно живем. Делаем дело и уходим. Москва большая.

— Ну чего ты выступаешь? — сказала я. — Меня ты не удивишь.

— Ты не поверила? Смотри.

Ким засунул руку в верхний карман куртки и вытащил оттуда горсть каких-то ювелирных брандзулеток.

— Хочешь? — сказал он. — Все твое!

— А зачем? Кому это теперь нужно?

— Находятся чудаки. Даже не представляешь сколько. Меня тут поцарапало, перестрелка была с патрулем.

Мне было с ним очень скучно, словно он был мальчиком на сеансе про американских гангстеров, а я взрослая зрительница.

Он поднялся, и я спокойно смотрела на него.

Он поигрывал пистолетом.

— Пошли, — сказал он. — Я в самом деле про тебя думал. Все время. Я тебе все достану — все что хочешь. И шмотки, и жратву. Ты будешь моей королевой, честное слово. Меня в организации уважают. Я двух милиционеров пришил, честное слово. У нас знаешь, сколько баб — а я к тебе.

— Ты еще маленький, — сказала я.

Он поднял пистолет и прицелился в меня.

— Олька, — сказал он, будто играл роль, — у тебя нет выбора. Ты моя.

— Уходи, — сказала я. — Мне собираться надо, я к маме в больницу переезжаю.

Он пошел ко мне, не выпуская пистолета, и я стала отступать, мне все еще не было страшно.

Вдруг он отбросил пистолет и схватил меня.

— Я докажу! — повторял он. — Я сейчас докажу.

Он стал валить меня на диван. Он разодрал мне на груди платье и оцарапал шею. Если бы я тогда испугалась, я бы, конечно, погибла — он бы сделал все, что хотел. Но я не боялась, и мне было скучно и противно, словно я смотрю со стороны. Я думала — как сделать ему больно? Простите, но я укусила его в нос. Это как-то неприлично звучит — а он закричал, и я поняла, что правильно сделала. Я побежала к открытой двери на улицу, хотя знала, что там его дружок.

Я выскочила на улицу. Там в самом деле была «волга», за рулем сидел парень, но он не смотрел в мою сторону. Я не могла звать на помощь — была такая буря! А услышат — кто посмеет выйти?

Ким выскочил с опозданием и не видел, куда я побежала, но к тому времени его дружок опомнился и показал.

Я обернулась и увидела, как Ким прыгнул в машину. «Волга» рванула с места.

Я побежала за угол и чуть не попала под газик.

Это был зеленый газик с красной звездой на боку.

Я отскочила к стене и увидела напряженное лицо

солдата за рулем. И тут же газик затормозил — чуть не столкнулся с машиной. Ким открыл дверь и начал стрелять по газику. Оттуда выскакивали люди. Они тоже стреляли. Один из солдат упал головой в лужу. Был грохот и крики, а мне казалось, что это ко мне не относится. Потом все кончилось. Я видела, как солдаты заносили своего в газик, а Кима и его дружка положили в «волгу». Туда сел солдат, и «волга» уехала. Офицер из газика, в мокром плаще, подошел ко мне и спросил:

— Других не было?

— Нет, — сказала я.

— Ты иди домой, — сказал офицер. — Иди, тебе здесь нечего делать.

Лил дождь, а лужа, в которой раньше лежал солдат, была красной.

Я пошла домой, но не дошла, а остановилась возле Огонька.

Мне не было жалко Кима, потому что это был чужой Ким.

— Вот видишь, к чему это приводит, — сказала я Огоньку. Я была совсем мокрой, в рваном платье. И тут я увидела, что за то время, как я не встречалась с Огоньком, у него появился младший братишка. Я смотрела на железный столбик. Мой старый Огонек еще больше подрос, край его залез за столбик, а малыш был совсем маленьким, как мухоморенок рядом с мухомором.

Идти в таком виде к маме в больницу было нельзя, только пугать ее. Я вернулась домой и почти сразу заснула — такая у меня была реакция.

Ночью я просыпалась от страха. Я задним числом перетрусила. Мне казалось, что кто-то про-

брался в дом и сейчас он со мной что-то сделает, а может, убьет, но я не могла отогнать сон настолько, чтобы проверить, заперта ли дверь.

Я проснулась поздно. Было тихо. И я целую минуту лежала совсем спокойно в хорошем настроении и думала: почему не надо идти в школу? Потом минута прошла, и я все вспомнила. Я попыталась включить телевизор, он не работал, было полутемно, хотя часы показывали девять часов. Я выглянула в окно: над улицей нависла почти черная туча — вот-вот выплеснется. Я стала быстро собираться. Кожаная кепка Кима лежала на полу. Я выкинула ее в мусорное ведро. Потом собрала свою сумку — только самые нужные вещи, словно собиралась на экскурсию. Я решила, что отнесу вещи, а потом схожу к Сесе. Обязательно. Ведь я не боюсь заразиться?

Но в больницу я не пошла. Я подумала, что, пока я буду ходить в больницу, Сесе может умереть. Я оделась потеплее, перерыла всю кухню, пока нашла полпачки сахара — даже странно, что не видела ее раньше. Больше мне нечего было отнести Сесе.

Я поспешила к Сесе, пока не началась новая буря. Воздух был тяжелый, и я сразу запыхалась, пришлось перейти на шаг. Сесе жил в трех квартирах, рядом со школой, у него свой маленький дом — это дом его отца, который когда-то был директором нашей школы, но потом умер.

У дома я встретила Шуру Окуневу, старшую сестру Даши. Она спросила меня, не видела ли я ее Петьку. Петька убежал на улицу, а она волнуется. Я сказала, что не видела. И спросила, Сесе дома? Это был глупый вопрос.

— Ты что не знаешь? — спросила Шура. — У него же офор, может, он помер.

— А ты к нему не ходила?

— Ты что! У меня ребенок. Мне бы его сохранить.

— Я к нему пойду.

— Олька, — сказала Шура убежденно. — Нельзя. Он все равно что умер. А это верное заражение, ты у любого спроси — сегодня офор хуже чумы.

— Я пойду.

— Тогда больше ко мне не подходи и вообще к людям не подходи! — закричала Шура.

Я понимала, что она психует — в такие дни иметь ребенка — это вдвое хуже.

Шурка побежала дальше, крича своего Петьку, а я пошла к Сесе.

Дверь к нему была открыта.

Я спросила, есть ли кто дома.

Сесе не ответил, и я вошла.

Он был совсем плохой. Страшно худой — скелет, а на лице и на руках красные пятна. Руки покорно лежат на одеяле, и сам он покорный.

Он увидел меня — глаза расширились.

— Здравствуйте, — сказала я. — Я пришла, может помочь?

— Не подходи, Николаева, — сказал он. — Нельзя.

— Ничего, — сказала я, но осталась стоять у двери. Я даже не подозревала, что человек может так измениться. Я понимала, что он скоро умрет. На столике стоял пустой стакан.

— Вы пить хотите? — спросила я, чтобы не стоять просто так.

— Не надо.

Я прошла к кровати, взяла стакан и пошла на кухню. На кухне было запустение, но кто-то здесь недавно был. Значит, кто-то ходит.

А я боялась.

У плиты стоял газовый баллон, и в нем еще оставался газ. Я включила его, поставила чайник, достала сахар. Вернулась к Сесе.

— Вот видишь, — тихо сказал Сесе. — Не повезло.

— Ничего, — сказала я, — вы еще поправитесь.

— Спасибо.

— А кто к вам приходит?

— Ты не знаешь?

— Нет.

— Холмов.

— Холмик? А мне он ничего не сказал.

— Это опасно. Вы, ребята, не понимаете, как опасно.

— Все очень опасно, — сказала я серьезно. — Потому что меняются люди.

— А как там Огоньки? — спросил Сесе.

— Вчера новый родился за нашим домом, — сказала я. — Совсем маленький.

Он закрыл глаза, потому что ему было трудно говорить.

— Я буду у мамы в больнице, я возьму лекарства.

— Не надо, — еле слышно сказал Сесе. — Они нужны живым.

Чайник закипел, я сделала сладкий напиток. Потом напоила его.

Сесе не разрешал, но он был такой слабый, почти невесомый, и я его все равно напоила. Мне было бы стыдно этого не сделать. Он немного попил, но больше не смог. Он закрыл глаза, а я ему что-то хотела сказать и никак не могла придумать что.

И я сказала ему, как я его люблю, как я всегда его любила, потому что он самый красивый и умный. Еще с седьмого класса любила. Он вдруг начал плакать, только слезами — лицо было неподвижно. Он велел мне уйти.

На улице меня поймал такой ливень, какого я еще не знала.

Было темно, как глубокой ночью, и я даже заблудилась. Я шла и все время натыкалась на стены. Я плохо соображала. Но тут я увидела наш Огонек. Я добралась до угла дома, стояла там и смотрела на Огонек с ненавистью, как будто он был виноват в болезни Сесе.

Было все еще темно, но дождь вдруг ослаб. Я поглядела на железный столбик — и увидела, что край Огонька не достает до него.

А маленький Огонек не увеличился.

Я стояла и глядела на Огонек словно загипнотизированная. Не знаю, сколькоостояла. И тут услышала далекий крик. Почти сразу большой Огонек съежился, а второй, малыш, мигнул и исчез.

Я обрадовалась. Значит, правда, что они могут исчезать.

Потом я забежала домой, взяла сумку и направилась в больницу.

По дороге встретила Шурку Кедрину.

Она поднималась от реки, еле живая, словно ее палками побили. Она тащила на руках Петьку — Петьке уже шесть лет, он тяжелый, она задыхалась. Она увидела меня и начала кричать, словно я была виновата.

— Я же звала! — кричала она. — Я же звала — и никого!

— Нашла? — спросила я. — Вот и хорошо.

— Ты не понимаешь! — кричала Шурка. — Холмик утонул. Ты понимаешь — Холмик утонул! Он моего Петьку вытащил, а его унесло! Я сама видела!

— Где? — Я бросила сумку. Я побежала к реке. Вслед кричала Шурка, потом она бежала за мной, она не замечала, что Петька тяжелый и мокрый, она все время повторяла:

— Я же не могла... он за бревно держался, он Петьку вытолкнул, а река — ты же знаешь... Я Петьку тащила...

Река была вздувшейся, громадной, по ней неслись бревна, части домов, какие-то ящики... Ни на берегу, ни в воде не было ни одного человека.

— Может, его выбросило на берег? — Я просто умоляла Шурку подтвердить, а она не смогла.

— Я видела — его голова, там, на середине, появилась, и все...

Я взяла у нее Петьку, он устало плакал.

Мы по очереди несли его на косогор. Уже на верху я спросила ее:

— Ты кричала?

— Ой, как я кричала! — ответила Шурка.

Я отдала ей Петьку.

— Согрей его, — сказала я.

— Я кричала — и никого, — повторила Шурка и ушла.

И тогда я решила, что к маме пока не пойду. Мне нужно поговорить с кем-то серьезным, который захочет поверить.

Я дошла до станции. Уж не помню как.

На станции были люди. Солдаты и дружинники разгружали из вагона мешки. За путями, у стрелки, горел Огонек.

Я увидела того лейтенанта, который говорил со мной вчера.

— Мне надо в Москву, — сказала я. — Обязательно. Может, я ошибаюсь. Но если я не ошибаюсь, тогда есть надежда.

— Поезда не ходят, — сказал он. — Ты же знаешь. И в Москве такие пожары...

— Тогда я вам скажу.

Его позвали, но он посмотрел мне в глаза и крикнул:

— Погоди, без меня! — А мне сказал:

— Говори, девочка.

И я ему сказала про совпадения. Про то, как увеличился Огонек, когда пришел Ким, про то, как он чуть-чуть уменьшился, когда я пришла от Сесе, как погас малыш, когда Холмик вытащил Петьку, а сам не смог выбраться из реки.

Мы с лейтенантом добрались до Москвы на его газике.

И я все это повторила здесь.

Я знаю, что есть надежда. Никто раньше об этом не догадался, потому что не искал связи

между нами и Огоньками. А если нет надежды, ее надо искать там, где не искали.

Нет, я не смогу остаться здесь. Холмика нет, и некому даже напоить Сесе. Вы просто не представляете, какой он человек.

И мама, наверно, уже с ума сходит.

По вопросам оптовой покупки книг
«Издательской группы АСТ» обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги «Издательской группы АСТ» можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – «Книги по почте»

Литературно-художественное издание

Булычев Кир

Лишний близнец

Повести, рассказы

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев

Подписано в печать 21.06.99.
Формат 84 x 108¹/₁₂. Усл. печ. л. 23,52.

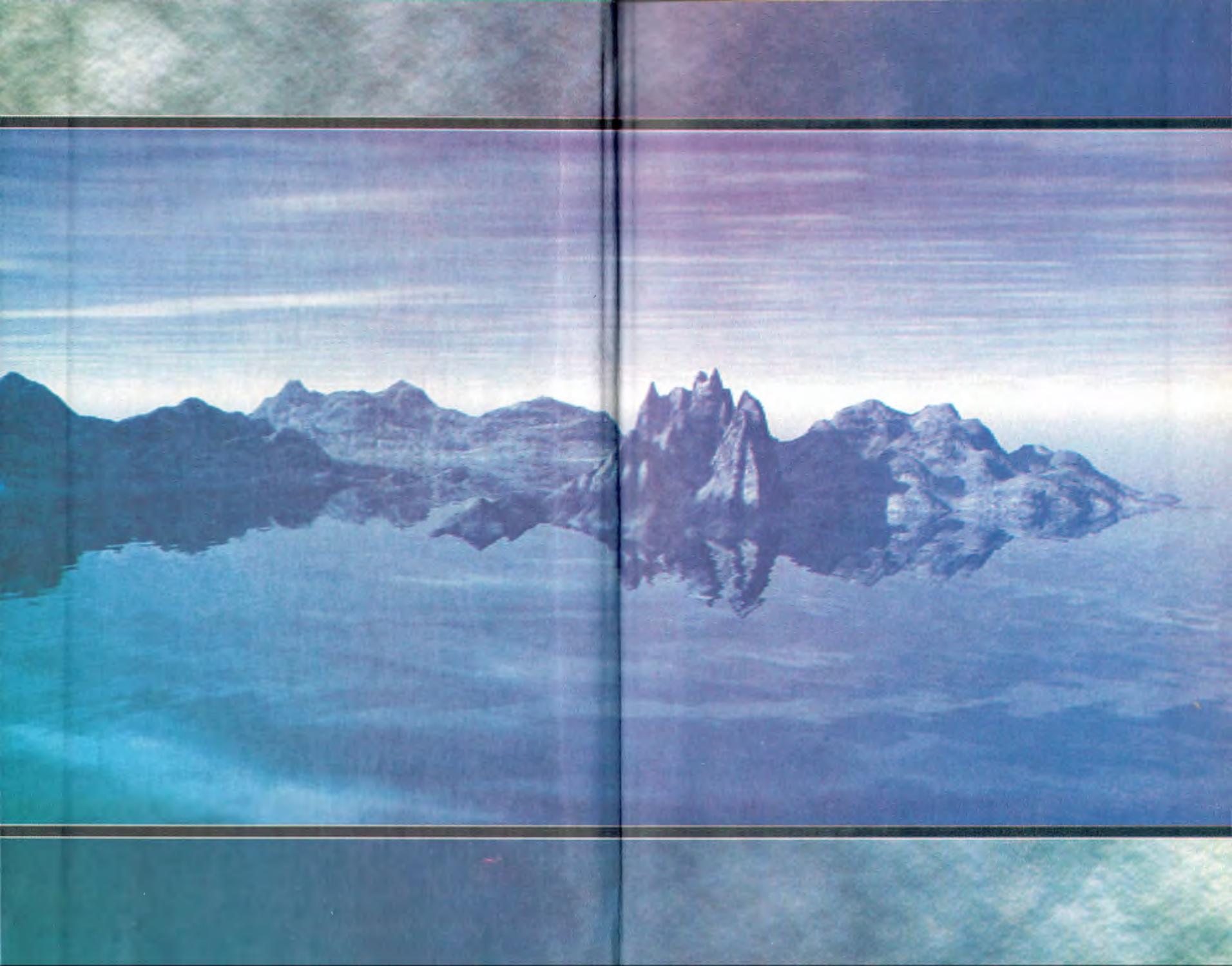
Тираж 15 000 экз. Заказ 3491.

**Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 – книги, брошюры**

Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Г.98. от 01.09.98 г.

ООО “Фирма “Издательство АСТ”
ЛР № 066236 от 22.12.98.
366720, РФ, Республика Ингушетия,
г.Назрань, ул.Московская, 13а
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 Госкомпечати России.
144003, г. Электросталь. Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

ISBN 5-237-02924-8

9 785237 029246

Добро пожаловать в город Веревкин и его окрестности!

Здесь не происходит ничего особенного. Все как всегда.

Обычный конец света — вполне ординарный...

Обычное убийство фантастом конкурента — и правильно. И нечего было писать то же самое!..

Обычное совещание трудового коллектива по случаю получения из преисподней заказа на самый средненький адский котел...

Добро пожаловать в искрометный, яркий, смешной мир Кира Булычева — писателя, который удивляет читателей снова и снова...

ЛАБИРИНТ

ЗВЕЗДНЫЙ